

~~177~~
277

Ан. Наврагин
**ФОНАРЬ
МАЛЕНЬКОГО
ЮНГИ**

Издательство
Детская литература.

Ян Навратил
**ФОНАРЬ
МАЛЕНЬКОГО
ЮНГИ**

ПОВЕСТЬ

Перевод со словацкого

*Рисунки
Г. Мазурина*

*Москва
Детская литература
1983*

И (Чехосл)
Н 15

Книга отмечена премией имени Франи Краля (1980),
Международной премией имени Януша Корчака (1981) и почетным
международным дипломом имени Г. – Х. Андерсена (1982)

Jan Navratil
LAMPÁS MALÉNO PLAVČÍKA
«Mladé léta», Bratislava, 1980

Части I, II перевела Н. Васильева
Части III, VI перевел М. Письменный

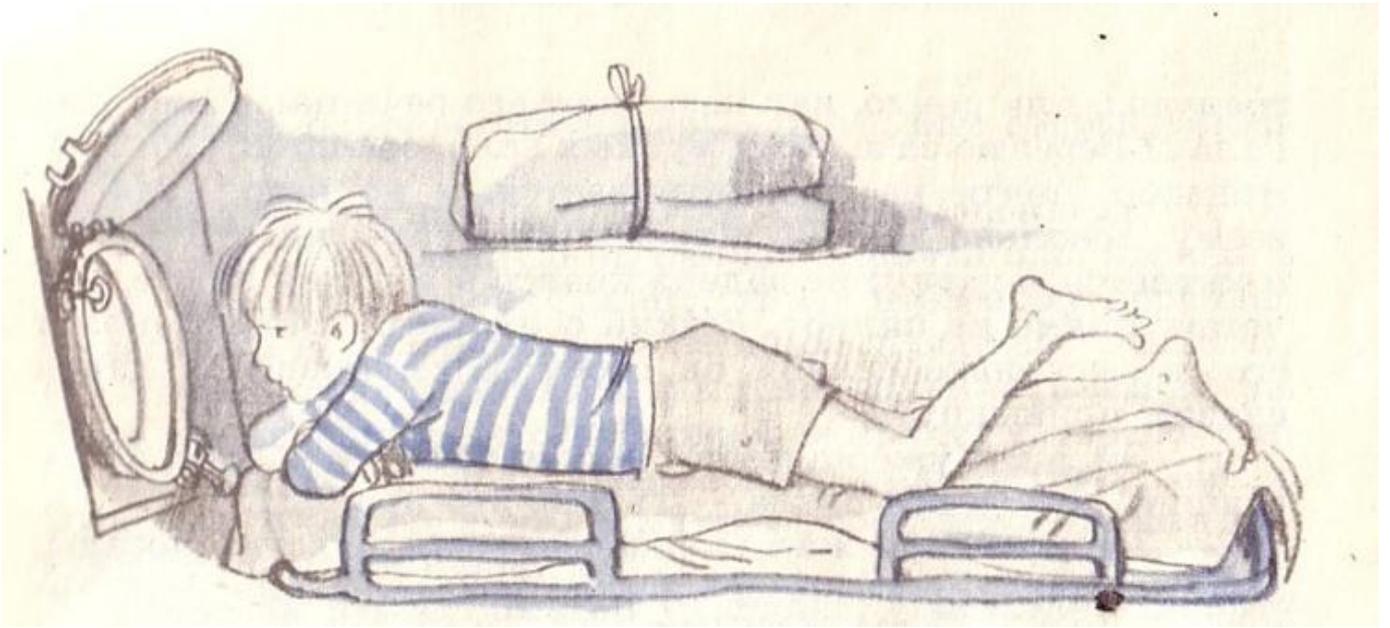
Навратил, Ян

Н15 Фонарь маленького юнги: Повесть/ пер. со словац. Н. Васильевой и М. Письменного; Рис. Г. Мазурина. – М: Дет. лит.; 1983. – 224 с., ил.

В пер.: 70 к.

Герой повести – шестилетний Марек – вместе с отцом и матерью живет на барже и плавает по Дунаю. Действие книги происходит в годы второй мировой войны, когда в борьбу с фашизмом включились все народы, живущие на берегу Дуная, - словаки, сербы, болгары, венгры и др. Книга освещена идеей пролетарского интернационализма.

Н 4803020000—515 439—83
M101(03)83

Часть 1. ПОВОРОТЫ

1

Каюта Марека в трюмном отсеке. С каждого борта по два иллюминатора — маленькие круглые оконца величиной не больше матросского берета, словно по нему их и вырезали. Солнце заглядывает сюда редко, да и то чуть-чуть, самым краешком. Баржа вся во власти Дуная. От речной глади в каюту струится свет, его мерцающие блики бегают по стенам, по поручням и ступенькам круто поднимающегося трапа, по немудреной каютной мебелировке.

Марек спит на самом верху двухъярусной койки. Его подушка упирается одним углом прямо в иллюминатор. В стекло, никогда почти не высыхающее, плещутся волны и рисуют на нем горы, дома, зеленых верблюдов... Когда судно на якорю и стоит полное безветрие, можно даже открыть иллюминатор и окунуть руки в воду. Сейчас иллюминатор крепко задраен барашковой гайкой. Марек тянется к ней, но повернуть не решается. Достаточно небольшой щелки, чтобы вода проникла в каюту. Юнга, пусть он и маленький, уже понимает, что можно позволить себе по-настоящему, а что только в мыслях.

Резкий гудок окончательно вырывает Марека из состояния сладкой полуденной дремы. Мальчик знает, что раздавшийся гудок — это сигнал к развороту на сто восемьдесят градусов, или рондо, как называют его речники. Разве уже Галац? Берег из-за зыбких мутных волн, бьющихся в иллюминатор, почти не просматривается, и до него, судя по всему, довольно далеко. Марек мигом спрыгивает с койки и кидается к трапу; не задерживаясь в верхней каюте, вылетает прямо на палубу. Резкий солнечный свет ослепляет его, и несколько секунд он стоит, зажмурившись, давая глазам привыкнуть.

— Эй, а мы уже на месте! — помахал ему матрос, помогавший отцу у штурвала. — Ты где это пропал?

— Да просто лежал, — едва скрывая чувство досады, ответил Марек, а глаза его жадно разглядывали бескрайние просторы низовьев Дуная.

Сначала ему захотелось подняться в рулевую рубку к отцу, и он уже поставил ногу на первую ступеньку, но передумал и побежал на корму. Чем ближе к воде, тем больше будет впечатлений от предстоящего маневра, надо только крепче ухватиться за край борта. Разворот судна совершается на предельной скорости. Перед глазами стремительно пролетают берега, причем правый в одно мгновение становится левым, палуба кренится, и кажется, что на тебя опрокидывается весь белый свет: один берег горой вздымается вверх,

другой проваливается куда-то в бездну. Тому, кто в эти минуты стоит у штурвала, приходится здорово попотеть, чтобы все встало на свои места.

Но вот разворот сделан, и пароход-буксир еще какое-то время тянет баржу против течения, постепенно сбавляя скорость. На нос протопал матрос и по команде стал спускать якорь. Цепь весело загрохотала, словно радуясь, что плавание вниз по течению кончается. Когда якорная цепь туго натянулась, Марек с отцом были уже на носу баржи.

— Уж лучше бы поставил нас у берега,— кивнул матрос в сторону удаляющегося буксира.— По крайней мере, в буфет бы заглянули. Все равно ведь к берегу идет.

Марек смотрел на удаляющееся судно, на бурун, пенящийся от винта. Он думал про винт, потому что судно называлось «Рессель» — как раз по имени конструктора винта, и мысленно прощался с ним. Назад, против течения, буксир поведет уже не их, а другую груженую баржу. «До свидания, «Рессель»! Не забудь номер нашей баржи: 6714. Когда встретимся, поприветствуем друг друга, как добрые знакомые».

Отец и матрос намотали тяговые канаты на кнехт, чугунную тумбу, укрепленную на палубе, и почти одновременно подняли головы вверх. Солнцу, этому небесному кораблю, до захода в вечернюю гавань оставалось еще несколько часов. Редко когда удавалось так рано закончить плавание. Знай они наверняка, что за баржей не придет катер, спустили бы шлюпку на воду и на веслах сходили бы к берегу. Наверное, о том же думал и матрос с соседнего, пришвартованного рядом судна.

Винтовой буксир быстро удалялся. Название на борту превратилось в черное пятно. Наконец судно скрылось за высоким корпусом морского корабля, несколько таких великанов было рассеяно по речной глади. Тогда Марек неожиданно обратился к матросу:

— Гажо, а ты знаешь, кто такой Рессель?

— Опять ты ему тыкаешь?! — одернул Марек отец.— Сколько раз я уже говорил, что он старше тебя. Не смей больше ему тыкать!

— А что тут такого, дядя Янко? — засмеялся матрос.— Пусть себе тыкает! — Он похлопал мальчика по плечу:— Валяй, Марек! Мы, матросы,— одна семья.

Все смеялись. Только болгарин с соседнего судна не смеялся. «Молодой еще,— подумал Марек и улыбнулся ему,— не понимает по-словацки. Будет старше, научится. Каждый порядочный дунайский матрос должен знать по-словацки, по-венгерски, по-немецки, по-болгарски, по-румынски и по-сербски. Только словаки могут не уметь по-сербски, потому что они с сербами друг друга и так хорошо понимают, а при встрече говорят друг другу «брат». Настоящему дунайскому матросу надо знать много языков, потому что все матросы — одна семья».

— Ну, Гажо, скажи, кто такой Рессель?

— Ха-ха-ха, ну ты и мудрец! — радовался матрос, что Марек ему тыкает.

2

К стоящим на якоре баржам волной прибило два рыбацких баркаса: Рыбаки зацепились за обшивку баржи, на дне их баркасов поблескивала чешуей рыба, которую они не прочь были на что-нибудь обменять.

— Что везете? — спросили рыбаки.

— Сахар,— ответил отец.

— Сахар?

— Полную баржу,— показал отец на судно.

— А на обмен есть?

— Нет. Склады под пломбой.

— Снимите пломбы.

— Еще чего! Чтобы нас посадили?!

Сверху шел большой морской пароход, который Кралики видели вчера в Брэйле. Ясно, что погрузку на нем закончили, теперь он держит путь к устью, а потом кто его

знает куда. Пароход слегка раскачал баркасы, но рыбаков это не смутило. Они обождали, пока речники наглядятся на пароход, и снова начали свои расспросы:

— А старой обуви нет? Или чего-нибудь из одежды?

— Есть. Да только нам и самим пригодится.

Видя, что обмен не получается, рыбаки решили хотя бы подшутить. Они заметили на палубе мальчика и бросили ему пригоршню только что выловленной мелкой рыбы. Рыбешки трепыхались. Наверное, надеялись попасть обратно в воду. Марек поспешно прикрыл рыбу ладонями и укололся:

— Ай, окунь!

Рыбаки хохотали.

— Забирайте обратно! — Марек брал окуней за плавники и кидал назад в баркасы.

В дельте Дуная рыбаки едят мелкую рыбу, даже не почистив. Из-за этого матросы подтрунивают над рыбаками. А те в свою очередь высмеивают матросов: охота канителиться из-за такой мелочи! Внутренностей у этой рыбешки почти нет, так, ерунда какая-то, а чешуя сама отпадает, когда рыбу начинаешь печь. Чем не еда!

Марек долго исподлобья глядел на рыбаков. Так провести опытного речника! Как будто он никогда не видел окуня! Как будто не знал, что у окуня иглы в плавниках. Два пальца у Марека кровоточили. Нет, надо же так одурачить!

На дне другого баркаса среди рыбы копошились черепахи. Рыбаки видели, как жадно загорелись глаза мальчика. «Дайте мне вот этих, тогда я вас прошу», — читалось в его глазах. Ладно уж, мириться так мириться! Старый рыбак нагнулся, вытащил двух черепах и положил их на палубу к ногам мальчика.

— Спасибо! Спасибо! — поблагодарил мальчик сначала за первую черепаху, потом за вторую.

Прихватив одну из черепах, Марек сразу же побежал под рулевую рубку и опустил ее в середину свернутого рулоном запасного каната. А когда вернулся за второй, так и обомлел.

— Гажо, не дури! — закричал он на матроса — тот обеими ногами встал на черепаху. — Отпусти ее! Сейчас же отпусти!

Гажо отошел в сторону, а Марек заботливо осмотрел черепаху, не повредил ли Гажо что-нибудь.

А матрос гоготал во всю глотку.

— Да ее и машиной не раздавишь! Ведь у нее панцирь! Давай теперь ты попробуй.

Он хотел поставить Марека на черепаху, но мальчик не поддался. Ни за что на свете! Панцирь! А какая она маленькая?! Мальчик погладил черепаху:

— Не бойся, моя хорошая, я тебя в обиду не дам.

3

В каждом порту есть буксиры, чтобы тянуть баржи. Это небольшие пароходики с сильным двигателем. В Галаце несколько буксиров, но различить их издали невозможно. Один такой тягач отвел баржу Краликов на разгрузку.

Не к берегу, как они ожидали, а прямо к морскому пароходу, стоявшему на якоре посередине реки. Марек был доволен. Правда, теперь не сходишь в лавку за покупками, а мама ведь весь вечер туда собиралась. С восторгом глядел Марек на морского исполина, которому баржа была «по колено».

— Посмотри, папа, у них на трубе месяц, — показал он на пароход.

— Да, это пароход турецкий.

— Будто я не знаю! я сразу догадался, что турецкий. Это я тебя хотел проверить.

Вот освободятся они от груза, и баржа сразу же поднимется из воды, а турки, наоборот, осядут вместе со своими дурацкими тюрбанами. И уже не будут смотреть на соседей с такой огромной высоты. Сахар-то тяжелый! У Краликов в трюмах целых

шестьдесят семь вагонов сахара! Это два длинных железнодорожных состава. А два состава кое-что весят. Осядете, турки! Будьте уверены!

Отец следил за тем, чтобы подъемный кран парохода выгружал равномерно из всех трюмов, чтобы баржа постепенно поднималась из воды. Марек время от времени поглядывал на турецкий пароход, на его ватерлинию. Ему казалось, что пароход все так же высоко поднимается над водой, словно у этого великана в днище дыра и сахар ссыпается прямо в Дунай. Баржа выступила из воды уже почти на метр, а ее огромный сосед осел не больше чем на пятнадцать сантиметров.

— Как ты думаешь, сколько таких барж, как наша, можно туда вместить? — спросил Марек у матери, когда она вышла посмотреть на погрузку.— Сколько барж войдет в морской пароход?

— Смотря в какой,— ответила мать.— В один больше, в другой меньше.

— А в этот сколько?

— Может быть, десять...

— Десять барж? Сколько же это вагонов?

Мать больше интересовали надписи на мешках, которые подъемный кран из трюмов поднимал на пароход. Она посмотрела на мешки, и в глазах ее блеснули слезы. Марек засмеялся:

— Что ты плачешь, мама? Ведь это же не наш сахар. Да пускай они его забирают!

— Хоть и не наш, а из наших краев,— ответила мать и вслух прочитала надпись на мешке.— Может, этот сахар как раз наш дедушка делал.

— Ну да? — поглядел Марек на отца.

Отец, улыбаясь, подтвердил, что мать говорит правду. Кто бы мог подумать?! Когда вернемся в Словакию, надо рассказать деду, куда привезли его сахар.

С корабля на баржу спустили веревочный трап. Нижние ступеньки застучали по палубе, и Марек немного испугался. Что там такое? Он увидел, как через борт свесился человек в тюрбане и стал размахивать какой-то бумагой, словно намереваясь вместе с ней улететь.

— Капитан! Капитан! — орал турок во всю глотку.

Это явно относилось к отцу.

— Что такое? Подписать? Уже? — спрашивал отец и жестами переводил свои вопросы на турецкий язык.— Да ведь мы еще не выгрузились!

— Комм! Комм! — продолжал орать турок и махал еще энергичнее.

«Комм!» — по-немецки значит «иди!». Это Марек знал. Пока отец передавал матери записную книжку, чтобы та делала пометки, Марек уже ловко взбирался по веревочному трапу на турецкое судно.

— Марек, ты куда?! — испугалась мать.

— Да ведь они нас зовут! — показал мальчик подбородком вверх и начал резво карабкаться, чтобы быть подальше от матери.

— Вернись! Слышишь?! Слезь, а то упадешь!

— Не упаду, не бойся!

Отец быстро взбирался следом за ним. Вот он догнал сына, но не стал заставлять его спускаться вниз, как приказывала мать, а только шепнул мальчику, чтобы тот крепче держался и правильно ставил ноги на перекладину. Он страховал Марека, так что издали могло показаться, будто по веревочному трапу поднимаются не двое, а какой-то один толстяк. Отвесный железный борт корабля был внизу красный, аверху черный. Когда отец с Марekom добрались до границы черного с красным, у матери совсем потемнело в глазах. Оцепенев, следила она за ними. Мальчик уже помахал ей с палубы морского гиганта, а она все еще стояла неподвижно.

— Мама, мама! Ты нас видишь? — кричал Марек.— Мы тебя тоже видим! Какая ты маленькая! Все на барже такое маленькое!

И вправду с такой высоты все на барже казалось крохотным. Рулевая рубка, довольно высоко возносящаяся над верхней каютой, теперь казалась приплюснутой и прижатой к самой палубе. Вместо подъемников торчали два косых прутика. А якорь-то?! Высота превратила его в рыболовный крючок. Не баржа, а игрушка! И где в ней только помещались два железнодорожных состава с сахаром?!

На морском пароходе Марека окружал совсем иной мир. Прямо на палубе возвышался многоэтажный белый дворец. Вокруг были облака, а не волны. Нет, турки живут не с рыбами... Уж скорее они живут с птицами. С чайками!

Отец подписывал документы. Турки называли его «капитан», хотя и знали, что он всего лишь рулевой.

— Здесь подпишитесь, капитан, а теперь вот тут, капитан! — И весело скалили из-под тюрбанов свои белые зубы: — Кофе, капитан, не желаете?

Корабельный кок принес чашечки не больше маминога наперстка. Неужели турки такие жадины, а может, они насмеются? Или экономят сахар? Марек лизнул кофе из отцовской чашечки и скорчил такую гримасу, что турки захохотали. Смейтесь, смейтесь, вот тюрбаны-то свои потеряете!

Отношение Марека к туркам исправил корабельный кок. Он принес целую связку инжира, огромную, как спасательные круги, развешанные вдоль борта. Кок предлагал инжир Мареку, а тот, застенчивый дурачок, упирался, спрятав руки за спину и пожирая лакомство одними глазами.

— Спасибо, не надо... Не хочу...

К счастью, «спасибо» и «не надо» по-турецки, наверное, значат «повесь мне эту связку на шею».

Так турок и сделал, увенчав ею мальчика. Под этой тяжестью у Марека едва ноги не подкосились. И он сразу решил, что, пожалуй, турок тоже можно включить в семью дунайских матросов.

4

От Галаца до моря по Дунаю лишь один дневной переход. В этих местах Дунай разливается так, что едва видны берега. Название «морской Дунай», которое он получает возле острова попа Василе, очень даже подходит ему. Стремительность Дуная исчезает. Он несет свои воды величаво, спокойно, движется медленно, совсем как старик. Отдыхает. Куда ему спешить? До моря — рукой подать, времени хватит. Речники говорят о реке, словно о человеке, так тесно связаны с нею и жизнь и работа. Когда их дела идут хорошо, они говорят: «Дунай дал, Дунай позволил». Когда плохо: «Дунай отобрал, Дунай запретил...»

Вот теперь он запретил им покидать палубу. Порожние баржи широкими рядами стояли на якоре вдоль берега, ждали, когда придет буксир и потащит их к береговым складам. И попробуй в это время оставить палубу! Долго потом придется искать свою баржу,— бывало, и в другой порт ее отправляли без хозяина. Ждать порой приходится несколько дней. Полуденное солнце и само время в эти дни движутся еле-еле, словно подчиняются медленному течению реки.

Мареку надоело высматривать буксир, и он пошел к матери взглянуть, как она месит тесто. И даже кое в чем помог: подсыпал муки, подал противень, на котором они поставили хлеб в духовку.

— Вот если бы сошли на берег, тебе не надо было бы печь хлеб,— сказал Марек.

— В Румынии он почти всегда из кукурузы,— отозвалась мать.

— Я бы и кукурузный ел, только бы тебе не надо было печь.

— Ах, ты моя рыбонька! — Мать погладила сына по непослушным светлым вихрам и посадила к себе на колени.

Ее руки приятно пахли свежими дрожжами, и мальчик с удовольствием вдыхал этот запах. Мареку не пришлось сойти на берег, и он стал вспоминать те маленькие лавчонки, куда обычно заходят речники. Он представил себе деревянные прилавки, заваленные ароматными фруктами. Казалось, разыгравшийся аппетит мальчик утолял непрерывными вопросами, на которые мать охотно отвечала ему. Так, по крайней мере, сын был рядом и можно за него не волноваться.

— А с продавцами ты как будешь говорить?

— По-румынски,— сказала мать.— Хлеб — «пийне», молоко — «лапте», «мере» — яблоки, «рошийи» — помидоры.

— А «унде мерж» — это «куда идешь»? Правда? — выпалил Марек то, что сохранила его память от последнего пребывания в Румынии.

— Ты до сих пор помнишь? — обрадовалась мать.

— Помню. А «виз» — это вода.

— Правильно. Только это по-венгерски. По-румынски вода — «апе»,— улыбаясь, поправила она мальчика.

— А виноград как? Ты знаешь?

— Не знаю.

— А как тогда купить виноград?

— Я бы пальцем показала. Вот это!

— Ха-ха-ха,— смеялся Марек.— Вот это и вот это! Во какие мы покупатели! А еще что нам нужно? Мясо?

— И мясо купим. В Румынии еда дешевая.

— А в Регенсбурга дорогая, правда?

Марек мысленно перенесся с низовьев Дуная в его верховья.

— В Регенсбурге еда дорогая,— согласилась мать,— зато игрушки там дешевые. У тебя танк из Германии, он и движется и стреляет, а стоил всего несколько марок.

Мать заглянула в духовку. Хлеб поднимался, принимая нужную форму. Матросской хлеб похож на брусок — высокий, широкий и длинный, точно такой же, как духовка в печи. Иногда его с трудом удается оттуда вытащить. Случается, что кусок отламывается. Ничего, и такой съедают.

Марек тем временем вытащил из ящичка игрушечный танк и завел его ключиком. Танк двинулся вперед по полу, время от времени останавливаясь, и тогда его башня поворачивалась во все стороны, а из ствола сыпались искры. «В Румынии дешевая еда, в Германии танки»,— повторял про себя мальчик только что полученные сведения. Нужно купить запасных кремней для танка, старые он почти все израсходовал. Даже для зажигалки не осталось. Зажигалка на барже тоже вещь очень важная. Искра от кремня поджигает бензиновый фитиль, а фитиль в свою очередь — огонь в плите или сигнальном фонаре. И танк тоже может что-нибудь поджечь, а кроме того, он преодолевает препятствия вроде отогнутого половика или щепочек, разложенных на пути танка. На колесах у него зубчатые гусеницы. Танк ничто не остановит. Но сейчас Марек охотно поменял бы его на гроздь сочного винограда или персик.

— Что это с тобой? — спросила мать, заметив, что он перестал играть.

— Ничего,— ответил мальчик.

Но мать поняла, что интерес к игрушке у сына пропал. Марек засунул танк в ящичек на самое дно, под кубики, из которых можно складывать разных животных.

5

Когда загудел буксир, Марек выбежал на палубу.

— За нами идет! — крикнул он в каюту и стал наблюдать за буксиром.

А тот и вправду шел в их сторону, но вовсе не за ними, а только для того, чтобы поставить рядом еще одну порожнюю баржу. Так что Марек обрадовался преждевременно.

Он побежал сообщить матери, что теперь их баржа уже не самая крайняя и что их новые соседи — венгры. Потом снова вернулся на палубу и наблюдал, как соседи крепят свое судно к их барже.

Он решил, что, наверное, на венгерской барже нет детей, но тут из каюты рулевого выглянули сразу двое — мальчик и девочка. Когда Марек помахал им рукой, дети испугались и скрылись. «Ничего,— подумал Марек,— они слишком маленькие. С такими даже играть неинтересно».

Тут его внимание привлек белый мохнатый клубок — соседская собака. Наверное, и Марек тоже заинтересовал собаку. Они стояли друг против друга, совсем близко к краю палубы, но перешагнуть к соседу ни один из них не решался, хоть щель между палубами была совсем узкая. Собака по-венгерски значит «кутя».

— Кутя! Кутя! — позвал Марек.— Иди сюда, песик! Не понимаешь? Кутя, иди сюда!

Собака виляла хвостом, что, дескать, понимает мальчика, но на баржу к нему не шла. А вдруг буксир вернется и утащит баржу ее хозяев? Тогда, она потеряется. Сразу было видно, что это умный матросский пес.

На баржу Марека собака решила перейти только вместе со своим хозяином. Сначала она приняла к незнакомому мальчику — друг или нет? потом вскочила ему на грудь, лизнула в щеку и побежала к трюму, где сосед уже пожимал руки отцу и Гажо.

Во время разгрузки из мешков просыпался сахар, который отец и Гажо подмели в кучки. Собака лизнула сахар и высунула язык. «Сладкий, но немного грязный», — казалось, хотела она предупредить своего хозяина, чтобы тот не вздумал попробовать сахар.

— Для палинки и такой сгодится,— сказал сосед.

— Бери! — предложил ему отец.— Все равно в Дунай высыпем! Мы палинку не делаем, все никак не достанем латунную трубку для охладителя.

Чистого сахара соседу тоже дали, полное ведро, матросскую меру. Его насыпали из мешка, который вместе с двумя другими лежал под палубными досками. Как эти мешки попали туда, знал только Гажо.

— Сквозь щель провалились,— смеялся этот зубоскал.— А подъемный кран их там не нашел.

«Человек с берега, может, тебе и поверил бы, а уж речник — никогда»,— читалось во всезнающих глазах Марека.

А дело было так. Пока шла разгрузка, Гажо сдвинул палубные доски и спустил несколько мешков вниз. Только чтоб отец об этом ничего не знал. Отец осторожный, всего боится. Он на себе потащил бы эти мешки к туркам. Сейчас отец уже ничего не

скажет. Теперь у Краликов есть запас сахара, да еще и на обмен хватит. Два мешка припрятали «за стенку», так назывался тайник в трюмной каюте рулевого. Таможенникам и в голову не придет отдирать доски. Ничего они не найдут.

За ведро сахара сосед принес Краликам ведро мака. Оказывается, и у него тоже мак случайно просыпался в щель под палубные доски.

6

Снизу, от устья, сильно потянуло теплым ветром, видно, с моря несет. Над Дунаем сгущались сумерки, в рулевых рубках начали зажигать керосиновые фонари. Отец с Марекком тоже засветили фонарь. Ночью он будет охранять их баржу, чтобы все издалека видели — это место на Дунае занято, здесь уже есть постоялец,

Мать вынесла на палубу табуретку, отец и Марек уселись на крышке трюма. Интересно было смотреть, как загораются все новые и новые огоньки в портовом городе Галаце. Береговые маяки зажглись уже давно.

— Жаль, не удалось ничего купить, — сказала мать.

— Кто знал, что не будет погрузки? — пожал плечами отец. — Сейчас уже все лавки закрыты.

Быстро темнело, словно сумерки одновременно и поднимались от земли и спускались с неба. Дальний берег Дуная превратился в темную полосу, а над ней возвышались силуэты дунайских и морских кораблей. Над ними тоже горели фонари. И трудно было разобрать, что же светит вдали: фонарь или вечерняя звезда.

Иллюминаторы в трюмной каюте оставили на ночь открытыми. Мать высунула руку наружу, в темноту, ее обдало теплом, но на всякий случай она натянула Марекку на плечи стеганое одеяло. Прежде чем лечь, мать взяла со своей койки подушку с одеялом и положила их отцу на табуретку. Отец стелил себе постель на откидной скамье. Его тень неуклюже двигалась по стене. Когда он погасил фонарь, тень расплылась по всей каюте.

Все пожелали друг другу спокойной ночи, а это значило, теперь — ни слова. Внизу, под иллюминаторами, приглушенно, с едва слышным металлическим, но приятным отзвуком, журчала вода. Она, наверное, очень скоро бы всех убаюкала, если бы гармонию ночной тишины не нарушили вдруг какие-то посторонние звуки, сначала неопределенные, словно кто-то греб веслами, потом стало похоже, будто по воде шлепают лопасти большого буксирного парохода.

— Слышите? Вроде пароход, — невольно нарушил отец установленный обычай.

— В такое-то время? — удивилась мать.

Отец привстал на постели и выглянул в иллюминатор. Повсюду на поверхности воды виднелись неподвижные силуэты судов. Увидеть, что сбоку, отец не мог — мешало соседнее судно.

— Сверху идет, — решил он. — Только как? Сейчас ведь и в шаге от себя ничего не увидишь.

По гудку стало понятно, что ночной гость собирается сделать рондо. Марек представил себе, как перед глазами у речников сейчас пронесутся темные берега, замелькают огни. Может, они уже разворачиваются поперек Дуная...

В это мгновение на баржу обрушился сильный удар.

— Что случилось? — перепугалась мать. — Слышите? Она протянула руку к сыну, и Марек судорожно за нее ухватился. Нет, это был не тот толчок, который обычно ощущается при швартовке. Там удар смягчают специальные пробковые мешки на борту баржи. Уж скорее подумаешь, что на палубу с берега рухнул портовый подъемный кран. Но поблизости не было ни одного крана!

Отец выскочил на палубу. Те несколько секунд, пока он был там, в каюте показались часами. Вернувшись, отец схватил Марекку на руки и взволнованно сказал матери:

— Пойдем скорее наверх, там баржа тонет!

— Та, где белая собачка?! — ужаснулся Марек, взглянув на соседнее судно. Видно, собачка крепко запала ему в душу.— Что там?

Они подошли к речникам других барж. Среди них, размахивая руками, стоял Гажо.

— Он делал рондо,— показывал Гажо на пароход, который уже успел превратиться в темный силуэт, простроченный цепочкой огней.

— Он что, фонарь на рубке не видел?

— Не рассчитал расстояние,— объяснял Гажо.— Еще бы! В этакой тьме! Давно пора на якоре стоять. Куда прется ночью, болван немецкий!

— Это был немец?

— А кто же еще в такое время заканчивает плаванье? Несчастье случилось у Гажо на глазах. Он как раз возвращался из буфета. Последний корабль из каравана судов Немецкой дунайской компании пошел на разворот, а когда он делал рондо, то врезался в шеренгу барж, пробив корпус одной из них. На корабле, может, и не заметили, какую беду натворили, потому что, не останавливаясь, тут же ушли дальше. Гажо утверждал, что не заметили нарочно.

Из каюты тонущей баржи выбежала женщина с детьми. Мальчика она несла на руках, девочка шла рядом. Они перебрались на соседнюю баржу. Женщина громко звала мужа, который остался в каюте, чтобы спасти и вынести хоть что-нибудь из имущества.

— Арпад! Арпад!

Потерпевшая несчастье баржа накренилась. Из центрального трюма, как раз оттуда; где была пробоина, взметнулся вверх столб воды. Марека обдало брызгами, но он даже не обратил на это внимания, только машинально смахнул с лица капли воды и, не отрываясь, смотрел на белую собаку, которая испуганно металась по накренившейся палубе. Даже в минуту опасности она не решалась прыгнуть на соседнее судно. Знала матросские правила. Это была умная собака, почти такая же умная, как дети речников. Марек с нетерпением ждал, когда же появится хозяин собаки. С ним-то она будет посмелее.

Несколько человек торопливо отвязывали тонущую баржу, чтобы она не потянула за собой шеренгу соседних барж. Венгерка пыталась им помешать: ей, наверное, казалось, что, избавляясь от баржи, они хотят избавиться и от ее мужа, который все еще не появлялся из каюты.

— Нэм! Нэм! Нет! — кричала она, оттаскивая матросов от канатов.— Муж еще там... мой муж... Арпад!

— Этот уже не сделает пылинки из нашего сахара,— повернулся Гажо к отцу,— только Дунай подсластит.

Наконец венгр появился на палубе. В руках у него был чемодан, несколько кастрюль, кукла и узелок. Это было все, что осталось от их скудного имущества. Венгр перепрыгнул к жене и детям. Она обняла мужа за шею: «Арпад!» и взяла у него узелок. Потом они сложили вещи в кучку и печально смотрели на свое жилище, которое с неудержимой быстротой уходило под воду.

Но баржа не хотела тонуть, несмотря на огромную пробоину, из которой бил фонтан. А волны уже перекачивались через палубу, как бы примеряя ей смертный саван. Судно не сдавалось. Оно никогда не сдавалось воде.

Больше всего внимание людей притягивал зажженный фонарь над штурвалом тонущего судна, словно в эту роковую минуту именно он был его душой. Все заморожено следили за фонарем, точно он помогал судну держаться на поверхности.

И когда уже казалось, что фонарь вот-вот погаснет и судно, стало быть, расстанется со своей душой, оно вдруг проделало неожиданный маневр: встало почти перпендикулярно носом вниз и из него потоком пошла вода. Рулевая рубка со светящимся фонарем вознеслась высоко над всеми остальными судами. При этом страшном перевороте в воду свалилась белая собака, неизвестно почему она снова вернулась на уцелевший кусочек палубы. Марек следил за собакой, видел, как она упала, и как водоворот стал затягивать ее под воду.

— Собачка! — испуганно вскрикнул он.

— Не кричи! — остановила его мать.— Может, еще выплывет. Собаки хорошо плавают. Не бойся за нее.— Мать хотела утешить мальчика, но Марек ей не поверил. Голос матери прерывался от страха. Таким голосом вряд ли кого утетишь. Материны причитания и вздохи звучали куда убедительнее.— Только подумаю, что такое же могло и с нами случиться! Что мешало? Ничего. Если бы их баржу не поставили рядом с нашей, мы теперь могли бы быть на их месте...

— Кому как повезет,— сказал Гажо.

— А до каких пор нам будет везти? — Мать посмотрела на несчастных венгров.— Речникам надо быть готовыми ко всему. И вещи свои всегда держать упакованными. Мне так страшно! И с каждой минутой все страшнее.

Так Марек впервые узнал, что такое настоящий страх. До сих пор это чувство, словно щадя мальчика, обходило его стороной и лишь изредка приглушенно звучало в материнских рассказах. Но той ночью 1940 года страх поднялся на палубу, как новый хозяин баржи, как призрак.

Марек не сводил глаз с фонаря, который на тонущей барже еще продолжал «бороться». «Все, все покоряется призраку страха, только не я!» — мерцал фонарь огненным языком. И это придавало мальчику сил. Все, что вода смыла с палубы, мало-помалу исчезало. Часть поглотили водовороты, часть унесло по течению, как печальную весть о случившемся несчастье.

Над водой еще угадывались очертания рулевой рубки с горевшим фонарем. Поверхность реки начинала успокаиваться, а вместе с ней и люди. Все кончено. Как-то сразу стало заметно, что ветер переменился, и похолодало. Затем баржа бесшумно скользнула под воду и, словно прощаясь со своим экипажем, слегка качнула волной чужую палубу.

А фонарь светил до самого последнего мгновения, пока не исчез навеки, и долго еще казалось, что он так и не погас. словно этот маленький огонек одержал победу над призраком страха, над мраком, над водой, над окружающим миром, продолжая светить и там, на дне реки.

Что такое аквариум, Гажо не знал.

— Ну, такой стеклянный ящик, а в нем рыбы живут,— объяснил ему Марек.— В Брэиле я даже кита видел. Не живого, конечно, а скелет. Где же возьмешь аквариум для кита?

Когда шли вверх по течению, Марек целыми часами просиживал перед своим «аквариумом» — корытом, где плавали выловленные в Дунае рыбы. Любимым развлечением мальчика было вытаскивать рыб, рассматривать их и пускать обратно в корыто. Дохлых он выкидывал в Дунай. Будет стоянка, наловим еще. Дольше других в его «аквариуме» выживает ерш, только его сразу не увидишь, потому что он коричневый и лежит на самом дне. Плотвичек видно лучше всех, зато они первыми всплывают кверху брюхом. А вот голавль в корыте долго не протянет. Не то что сом, тот выдюжит долго, так уверяет Гажо. Но сома им давно уже не удавалось поймать. Может, сегодня повезет. Дохлая рыба словно слеза Дуная. Это мама так сказала...

Караван судов состоял из буксира под названием «Штур» и шести барж. Баржа Краликов и соседняя имели полную осадку. Во втором и третьем ряду шли порожняком плавучие судна-цистерны. Грузенные баржи встали на якорь под Джурджу, а порожние «Штур» потащил в порт.

— Мы их здесь будем ждать? — спросил Марек.

— Кого?

— Ну, эти цистерны. Пока они нефть наберут.

— А нам-то что до них,— пожал плечами отец.— Лучше скажи-ка, чем мы должны заняться на стоянке?

— Закинуть снасть,— обрадовался Марек.

— А я решил, что ты не сообразишь,— сказал Гажо. Наживку-то где взять? Червей нет, а на сыр сома не поймаешь.

— А на мамалыгу?

— На мамалыгу он тоже не клюнет.

— Другие рыбы клюнут. А сом потом на них,— убеждал сам себя Марек.

Делать мамалыгу их научили румыны. Нужно испечь кукурузную лепешку в палец толщиной, а потом разрезать на кубики. Кубики насаживают на крючки. Если какой кусочек раскрошится, его съедят сами рыбаки. Крошки теперь доставались Мареку. Для рыболовной снасти у них был приспособлен специальный бочонок. По верхнему краю бочонка пилой выпилены специальные надрезы. Из них торчали короткие лески с крючками. Кубики мамалыги, насаженные на крючки, превращались в желтые бусинки. Эти бусинки по одной бросали в воду и смотрели, как их относит течением далеко за баржу. К снасти привязывали грузило и на веревке спускали на дно. Вечером проверяют в первый раз, утром вытасят снова.

— Ну когда же? — нетерпеливо допытывался Марек.

— Когда отфильтруется полное ведро воды,— сказал матрос и показал на ящик с фильтровальной установкой. Тут же он налил туда воды из Дуная и поставил под фильтр ведро.

— А до этого что мы будем делать?

— Ждать.

— Ждать?

— Не здесь. Пойдем в каюту.

— Пойдем лучше к нам! — позвал Марек матроса.

Так они и ждали. Все четверо, весь экипаж. А раз ждали улова, то и говорили о рыбе. Марек хотел рассказать Гажо, как в прошлом году его едва не утащила в воду большая марена. Рыбина была такая огромная и он так горячился, что, рассказывая, то и дело обращался за помощью к матери:

— Как меня эта рыба тащила?
 — Ну, ты ее поймал, а она тебя потащила пузом по берегу.
 — А я что?
 — А ты все равно удочку не отпускал. Уж и подбородок в воде, а все равно не отпускаешь!
 — Там было глубоко?
 — Как в каждом порту. На шаг от берега уже багром дна не достанешь. А ты держишься из последних сил, знай кричишь: «Я рыбу поймал! Рыбу! Помогите!»

— А отец?
 — Отцу ведь не перепрыгнуть с баржи на берегу. Он тебе кричит: «Отпусти удочку, она тебя утопит! Отпусти!»
 — А я что?
 — Ты, сынок, не отпустил. Отец на берег помчался, и вы вместе ее вытащили.
 — А какая марена была?
 — Вот такая,— мама раздвинула руки как можно шире.— И на обед нам хватило, и на ужин, и остатки в Дунай выбросили.
 — А я что? — снова начал Марек, чтобы Гажо еще раз услышал, как он героически боролся с рыбой.
 — Ты ее не отпускал,— сказала мама.
 — А она?
 — Тащила тебя. Чуть не утопила.
 — А я что?
 — Отстанешь ты наконец? — не выдержала мать.

Марек подошел к фильтру. Открыл дверцу и заглянул в ведро. Мало-помалу мутная дунайская вода превращалась в чистую, прозрачную питьевую воду. Но падающие в ведро капли можно было пересчитать. С тех пор как они закинули снасть, чистой воды и с кастрюльку не набралось. Мареку захотелось пить, но пить он не стал, чтобы чистой воды в ведре не убыло.

— Гажо, давай вытащим снасть!
 — Да ведь мы только что спустили.

8

Снизу шел пароход Немецкой дунайской компании. Он тянул четыре баржи. Одна из них была словацкая. На ней плавал матрос Крачмер с семьей — старые добрые знакомые Краликов. Пани Крачмерова как раз стояла на палубе и махала им рукой.

— Вы куда идете? — крикнула мать.— Вверх? И мы туда же!

Пани Крачмерова тоже что-то кричала, но на таком расстоянии невозможно было разобрать ни слова.

Марек испугался, когда, чуть обогнав их, пароход вдруг остановился и вместе с баржами двинулся прямо на баржу Краликов.

— Чего это она?
 — Наверное, готовится к ночлегу,— предположил отец.— Приглянулось ему здесь, вот он и собирается бросить якорь
 — Только бы он нас с собою не прихватил,— забеспокоился Марек.— А то придется снасть вытаскивать.
 — Не бойся! — успокаивал отец.
 Пароход загудел, и Марек облегченно вздохнул.
 — И правда, он только на якорь встает. Это хорошо. Не одни тут будем.

Но в одном Марек все же оказался прав — пароход в самом деле собирался присоединить их к своему каравану. Марек обрадовался, когда увидел, что рядом с ними будет баржа Крачмеров. Он побежал на нос, уперся подбородком в борт и смотрел на навес, почти до половины прикрывавший высокие двери. Вскоре откуда появились дочери Крачмеров — Люба и Вера. Они обрадовались, увидев старого приятеля.

— Марек Кралик поплывет вместе с нами! Мы с Марексом вместе! — хором закричали они матери в каюту.

Но мальчику они не отважились сказать ни слова, так же как и он им. Девочки подошли к самому борту, оттуда едва виднелись их головки. У каждой в волосах красовались по два совершенно одинаковых банта, чтобы всем на Дунае сразу же было ясно — это сестры. В Ибсе, в Австрии, где они вместе зимовали, у девочек были совершенно одинаковые шапки. Тогда они прожили рядом четверть года. Пан Крачмер даже сфотографировал их вместе с Марексом. Эта фотография хранится в альбоме. Марек сейчас как раз про нее вспомнил и пожалел, что получился на фотографии такой заплаканный. Он не хотел фотографироваться вместе с девочками, а те вцепились в него и силой заставили стоять между ними.

Поздоровавшись с матерью Марека, пани Крачмерова отправила девочек обратно в каюту.

— Вере уже несколько дней нездоровится,— объяснила она.— Ей лучше лежать. Приходите в гости! Давненько мы не виделись, посидим, поговорим.

Жилье Крачмеров состояло всего из одной-единственной каюты под палубой, точь-в-точь такой же, как у Гажо. Над палубой были только труба да дверь с навесом. Сразу же за дверью — крутой трап, по которому спускались в каюту. Пан Крачмер недавно начал плавать по Дунаю, и был всего лишь матросом.

— Ему уже обещали должность рулевого,— рассказывала пани Крачмерова.— Недолго нам осталось жить в такой тесноте.

Она повела рукой вокруг и сразу задела развешанное по стенам, так тесна была каюта. Даже для шкафа здесь не было места.

— Нам это знакомо,— со вздохом сказала мать Марека.— Хуже нет, когда в одном помещении и спишь, и готовишь. У нас двойная каюта сейчас, а все равно тесно.

— Вас-то ведь только трое, а нас — четверо,— посетовала пани Крачмерова.— Я больше всего радуюсь, что хоть одна каюта у нас будет на палубе. Жить вот так, под водой, это разве по-людски? Как, девочки, мы называем нашу каюту? Скажите-ка Марексу!

— Раковинка,— отозвалась со своей койки Вера.

Пани Крачмерова грустно усмехнулась и поправила компресс на лбу у девочки, единственное лечебное средство, которое оказалось под рукой.

— Только бы не воспаление легких! — заговорила она опять о маленькой больной.— Мне кажется, у нее снова поднялась температура. И вчера была. Обязательно нужно на стоянке показать ее врачу. Подождем, как дальше будет, и покажем.

Тем временем Марек рассказал девочкам, как в Галаце возле них потонула баржа, и как на другой день прилетел гидроплан выяснять причину аварии. От гидроплана поднялся такой ветер, что их едва не снесло с палубы. Потом он вспомнил про черепахи и хотел принести одну, но мать ему не позволила:

— Ты их покажешь, когда Верочка поправится. Девочки сами к нам придут. Придете, девочки? И будете вместе играть так же дружно, как той зимой в Ибсе. У вас впереди еще много времени!

Пани Крачмерова поднялась с гостями на палубу. Солнце' висело низко над горизонтом, окрашивая речную поверхность в алые цвета. Мать заторопилась домой, она знала, что отец уже ждет их.

Марек открыл дверь в каюту Гажо и заглянул внутрь. Матрос лежал и, казалось, спал.

— Гажо, вытащим снасть! — позвал его Марек.

Гажо ничего не ответил. Тогда Марек осторожно, ступенька за ступенькой, начал спускаться в каюту. Марека всегда восхищало, что Гажо никогда трапом не пользовался, он просто прыгивал в каюту, как в яму. Сейчас Мареку тоже захотелось последовать примеру Гажо и таким образом сократить путь. Когда до пола оставалось три ступеньки, мальчик набрался храбрости и прыгнул.

— У-у-ух!

— Тонем? — вскочил на ноги матрос, притворяясь, что страшно испугался.

— Пойдем вытащим снасти! — потянул его Марек к трапу.

— А я, знаешь ли, видел сон, — принялся рассказывать Гажо. — Поймали мы кита, а он как двинет хвостом — и наша баржа пополам. Хорошо еще, что ты меня разбудил, а то я как раз начал тонуть. Интересно, как там наше ведро? Уже полное?

— Может, и через край уже бежит.

Пока они тянули грузило из воды, сопротивления рыбы не чувствовалось. Но когда грузило звякнуло о палубу, леска выскользнула из рук Гажо и сильно натянулась.

— Ключнула? — обрадовался Марек.

— И здоровенная! Гляди, как вода забурлила! Зови отца! Дядя Янко, скорее сачок!

Гажо подтягивал рыбу к барже. Кто там, сом или карп? Наверное, карп, а может, опять марена... По речной глади пошли круги, круги, и дважды мелькнуло серебристое рыбье туловище.

— Сдается мне, что это все-таки карп. Не заметили? От предстоящей удачи у рыбаков захватило дух.

— Дядя Янко, не зевайте! — крикнул Гажо отцу. — Тащите ее!

— Поднимай! Поднимай! — советовал отец. — Дай воздуху глотнуть, чтобы она не бесилась.

— Тяжелая! Как бы не сорвалась!

Мареку больше всего хотелось бы увидеть рыбу уже в сачке. Тогда ей не уйти наверняка. А еще надежнее в корыте.

— Папа, что ты делаешь?! — в ужасе завопил он, когда отцу не удалось подхватить рыбу сачком. — Гляди хорошенько!

— Да не сбоку, дядя Янко, — кричал в азарте Гажо, — снизу, снизу ее берите!

— Я и так снизу, да она уходит!

Наконец рыбу удалось укротить, и через мгновение она уже лежала на палубе. Марек трогал ее холодную спину и удивлялся, как широко разевает она пасть. Целый кулак можно просунуть!

— Карп! — восхищался Гажо. — Славный улов!

— Не карп, а сазан, — поправил отец.

— А сазан что, не карп, что ли? — упрямылся Гажо, прикидывая рыбу на вес.

— Карп, только речной, дунайский. Килограммов десять потянет, — сказал отец.

— Десять верняком, а то и все двенадцать.

Двенадцатикилограммовой рыбы им еще ни разу не удавалось поймать. А тут вдруг сазан — царь дунайских рыб! Сазан, большая сильная, рыба, чаще всего уходит: или

крючок разогнет, или губу себе разорвет, а все равно уйдет. Сазан без боя не сдается! Лучше с разорванным ртом, да на свободе, чем с целым — да в корыте!

Пойманный сазан был и впрямь дикарь дикарем, с ним ни одна рыба не сравнится. Он тут же расплескал всю воду из корыта, и рыбки Марека тоже выплеснулись. Вон отсюда! Пусть плавают в ведре! Не потерплю всякую дрянь рядом с собой!

Только когда ему налили в корыто свежей воды, сазан утихомирился. Родная вода, в которой он вырос и жил, подействовала на него словно прикосновение волшебной палочки.

Наживку, мелкую рыбешку, оставили на крючках и снасть опять опустили в воду. Вдруг сом клюнет?

Черта с два у них клюнуло!

Немецкие пароходы просыпаются утром раньше, чем рыбаки. «Немец» ревел так, будто хотел разбудить весь мир. Марек тоже проснулся и выскочил на палубу. Гажо с отцом уже стояли у штурвала. В спешке они забыли вытянуть снасти. Да и не до них сейчас. Успеть бы якорь выбрать. Леска зацепилась за что-то на дне и порвалась.

— И куда несутся, идиоты? — грозил кулаком Гажо вслед уходящему пароходу. — Хозяйничают, будто бы весь Дунай им принадлежит!

Прежде чем снова лечь в постель, Марек сходил посмотреть сазана:

— Жаль, не повезло, а то был бы у тебя товарищ. Может, даже сом. А теперь тебе одному скучать придется.

— Поймаем еще! — утешал мальчика Гажо. — Все равно второго некуда было бы девать, сазан твой все корыто занял. Вот раздобудем новую леску и поймаем сома. И крючки новые купим. Может, в Орехове, а может, в Турну-Северине. В Турну-Северине обязательно постоим, там надо брать лоцманов. Купим леску, привяжем крючки и сразу же испробуем. Идет? Новая леска всегда счастливая. Сразу и спустим.

— В Турну-Северине нельзя, — сказал Марек. — На порогах нельзя. Там вода очень быстрая, прямо бешеная. Она и канат оборвет, не только леску.

— Ну, тогда спустим еще до порогов. На них Дунай не кончается!

Несколько дней караван грузовых барж простоял на якорю под Свиштбвом. Отец и Гажо отправились за покупками, а Марек вместе с матерью прогуливались на берегу. Они разглядывали пароходы и баржи точно так же, как обычно это делают все сухопутные

жители. На берегу им повстречалась болгарка с мальчиком примерно тех же лет, что и Марек. Женщины разговорились. У болгарки, одетой во все черное, был измученный вид. Мальчикам разговоры матерей были неинтересны, и они занялись игрой неподалеку. А пани Краликова тем временем узнала, почему болгарка носит траур. Прошло всего несколько недель, как она схоронила мужа и двоих сыновей. В живых остался лишь младший. В городке свирепствовала холера.

— Людей сотнями свозили на кладбище,— рассказывала болгарка.— Ни одну семью беда не миновала.

Мать оцепенела. О холере она наслышалась таких ужасов! Она кинулась было к Мареку, чтобы оттащить его от болгарского мальчика, увести, спрятать на барже в трюме, где его никакая зараза не достанет. Но все-таки не стала этого делать: нелегко решиться на такое из жалости и сострадания к несчастной болгарке. И только спросила, была ли холера у ее младшего сынишки.

Болгарка отрицательно покачала головой. Это немного успокоило мать, и Марек играл с новым приятелем до самого вечера. А когда из города возвратились отец и Гажо, мать им все рассказала. Вот тут-то и началось для матери самое кошмарное, и суждено было ей, бедной, прожить в этом кошмаре не день и не два, и были те дни самыми страшными из всех, прожитых ею до сих пор на Дунае. Да как же могла она позабыть, ведь всегда отлично знала: когда болгары отрицательно качают головой, это значит, что они хотят сказать не «нет», как это принято у других народов, а совсем наоборот, «да». Как же она об этом забыла, да еще в такой неподходящий момент! Ну конечно! Раз болгарка в ответ на ее вопрос отрицательно покачала головой, значит, ее младший сын переболел холерой и, стало быть, Марек мог от него заразиться.

Родители были в панике. Мать поминутно мерила Мареку температуру, глаз с него не спускала. Но все обошлось, Марек не заболел. Постепенно страх прошел. И в семье, вспоминая об этом, шутили, что Марек даже холера не берет!

Вся эта история случилась прошлым летом, но мать, глядя на Крачмеров, убивавшихся из-за Веры, которой день ото дня становилось хуже, рассказала им эту историю со счастливым концом в надежде хоть как-то приободрить родителей девочки.

Пан Крачмер передал на буксирный пароход, что у него болен ребенок и что он просит капитана сделать остановку на ночь возле какого-нибудь города, чтобы пригласить врача. Крачмеры не могли себе простить, что, успокоившись временным улучшением состояния дочери, не показали ее врачу еще раньше.

Но просьбу Крачмеров не удалось выполнить ни в Белграде, ни в Нови-Саде. Оба города они проходили как раз днем, а у капитана был приказ в светлое время суток следовать без остановок.

— Тетя, а когда Вера встанет? — допытывался Марек.

— Встанет к своему дню рожденья,— ответила пани Крачмерова. Ей хотелось, чтобы это было так, но одного желания бывает мало.

— А когда у нее день рожденья? — не унимался Марек.

— Через три дня,— ответила пани Крачмерова и показала три пальца.— Через три дня нашей Верочке исполнится пять лет. И она поправится.

— Правда? — недоверчиво спросил Марек.

— Конечно, правда. Встанешь ведь, Верочка? К этому дню ты должна выздороветь. В такой праздник лежать не годится. Вот поправишься и наденешь новое платьице.

Пани Крачмерова достала из шкафа белое платье в цветочках, купленное дочке к празднику, и показала Мареку:

— Вот увидишь, какая Верочка будет в нем хорошенькая.

— А я испеку тебе торт,— наклонилась мать Марек к больной девочке.— Огромный такой торт, какой я делаю для Марека. Ну-ка, Марек, расскажи, какой у тебя был торт на день рождения.

— Во какой! — Марек нарисовал в воздухе колесо.— И шоколадом его полей обязательно.

— У нас и шоколада-то нет,— со вздохом сказала пани Крачмерова.

— Ну, до той-то поры наверняка где-нибудь да остановимся, вот и купим,— пообещала мать.— Не горюй, Верочка, что-нибудь придумаем.

Щеки у девочки так и пылали, но только скорее от болезни, чем от радости. Да и вряд ли в таком состоянии она понимала, о чем с ней говорили. Ей сейчас нужен врач, ох как нужен! Даже испытанное матросское средство, компресс на лоб, не помогало ей. Вот и нынешний день закончился, а встать на якорь так и не удалось. Крачмерам оставалось лишь ждать да надеяться. Уж если не повезло в Сербии, может, будет стоянка в Венгрии. Завтра, еще до полудня, они будут пересекать границу.

11

Поначалу совместное плавание с давнишними знакомыми сулило много заманчивого, но взрослые были заняты больной девочкой, и Марека охватило такое одиночество, какого он никогда прежде не испытывал.

Еще хуже было то, что даже Гажо перестал обращать внимание на Марека, словно того и не было. Матрос часами просиживал возле ящичка, который сам смастерил и называл «радио». Крутил себе рычажки и, вместо того чтобы радоваться на свое детище, ворчал и грозил кому-то:

— Вот возьму да и вышвырну этот ящик в Дунай. Увидите, дядя Янко, как он полетит!

— Разве приемник виноват в том, что ты из него слышишь,— защищал отец ни в чем не повинный ящик.

— Ваша правда, дядя Янко,— в конце концов согласился Гажо.— Сердись не сердись, а все равно ничего не поделаешь.

Из приемника зазвучала музыка, и матрос стал насвистывать и притопывать в такт. Но длилось это недолго. Рычажок регулятора притягивал его пальцы, словно магнит. Гажо вновь и вновь крутил его, вслушивался и снова разражался проклятиями:

— Нет, я его все-таки выброшу. Виноват он или не виноват, а выброшу. Уж лучше ничего не слышать и жить спокойно.

Мареку ничего другого не оставалось, как смотреть на соседнюю баржу, на низкие двери под навесом. Жалко, что во время плавания нельзя переходить на другие судна. А то можно было бы навестить девочек. Ведь перескочить с баржи на баржу — дело пустяковое.

Почти одновременно заревели два гудка. Так приветствуют друг друга корабли. Навстречу каравану шел один из самых красивых пассажирских пароходов Дуная-венгерский «Святой Геллерт». Вначале Марек решил, что это «Город Вена», но как только увидел флаг, сразу понял, что ошибся. Ведь пассажирским судам никогда не приходится тянуть караваны грузовых барж. Они возят господ на прогулки. Высокий белый пароход, как в зеркале, отражался в речной глади, и Марек помахал гордому красавцу рукой. Счастливого пути, «Святой Геллерт»!

Марек знал, что когда покажется вершина горы Геллерт, они уже в Будапеште.

Он представил себе, как все трое, он, Люба и Вера, будут высматривать вершину этой самой горы Геллерт. Кто увидит ее первым, у того и самый зоркий глаз. Интересно, а кто раньше всех разглядит Братиславский град? Этот старинный замок, похожий на перевернутую вверх ногами табуретку? Или огромное колесо, когда подходишь к Вене? А вот еще раньше, до Братиславы и Вены, они будут проходить мимо венгерского города Эстергом. Там на холме такой большущий собор, называется он «базилика». Наверху у базилики — здоровенный купол, а в стенных нишах и оконных проемах — фигуры святых. Рядом — крохотная церквушка с двумя башенками. Как раз в этом самом месте

бывалые речники обычно задают новичкам загадку: «Какая церковь больше: базилика или та, с двумя башенками?» — «Конечно, базилика»,— уверенно говорит матрос-новичок. А старые речники покатываются со смеху и, наконец, отвечают: «Нет, не базилика, а та, с двумя башенками, потому что в той, с башенками, умещаются все святые, а в базилике нет. Вот их и выставили в нишах, окнах и даже перед входом. Возьми бинокль, смотри сам! Ха-ха-ха!»

Марека на этом никто не подловит, а вот он Любу с Верой так разыгрывает, что они будут смеяться всю дорогу, до самой братиславской «перевернутой табуретки».

Сейчас он, правда, с радостью помахал бы девочкам с, палубы. Но где они? Обещали, что придут, а сами все не идут и не идут.

12

Мама Марека, как и обещала, испекла торт. Шоколада для глазури не было, поэтому она украсила его орехами. Торт и без шоколада вышел на славу! Мама проделала ножом пять отверстий и воткнула в них свечки. Марек сбегал к своим черепахам и взял ту, что поменьше. Он подарит ее Вере в день рождения. Ох и нелегко же было ему решиться на такую великую жертву!

Утром они отправились на соседнюю баржу.

У Веры горело личико, порой она вздрагивала то ли от боли, то ли когда приходила в себя после забытья. На подарки больная даже не взглянула. С черепахой играла Люба. Лицо пани Крачмеровой было таким печальным, что Марек сразу понял: девочке все так же плохо.

Они посидели немного у постели больной, а когда собрались уходить, пожелали Вере всего наилучшего и, конечно, самого главного — быстрого выздоровления.

Марек едва собрался зажечь свечи на торте, как пани Крачмерова, охваченная каким-то страхом, выхватила зажигалку из его рук.

— Нет! — воскликнула она. — Не зажигай! Ради бога, не надо! — И тут же, словно извиняясь за свой поступок и желая успокоить мальчика, погладила Марека по щеке. — Вот выздоровеет Вера, тогда и зажжешь, чтобы и она могла полюбоваться. Хорошо?

После обеда Гажо просигналил флажками на пароход — девочке стало еще хуже. С парохода обещали сделать все, что будет в их силах.

Венгерский город Байю они прошли задолго до вечера, до следующего, Дунапалотай, было еще далеко.

До глубокой ночи просидела семья Краликов у соседей. Жались друг к другу в тесной каюте оробевшие, притихшие. Помочь Крачмерам они ничем не могли, могли только разделить с ними их горе.

Баржа стояла на якоре посередине реки, на самой стремнине. Шум волн, разбивавшихся об обшитый железом нос судна, временами переходил в грохот, как будто в каюту ломилось страшное водяное чудовище.

Перед рассветом девочка умерла.

Марек смотрел на нее и не узнавал. Огонь, столько дней горевший на щеках девочки, разом погас. Сейчас она была такая же белая, как ее новое платье, полученное в подарок от родителей. Разве можно было подумать, в какой путь придется ее обряжать. Но у Дуная для речников припасено немало неожиданностей.

Пани Крачмерова в иступлении твердила:

— Дунай, Дунай... Проклятый Дунай... Жестокий, злой...

Она проклинала Дунай, но что ему до ее проклятий, ему — равнодушному и весельному кормильцу речников!

— Дунай, Дунай, куда же ты так стремительно несешь нас? Неужели вслед за Верой?

Отец Марека достал из запыленного сундучка пилу, рубанок, молоток, которые несколько лет назад выменял за кормовое весло, и смастерил маленький гробик и крест.

Последнюю ночь и последний день оставалось провести Вере в своей «раковинке». На сей раз капитан парохода сдержал слово. Встали на стоянку еще засветло, чтобы успеть похоронить девочку, как полагается. Капитан распорядился дать моторный катер и сам проводил Веру в последний путь: сначала по воде, а потом и на суше.

Марек очень любил прогулки по берегу и всегда получал от них большое удовольствие. Для него это была награда за долгие дни пребывания на тесной палубе. Он ведь и первые в своей жизни шаги сделал на палубе. Что говорить, по земле ходить и приятнее и легче.

Земля такая огромная, а баржа — точно узенький островок. Здесь нужно быть осторожным на каждом шагу.

А ходить по берегу — все равно, что летать по воздуху. У Марека и в самом деле порой возникало такое чувство, будто он — птица. А земля была сказочной долиной, щедрой и таинственной. Сколько здесь камешков, травы и цветов — этих маленьких разноцветных чудес! И все это рядом, только руку протяни. Хочешь — нюхай, трогай, срывай! Нет, земля — это тебе не обитая железом площадка, на которой, кроме ржавчины, ничего не появится.

На прогулках Марек превращался в маленького дикаря. Он с жадностью рвал цветы — надо же принести на баржу хоть немного этой красоты, хоть по одному разному цветочку. И камешков всегда набирал полные карманы, круглых, плоских, овальных...

Но в этот раз мальчик крепко держался за руки отца и матери и земля уже не казалась ему такой заманчивой. Только мать сорвала несколько цветочков по дороге на кладбище.

В траурной процессии шли Верины родители, сестра Люба, капитан парохода, матрос. И Кралики, конечно. Гроб с девочкой перенесли в маленькую венгерскую деревушку и схоронили по матросскому обычаю. Могилу на кладбище вырыли сами: никакому могильщику все равно не управится в отпущенный речникам срок. На холмике из утрамбованной руками глины поставили крест и положили цветы. Потом зажгли пять свечей, тех самых, которые должны были торжественно гореть в день рождения Веры. Пять свечей, пять огонечков — каждый прожитый тобою годок, бедная наша Верочка...

Когда поутру Марек вышел из каюты, деревушка и кладбище, где осталась лежать Вера, были уже далеко. Пани Крачмерова стояла на корме и застывшим взглядом смотрела на бескрайнюю ширь воды. Над пароходом развевался черный флаг. Ребенок, хоть и прожил всего пять лет, тоже речник. А речники — одна семья, вот отчего и плакал над могилой капитан.

Кончится война, родители перевезут останки Веры домой. Только бы до тех пор не надругались в чужом краю над ее могилой

Эх, Дунай, Дунай...

Именно в день похорон родители Марека решили оставить баржу и вернуться домой.

13

Гажо приволок приемник прямо в рулевую рубку и взволнованно сказал:

— Слушайте!

По радио говорили по-словацки. Марек сколачивал ящичек для черепахи и не мог понять, почему они обязательно должны что-то слушать.

— Слышите? Вы слышите, а?! — ликовал Гажо, точно малый ребенок.

— А что там такое? — спросил Марек.

— Братислава! — возбужденно ответил матрос. — Я уже и Братиславу могу поймать!

— Ее и ловить не надо, скоро и так увидим. Ведь совсем немного осталось! — посмеялся над ним Марек.

Но наконец-то и Гажо сообразил, что если что-то радует одного, необязательно должно радовать другого. Он оставил в покое приемник и стал наблюдать, как маленький мастер забивает гвозди. Гвозди не всегда попадали туда, куда хотелось мальчику, и именно это было интереснее всего.

— Зачем тебе этот ящик? — помолчав, спросил Гажо.

— Для черепахи, — ответил Марек. — Повезу ее домой.

— Э-э, хозяйка, вы еще передумаете, — обратился Гажо к матери. — Никуда вы отсюда не уедете, вот увидите.

— Мы уже все решили, — ответила мать. — Как только придем в Братиславу, сразу же возьмем расчет.

— Не возьмите. На что жить-то будете?

— Проживем! — решительно заявила мать. — На что другие живут? Кое-что накопили. Да и отец дома всегда зарабатывает. Люди как-то живут, вот и мы проживем.

Гажо взял нож и нащепал лучинок.

— Сделай дверцу из щепочек, — посоветовал он Мареку. — Без воздуха черепаха задохнется. Дай помогу!

А мать со всей энергией стала готовиться к возвращению домой: перестирала белье, упаковала два чемодана, а что не вошло туда, завязала в узлы. Все это можно сначала оставить у тети Зуанны, которая живет в Братиславе. А затем по частям перевезти на поезде домой.

Кралики все обдумали, все приготовили, даже попрощались с каждым местом, мимо которого им когда-либо пришлось проплывать. Жаль, конечно, что никогда уж больше не придется там побывать. Что говорить, на Дунае им жилось неплохо, но сейчас тут стало опасно. Теперь не только Дунай готовит речникам всякие неожиданности и ловушки. Люди, захватившие власть над Дунаем, готовят кое-что похуже.

Семья Краликов распрощалась с Будапештом, с его бесчисленными мостами над Дунаем. Когда баржа проходила под очередным мостом, казалось, словно за ними закрываются ворота. И за каждым воротами все облегченно вздыхали. попрощались с Эстергомом, Парканом, Комарно. Комарно еще год назад был словацким городом. Мать уже чувствовала себя почти дома и укладывала последние пожитки в чемоданы.

— Может, все-таки передумаете, а? — не унимался Гажо. Горько ему расставаться с Краликами, а с другой стороны, понятно, почему они так решили. — Не лучше ли вам остаться? Хотя бы ради меня! — пытался он шутить. — Что я на Дунае буду без вас делать?

— У тебя приемник есть, — сказал Марек. — Ты его включи, и он заговорит.

— К черту приемник! — выругался Гажо. — Он меня только злить будет. Я его тебе подарю. Хочешь? — неожиданно расщедрился матрос. — Вот сойдешь на берег и заберешь с собой. На память.

Марек рассмеялся. То ли Гажо шутит, то ли взаправду хочет подарить ему волшебный ящик, чудесно сближающий речников с далекими берегами. Да ведь если уж на то пошло, их с Гажо сблизил этот самый ящик.

Гажо на барже Краликов только три месяца. С тем матросом, что был до него, мальчик не сдружился и за три года. Ему вспомнилось, как появился у них Гажо. Его привел на баржу какой-то чиновник Словацкого дунайского пароходства. Оставшись вдвоем с отцом, чиновник сказал: «Будьте с ним начеку, пан Кралик. Подозрительный тип! Если у вас возникнут с ним какие-нибудь осложнения, сообщите в ближайшее агентство! А после плаванья сами решайте: оставаться ему у вас или мы его куда-нибудь переведем!»

Раньше Гажо был боцманом на пароходе. И на баржу его перевели в наказание. Для Марека долго оставалось загадкой, что он натворил на пароходе. Что такое «подозрительный», Марек не понял, но чиновник произнес это слово с таким видом, будто за ним скрывалось что-то злое, мрачное. Что же все-таки Гажо натворил? Однажды Марек не утерпел и спросил об этом самого матроса:

— Гажо, а почему ты был на пароходе «подозрительным»?

— Да там капитан требовал, чтобы я, приветствуя его, выбрасывал руку вперед. А у меня что-то рука не поднималась. Вот и перевели к вам, — со смехом объяснил матрос.

Это объяснение совсем сбilo мальчика с толку. Он видел, как немцы, приветствуя друг друга, выбрасывают руку вперед. Что же тут трудного? Марек глаз не спускал с Гажо. Наблюдал, как ловко тот кидает чалку и наматывает канат. Рука у него подымалась как надо. И когда матрос греб, руки у него тоже хорошо работали, мускулы так и играли. Нет, руки у него были здоровые.

Недоверие к новому матросу начало исчезать уже к концу первого плаванья, когда они вместе сошли на берег. И уже совсем исчезло, когда Гажо привел мальчика к себе в каюту. Они вместе жарили яичницу. Гажо разбивал яйца над сковородой, а Марек их размешивал, потом оба ели. Неумолкающий шум совсем близкой воды поначалу пугал мальчика. Да и жилище матроса с выкрашенными в красный цвет стенами в сравнении с их белой каютой казалось неудобным. От всего этого Мареку стало не по себе.

— Ты не боишься тут жить? — вырвалось у него.

— Почему? — удивился матрос.

— Один с рыбами, — пояснил Марек.

— А ты разве не так живешь? — засмеялся Гажо. — Тоже ведь живешь с рыбами и раками.

— Я не один,— ответил Марек.— Я живу с папой и мамой.

— Зато у меня есть приемник,— не сдавался матрос.

— Да ведь он у тебя не играет,— улыбнулся Марек.— Ты его крутишь-крутишь, а он не играет,— почти точь-в-точь повторил он слова, как-то в шутку сказанные отцом.

— Уже играет,— ответил Гажо.

Вот тогда-то Марек и услышал впервые голос волшебного ящичка. Сначала в нем что-то зашуршало, и мальчик уже собрался высмеять Гажо, как вдруг зазвучала протяжная румынская песенка, и Марек онемел от восторга.

Вот так и вышло, что приемник невольно помог рассеять недоверие к новому матросу. Так бывает порой, когда из тумана вдруг появляется берег, и то, что казалось далекими и темными хребтами, вдруг превращается в кроны деревьев, из которых доносится пение птиц. С той поры Марек желал только одного — чтобы отец никуда не переводил Гажо. Он даже просил отца об этом. Им было хорошо вместе. А вот теперь они, а не Гажо, собираются покинуть баржу. И теперь предстоит разлука. Печальные события последних дней все же не могли отвлечь Марека от мысли, что скоро придется расстаться с Гажо. Даже обещанный приемник не мог избавить от мысли, что им уже никогда больше не увидятся.

Едва на горизонте замаячили знакомые очертания «перевернутой табуретки», мать стала перетаскивать тяжелые чемоданы поближе к двери. Марек кинулся к черепахе, которую он успел переселить в ящик, и шепнул ей, что еще немного — и они сойдут на берег. «Перевернутая табуретка» росла прямо на глазах, пока не превратилась в Братиславский град. Справа по борту они миновали сначала сахарный завод «Апполку», потом зимнюю пристань, подъемные краны, железнодорожные пути, товарные склады — все в том самом порядке, как и всегда. Вот прошли мимо «семерки» — многоэтажного высокого склада с куполом и двумя башенками. Впереди еще два склада, а за ними мост. Здесь наконец будет поставлена точка в их кочевой жизни.

Сердце замерло. Все ждали, что вот-вот причалят и можно будет сойти на берег. Но когда прошли мост, стало ясно — ожидание было напрасным. Баржа не остановилась. Дальше все шло так, как обычно. И солнце стояло высоко над левым берегом. Эта выходившая к Дунаю часть города еще в прошлом году называлась Петржалка, а сейчас ее переименовали на немецкий лад — Энгергау.

— Марек, пора обедать! — позвала мать.

Она почему-то неожиданно легко смирилась с тем, что не было остановки, и даже сама этому не удивлялась, будто знала, что так все и получится, будто ожидала этого. Ведь, укладывая чемоданы и собираясь на берег, не забыла все-таки приготовить обед.

— А папа?

— Он пообедал в рубке вместе с Гажо.

— Тогда и я с ними. Мне тоже принеси туда! — сказал Марек и убежал в рулевую рубку.

Возле старинной крепости Девин, высоко возносившейся в небо с неприступной скалы, миновали реку Мораву, по которой проходила государственная граница Словакии. Речники вновь начали удаляться от родины, и мать тут же принялась строить новые планы. Нет, на берег они непременно сойдут на обратном пути. Вот еще разок побывают в верховьях Дуная, чтобы еще раз посмотреть и хорошенько запомнить эти места, ведь здесь, на Дунае, прожита немалая часть их жизни.

Баржа Крачмеров осталась в Линце. А путь Краликов лежал дальше, в Пассау. Прощались сдержанно, совсем не так, как заведено у речников. Только помахали друг другу бумажками с адресами и договорились, что совсем скоро опять увидятся, но уже на берегу. Крачмеры тоже решили расстаться с Дунаем.

14

На стоянке в Пассау в гости к Краликам пришел Рудо — мамин брат.

— Эй, зятек, не завалился ли у тебя где-нибудь кусочек соленого сальца? — закричал он уже с трапа.— Какое ни есть, пусть и лежалое... А то у нас, у словаков, черт-те какие странные желудки, повместительнее, видать, чем у наших хозяев. Продовольственных карточек едва на неделю хватает! А потом пасемся, где можем! За неделю подчищаем все, что выдают на месяц. Ха-ха-ха! Вы, зятек, про такое небось и не слыхивали на своем Дунае!

Рудо жил сейчас в Германии, туда он отправился в поисках работы, а в свободное время, так же как и другие рабочие-иностранцы, торчал в порту: авось подвернется какой знакомый или, на худой конец, земляк. Сегодня Рудо повезло. Встретил не кого-нибудь, а родственников! Они не виделись с прошлой зимы, с тех пор как приезжали в отпуск к родителям матери. После такой долгой разлуки встреча была особенно радостной.

Рот у Рудо кажется вдвое шире, чем у любого другого, он и смеяться-то горазд за двоих. Мысли в голове у Рудо такие же буйные и непокорные, как и волосы на его голове. Слово «зятек», как Рудо величал отца, звучало у него совсем по-иному, чем просто «зять», душевнее как-то, и выдавало разом все, что Рудо питал к отцу: и родственные чувства, и дружеское расположение. А еще было в этом какое-то мальчишеское озорство. С появлением Рудо в тесной каюте стало уютнее и теплее.

— Я уж месяц, как вас тут выглядываю, зятек,— без передышки продолжал Рудо.— Так и думал, что вы должны быть где-то неподалеку. Боялся только, как бы вас не потащили до самого Регенсбурга.— На еду он накинулся с такой жадностью, что стало ясно: разговор о пустом желудке — не выдумка.— Смотрите, как я лопаю? Такой кусок сала,— и он показал на отрезанный шматок,— в Германии месячная норма. Попробуй-ка тут не голодать! Но уж зато порядочек у них что надо! По утрам на дверных ручках развешаны сумки с рогаликами и молочными бутылками, и никто не посмеет ничего стянуть. Даже если никто не видит, все равно не тронут. У нас бы уволокли вместе с дверью. Ну, а как там у нас? Вы дома не побывали?

— Да нет, некогда было. Мимо Братиславы прошли еще до полудня. А ночевали уже в Вене. Разве из Вены успеешь съездить туда и обратно? Грузиться будем в Братиславе, там постоим, а может, и совсем останемся,— поделилась мать планами с братом, намеренно вставив слово «может», чтобы узнать, как тот отнесется к их решению.

— Вы что, сдурели? — поднял их на смех Рудо.— Хотите уйти с Дуная? В такие-то времена?

Мать коротко поведала ему о печальных событиях, случившихся во время последнего плавания, а потом принялась объяснять, почему она собирается так поступить.

— Вчера несчастье произошло на соседней барже, а завтра, глядишь, может случиться и на нашей. Нечего ждать, пока грянет беда. Надо уходить отсюда, и поскорее. Хочется иметь под ногами твердую землю. Как у других людей.

— Это у кого же в нынешнее время твердая земля под ногами?

— Дома все-таки легче,— не уступала мать.— Янко найдет работу, начнем все сначала.

— Трудно это, зятек,— повернулся Рудо к отцу.— В Германии ты бы работу, конечно, нашел, а у нас вряд ли. Я ведь тоже не от великих радостей торчу тут. Немцы половину своих мужчин позабিরали в армию, вот потому-то у них и есть работа для иностранцев. А у нас в Словакии ты найдешь опять то же, от чего на Дунай сбежал,— нужду. Ничего хорошего тебя там не ждет.

— Может, в самой Братиславе,— сказала мать, стараясь опередить отца, который обычно легче, чем она, избавлялся от иллюзий.— Поспрашиваем в порту. Туда можно добираться поездом. Сколько народу ездит в Братиславу на работу поездом!

— Эти места, сестричка, не для нас предназначены,— ответил Рудо и запихал в рот остаток хлеба. Кусок сала он все еще держал наколотым на кончик ножа, словно собираясь получше распробовать матросское лакомство.— После войны работы хватит всем,— продолжал он.— Будет мир — будет и работа. Хорошо бы при этом еще и в живых остаться.

— Да долго ли она будет, война-то? — сказала мать скорее для собственного успокоения.— Кто хочет войны? Нет таких.

— Так, сестричка, ты можешь думать только здесь, на воде. На берегу ты бы думала иначе.— Рудо решил, что хватит пугать сестру, наклонился к мальчику и заговорил с ним: — Помнишь, Марек, как мы зимой запрягли в санки нашего пса Бундо, а он помчался по канавам и в каждой хорошенько тебя вывалял? Неужто позабыл? Интересно, что сейчас поделывает наш Бундо? Приедешь домой, пожми ему за меня лапу.

Сверху в каюту заглянул Гажо. Его пригласили спуститься и познакомили с Рудо. Разговор вспыхнул с такой силой, будто в огонь пороху подсыпали. Одна мысль воспламеняла другую, а та — третью. Марек едва успевал голову поворачивать, чтобы уследить за взрослыми. Понимал он, конечно, далеко не все слова и, может быть, не совсем так, как их понимали взрослые. Слово «война», которое повторялось чаще других, означало для Марека все то зло, что пришлось ему увидеть и пережить. «Войной» казались ему и бесконечное плавание с утра до ночи, и оборванная леска, и могилка Веры, и затонувшая баржа с непокорным фонарем. Все это для него было «войной». Как из рисунков на игрушечных кубиках складывались разные животные, так из всех событий последнего плавания вдруг сложилась «война». Ох и страшный получился зверь!

— Завтра пойдем посмотреть город,— сказал Рудо, прощаясь.

— Завтра нам некогда. У нас с самого утра разгрузка, — вспомнил отец.

— Ну, тогда мы с Марексом пойдем.— Рудо дружески обнял мальчика за плечи.— Покажу ему, где я живу. После работы зайду за тобой, Марек. Смотри дождись меня!

15

На другой день Мареку даже в город идти расхотелось. Перед обедом он собрался порыбачить, но едва закинул удочку, возле него словно из-под земли вырос портовый сторож: «Ферботен! Запрещено!» Будто от одной рыбешки Дунай обеднеет!

Рудо жил на набережной Инна. Тащиться туда пришлось через весь город. Чтобы сократить дорогу, шли узкими улочками, застроенными многоэтажными домами. С двух сторон город был зажат реками, которые не давали ему разрастаться вширь, вот он и тянулся в высоту. В верховьях Дуная таких городов немало.

— Вот эти самые?

— И другие тоже. Солдат здесь столько, что и не сосчитать. А нам-то что до них? Пусть себе топают, куда вздумается. А мы пойдем своей дорогой.

— Далеко еще? — спросил Марек.

— Если ты устал, могу посадить тебя на плечи. Хочешь

— Да я не устал, только хочу знать, где это.

— Сейчас придем.

У Рудо в комнате они долго не задержались. Кроме восьми железных кроватей, старых одеял и еще более старых чемоданов, тут ничего интересного не было.

На Инн они посмотрели в окошко. Он был действительно какой-то неестественно белый. словно это не река, а мираж. Рудо и Марек вернулись на набережную, и пошли вдоль мутно-белого потока к устью реки. Потом сели на скамейку и стали наблюдать, как сливаются реки. Граница между окрашенными в разный цвет водами терялась где-то вдаль, так что в точности определить, где она проходит, было невозможно.

Рудо и Марек пришли к выводу, что Пассау для Дуная — очень важный город, потому что именно здесь Дунай обретает тот цвет, который сохраняется до самого моря. Словацкие реки Ваг и Грон на цвет Дуная не влияют, но делают его более полноводным. Пассау действительно важный город для Дуная, потому что именно здесь встречаются три реки, и вот ведь как случилось: Кралики, родственники, тоже здесь встретились.

Обратно на баржу дядя с племянником снова шли по набережной, против течения Дуная.

На стене одного из зданий Марек увидел давно знакомое ему изображение водяного с двумя заплаканными детьми, мальчиком и девочкой, которых водяной тащил под мышкой.

Этой картиной речники обычно пугали своих детей, чтобы те держались подальше от борта судна. С баржи водяной выглядел куда более грозно, чем с берега, так что дети речников отваживались смотреть на него не иначе как сквозь пальцы. А сейчас Марек во все глаза смотрел на водяного. Он был для Марека такой же достопримечательностью в верховьях Дуная, как шлюз или Валгалла¹.

Валгаллу Марек запомнил в прошлом году, после того как герр Цвейг, рулевой с немецкой баржи, много рассказывал о ней и показывал картинки. С тех пор Валгалла стала для мальчика не просто белым зданием с великолепной колоннадой, но местом, куда после смерти попадают все выдающиеся немцы. Он мечтал побывать там и лучше разглядеть бюсты этих великих немцев.

— А в шлюзе ты был? — после недолгого молчания спросил Марек.

— По правде сказать, еще нет, — признался Рудо. — Но как-нибудь побываю. От Пассау до него рукой подать.

— Ты и в Валгаллу сходи, — посоветовал ему Марек. — В шлюзе пароходы входят в большую камеру, там вода их поднимает все выше и выше. Потом ворота открываются, и пароходы могут плыть дальше. Шлюз — это как ступенька.

— Мне бы там было страшно, — сказал Рудо. — Ты ведь тоже боялся, а? Ну, признайся, страшно, когда вас вода вверх поднимает? Только честно!

— В шлюзе я не боюсь. А вот в Пратере² страшно. Особенно в замке с привидениями. Едешь, едешь на тележке — и вдруг перед тобой череп, бр-р-р-р...

— Ой, лучше не рассказывай, — взмолился Рудо. — Посмотри, как у меня колени трясутся, у-у-у!

¹ Валгалла — в древнескандинавской и германской мифологии чертог мертвых, куда попадают павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь. В данном случае речь идет о Пантеоне, построенном по типу греческих храмов на одном из холмов на берегу Дуная под Регенсбургом. В этом Пантеоне находятся скульптурные бюсты знаменитых деятелей немецкой истории и культуры.

² Пратер — парк в Вене.

Мареку было хорошо со старшим товарищем. Он бы с удовольствием рассказал ему все, что когда-либо видел. Рудо правильно угадывал, в каком месте нужно удивляться, в каком бояться, а где просто посмеяться.

Когда они поднимались по трапу на баржу, Рудо чуть было не угодил в скверную историю. С подъемного крана сорвался мешок, и из него на набережную просыпался черный перец. Рудо вернулся, чтобы набрать в карман не много перца. Тут подскочил сторож, и, не вмешайся отец, Рудо увели бы в комендатуру. Потом рабочий с метлой подмел весь просыпанный перец, до последнего зернышка.

— Чтоб у вас от него в штанах защицало! — ругался Рудо.— Чтоб вы от него заплясали!

— В другой раз не будешь у них из-под носа таскать,— хохотал Гажо.— Лучше уж прямо со склада. Я тебе наберу, хочешь? — И Гажо отправился на склад.— Ладно, возьмем, когда они выгрузятся и уедут,— сказал он, вернувшись.— С нами немцы ничего, посмирнее.

Рудо пообещал на другой день прийти снова и принести посылочку для родителей. Он наверняка приходил, но у причала стояла уже другая баржа. Не успели Кралики разгрузиться, как появился буксир и, тут уж не задерживайся,— айда по течению дальше! В верховьях Дунай стремителен и все подчиняет своему темпу.

Дома, конечно, они передали привет от Рудо и всем раздали подарки: дедушке — табак, бабушке — меховой жилет, Габе и Юдите — по кофте. При этом не забыли рассказать, в какой стране и в каком городе все это куплено. Каждая вещь становилась темой для нового разговора, и, слово за слово, беседа затянулась до полуночи.

— Пора спать,— закончила разговор мать.— Отцу завтра рано вставать, в Братиславу ехать.

— Куда ему ехать? — изумилась бабушка.— Завтра же воскресенье.

— У речников в календаре нет воскресенья. Отец обязан проследить за погрузкой. Вечером вернется,— объяснила мать.

С новым для Марека окружением его принялась знакомить Габа. Она была старше мальчика на целых пять лет, но у Марека язык не поворачивался называть Габу «тетей»: она скорее походила на его сестренку, а не на мамину. Габа вышла на улицу вместе с Мареком и представила его местным ребятишкам, тех давно уже разбирало любопытство.

— Это наш речник Марек. Он теперь будет жить у нас. Такой маленький, а уже полсвета объездил. И в Румынии побывал и... Где ты еще был? Расскажи им, Марек, не бойся! Это Лойзо Крнач,— показала она на босого мальчишку, который еще несколько минут назад пугал воробьев на акациях. — Ты с ним будешь вместе учиться. Ему уже, наверное, в пятый класс ходить пора, а он такой глупенький, что все в первом сидит. Так в первом классе и закончит школу. Правда, Лойзинька? В какой класс ты уже должен ходить?

— В третий, — гордо ответил мальчуган и дал по воробьям холостой выстрел из духового ружья.

— Еще и задается, дылда этакая! Вот увидишь, наш Марек тебя обгонит. А это Станко. Он тоже из вашего класса. Станко, вытри сопли! Посмотри, у нашего Марека их нет. А тебе, Лойзо, уже пора начать умываться. Через три месяца рождество, а ты все никак грязь с шеи не соскребешь. Не знаешь, что грязные к рождеству подарков не получают?! А это Иренка. Подайте друг другу руки! Да не бойся, Марек, она тебя не укусит.

Марек боязливо разглядывал ребячьи лица. Так много детей сразу он еще никогда не видел. В голове у мальчика все ходуном ходило, он не знал, как ему себя вести в новой обстановке, и едва сдерживался, чтобы не заплакать и не убежать куда глаза глядят.

Вечером все с нетерпением ждали, какие новости привезет отец из Братиславы. Хотя начальства в выходной день наверняка не было на месте, все равно чего-то ждали. Однако отец узнал лишь о том, что грузят на баржу. Часть груза вроде бы предназначена для Нови-Сада, а с остальным баржа пойдет в низовья Дуная. И пусть плывет куда вздумается, им это уже безразлично.

На следующий день отец вернулся с известием, что ему пообещали найти работу в порту, только начальство не знает, сможет ли быстро подыскать ему замену на барже. Если это не получится, придется проделать еще одно-два плавания.

Мать была вся как на иголках. Размышляла, как лучше поступить: забрать вещи с баржи или пока оставить. Что, если все решится в самую последнюю минуту, и они не успеют собраться? А что делать, если неожиданно выяснится, что им никуда плыть не надо? Неопределенность не давала ей ни минуты покоя. Тогда мать решила, что утром поедет вместе с отцом и там узнает, что к чему.

Когда отец не вернулся вечерним поездом, с которым его ждали, сразу же стало ясно: что-то случилось. У матери всегда бывали предчувствия перед каким-либо важным

событием. Ей даже не хотелось возвращаться со станции домой, так было не по себе. Если бы мать не знала, что дома ее ждут к ужину, она и вовсе осталась бы ждать следующего поезда возле железнодорожных путей: они представлялись ей ниточкой, связывающей ее с мужем. Ей сейчас хотелось как можно скорее узнать, что случилось у отца на работе.

Уже на углу улицы мать увидела, что около дома ее ждут. Когда она заметила в руках у Юдиты бумажку, ее всю так и затрясло. Юдита как раз собиралась пойти ей навстречу: пока мать была на станции, почтальон принес, телеграмму от отца.

В телеграмме говорилось: «Мы отчалили. Приезжайте поездом в Будапешт. Ночевать будем там. Отец».

Земля под ногами всегда казалась матери такой надежной, а сейчас она стала вдруг зыбкой, как палуба судна, которое снялось с якоря и уходит все дальше и дальше. Мать чувствовала себя уверенно, только когда вся семья была вместе. Так было всегда — и на барже, и на суше, — закон Дуная продолжал действовать даже здесь.

— Едем, — сказала мать не раздумывая. Приняв решение, она снова почувствовала себя хозяйкой положения. — Я так и думала, что Дунай нас не отпустит. Уже когда шла на вокзал, мне казалось, будто я возвращаюсь на баржу. Можете надо мной смеяться, но на воде человек все чувствует, как животное. Ведь животные наперед чувствуют, когда должно что-то случиться. Вот и я тоже. А теперь, Марек, давай-ка живо собираться, оденемся и к отцу.

И она сразу же принялась готовиться в дорогу.

— Оставайтесь дома! Ну хоть на одно плавание оставайтесь! — пытались удержать ее родители и сестры. — Потерпите немного, места у нас хватит. А вдруг в Будапеште вы его не догоните?

— Поедем за ним до Нови-Сада. Он говорил, что там будет разгрузка. — Другого выхода мать не видела. — Что отец будет делать без нас на барже? А что мы без него? Какое счастье, что мы ничего не забрали с баржи!

17

Поезд шел полупустой, в купе мать и Марек были одни. Свободные места нагоняли на них тоску. Вот и отец там, в каюте, наверное, тоже сейчас смотрит на пустые койки. Скорее бы попасть на палубу! Простор успокаивает только тех, кто к нему привык. Для Краликов же привычнее теснота, большое, просторное помещение их только сковывает. Как же они могли оставить отца одного?! Почему не дождались на барже? Где и какую ошибку они совершили? Ведь все, что с ними случилось, можно было предвидеть заранее.

Мать часто мысленно представляла себе возможное разделение семьи. Эта мысль была всегда неприятна ей, а вот действительность оказалась еще хуже. Она забыла о прежних мучениях, думала только об одном, худшем из всех, — о действительности.

— Не бойся, мы его догоним! — утешала она себя и сына.

— Догоним! — согласился Марек. — Поезд идет быстрее, чем пароход.

— Намного быстрее. С каждым часом мы все ближе к отцу. Завтра снова будем вместе. Спи!

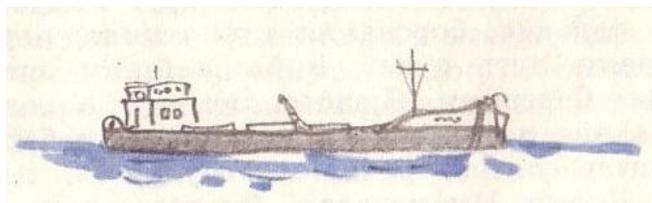
— Я не хочу спать.

— Тогда просто закрой глаза! Тебе мешает стук колес? Вода шумит приятнее, правда? Баржа по сравнению с поездом — колыбель. На ней лучше. Потерпи. Завтра уже будешь спать в своей постельке.

Чтобы мальчику было удобнее, она постелила ему на скамейке, а голову сына положила себе на колени. Ей хотелось, чтобы он заснул, но Марек не спал: все смотрел на маму и думал, что у нее глаза и волосы такого же цвета, как ночь за окном. Мать словно растворялась в ночи, она отдалялась от него, сливаясь с тьмой так же, как отдалялся и растворялся где-то там, далеко, отец. Марек боялся закрыть глаза, чтобы мать не исчезла совсем.

Сон сморил его только тогда, когда они пересели в международный скорый поезд, но во время таможенного досмотра мать разбудила мальчика. Он сказал, как его зовут, и снова уснул. Когда в Комарно они проезжали по мосту над Дунаем, уже начинало светать. В глубине под мостом чернели пароходы с баржами, но за то короткое мгновение, пока поезд мчался по мосту, нельзя было угадать: стоят ли они на якоре или движутся. Глядя на широкие дунайские просторы, мать почувствовала себя еще более беспомощной, чем на барже. Там, по крайней мере, у них есть свое место. А здесь у них нет ничего. «За то, что ты нас приютил, Дунай, мы хотели отплатить тебе злом. Покинуть тебя хотели... Прости нас, Дунай!»

Мальчик крепко спал, и это было единственным утешением для матери в течение всего пути.

Часть II. ВОЛКИ

В ту зиму морозы ударили необычайно рано. Да так быстро и неожиданно, что льды за одну ночь перегородили судам путь. Два самых больших дунайских парохода, «Арпад» и «Сватоплук», спаренные друг с другом канатами, точно ледокол, бороздили русло ниже порогов. Они прокладывали путь судам к ближайшим зимним портам — Турну-Северину, Оршбве, Земуну, а если удастся, то и еще выше по течению Дуная. В этом больше всего были заинтересованы речники государств, лежащих в верховьях Дуная. Им хотелось бы переждать зиму если уж не дома, то хоть, по крайней мере, поближе к дому.

Караван, в котором шла баржа со знакомым нам номером 6714, благополучно добрался до Турну-Северина. Там баржи поделили между тремя пароходами. Баржу 6714 вместе с одной венгерской баржей взял на себя пароход «Геркулес». Этот румынский великан славился на Дунае не меньше, чем его тезка из древнего мифа, и у Краликов затеплилась надежда, что им удастся проскочить пороги, а потом, глядишь, и дальше пойти, ведь в верховьях Дуная течение сильнее и замерзает он там позднее.

Все шло как обычно. Перед тем как каравану двинуться в путь, моторный катер привез из порта лоцманов - шестерых на пароход и по два — на каждую баржу. Лоцманы

— аристократы среди речников. Это видно и по их черной форме с золотыми пуговицами и витыми золотыми шнурами. На головах у лоцманов фуражки с золотым якорем, на руках белые перчатки. Из-за них Гажо пришлось надраить рукоятки на штурвальном колесе. Такого приказа, правда, никто не отдавал, но для каждой баржи это неписанный закон.

Лоцманы заняли места у штурвалов и с той минуты приняли командование на себя. Даже капитан обязан подчиняться им, потому что никто на реке так не знает все козни порогов, как лоцманы. Они знают каждую скалу, торчащую из воды или прячущуюся под водой, знают мели, течения, водовороты и другие коварные места, которые на пути судов расставила природа. Членам экипажей оставалось только помогать лоцманам. Без этих опытных проводников на порогах потерпело бы крушение не одно судно.

Знакомое волнение царило на палубах. Оно было вызвано и страхом перед ловушками природы, и предвкушением радости от того, что люди все преодолеют и можно будет плыть дальше. Через пороги всегда шли в приподнятом настроении, эти минуты надолго оставались в памяти речников. И когда потом речники вспоминали о плавании по Дунаю, то в первую очередь они рассказывали о порогах.

Сейчас путь к порогам лежал через Железные Ворота. Они начинались сразу же за островом Гура Войи. Слух о Железных Воротах распространился далеко по побережью Дуная. Но только речники знали разницу между тем, что рассказывают, и тем, что есть на самом деле. Образное название скорее сбивало с толку, чем отражало подлинную картину. Железными Воротами называли обширную мель на Дунае. Валуны, торчащие из воды, издали казались стадом животных, которое забрело сюда на водопой. Плыть через Железные Ворота суда могли только по специально сделанному каналу. Тут Дунай несся со скоростью коня, скачущего галопом. Ни один идущий против течения пароход сам,

своими силами, не мог протащить баржи. Поэтому с берега судам протягивали необычную «руку помощи» — толстый стальной канат, с помощью которого судно тянулось паровозом.

Едва таким образом прошли примерно километр — это было как раз посередине Железных Ворот,— отец, обращаясь к лоцманам, показал на паровоз и сказал то, что говорил всегда, когда проходили этот участок:

— Паровоз-то у нас сделан... Наша «Шкода».

Отец так и не мог избавиться от ощущения, что канат не просто соединяет их судно с паровозом, а связывает с родиной его и других словацких речников, занесенных судьбой в эти места. Возникало какое-то родственное чувство к паровозу. Казалось, что именно он помогает речникам поскорее добраться домой.

Лоцманы ответили, что знают, откуда паровоз, и что машина эта очень даже хорошая, надежная. Отец почувствовал гордость за «Шкоду».

— А сюда-то как он попал? — размышлял Гажо, чтобы продлить приятную беседу на палубе.

— Не по земле же,— ответил отец.— Наверное, на пароходе привезли.

— Привезти-то можно,— изрек на это Гажо,— а вот как его на пароход поставишь?

— По рельсам. Подъемный кран тут не поможет. Наверное, подогнали судно к берегу, уложили рельсы, и айда, паровоз! Сам пошел. А вот рассказывают, будто давным-давно корабли через пороги тащили рабы.

— Не хотел бы я быть в их шкуре,— заметил Гажо, и Марек засмеялся.

— Смотрите! — показал отец на пароход.— Уже отдают канат на паровоз. Вишь, как плюхнулся! Только бы они сумели использовать скорость и не замедлили хода! Если потерять скорость, течение тут же снесет нас обратно.

Часть пути за Железными Воротами баржи снова тянул пароход. Справа был румынский берег, слева — сербский. На правом берегу вот-вот должна была появиться гора Алион, где стоит маленькая белая часовенка с черной островерхой крышей. Внизу — большой залив с портовым городом Оршова. А напротив, на сербском берегу, город Текия.

Однажды в Текии Марек с папой потеряли маму, думали, уж не утонула ли она. С баржи Краликов тогда выгружали какие-то станки, а мама пошла купить мяса к ужину. Лавка мясника была уже заперта, и мать постучала в дверь. Когда она сказала, кто она, откуда и чего хочет, ее впустили внутрь. К дому примыкал огромный двор, где в тот момент оказалось полным-полно гостей! По-сербски праздник называется «слава». Все гости начали говорить матери: «У нас «слава», оставайся с нами!» Напрасно мать отказывалась, объясняла, что ей нужно вернуться на баржу. Нет и нет! Ей не позволили нарушить законы гостеприимства. В Сербии никто не имеет права уйти со «славы». Мать вместе со всеми сидела за праздничным столом и потом плясала, а тем временем отец и Марек искали ее с фонарем по всему берегу. Упала с мостков и утонула! Что еще они могли подумать?! Когда среди ночи мать с полной сумкой вернулась на баржу, отец и сын сидели на палубе, оплакивая ее. С тех пор, когда они проплывают мимо Текии, всегда вспоминают эту историю и смеются. И на этот раз они, конечно, тоже посмеются.

Выше Оршовского залива судам предстоит пройти Казанское ущелье. Там теснятся скалы, вздымаясь на головокружительную высоту. Дунай здесь темнеет, и кажется, что его ширина не больше глубины, словно он перевалился на бок. Тут речникам становится страшновато, напряженно поглядывают они на узенькую полоску воды, отделяющую баржу от скал. Стоит только коснуться — и быть беде!

Казане — удивительное место. Тут всегда прохладно, словно солнце сюда вовсе не заглядывает, словно давным-давно, еще в зимние сумерки, здесь и время остановилось. Узкая пустынная дорога, которую вырубili в скалах над речным потоком римские рабы, только усиливает это впечатление. Уже две тысячи лет этой дороге суждено быть неизменным свидетелем нечеловеческих усилий людей. И хотя называется она по имени

императора Траяна, повелевшего выбить на скале в свою честь мемориальную надпись, при виде ее вспоминаются только те несчастные, кто сотворил эту дорогу. И как они сумели такое сделать! Сколько их при этом погибло? Имя императора Траяна стало общим именем всех рабов, пробивших эту дорогу в скалах.

За Казане берега раздвигаются вширь, приобретая очертания горла гигантской воронки. Еще немного, и суда попадают в Гребень, а тут им уже протягивает «руку помощи» пароход «Вашкапу». Потом следуют водоворот Господин-вир, пролив Козла-Двойка, пролив Стенка последний утес Бабакай, он-то посреди Дуная и охраняет проход к порогам.

Речники берут бинокль и высматривают в скалах следы от железных крюков. Этими крюками, по преданию, к утесу была прикована прекрасная турчанка из города Голубац, что на правой стороне Дуная. Полюбила красавица турчанка юнака из Леоновара — города с левого берега Дуная. Ага, воевода Голубаца, разгневался на девушку и велел приковать ее к утесу Бабакай железными крюками. Юнак кинулся спасти свою возлюбленную, но едва взобрался на утес и обнял ее, как стрелы, пущенные из Голубаца, пронзили влюбленных и таким образом навечно соединили их.

Возле утеса Бабакай на тех судах, что спускаются из верховьев Дуная, в этот момент воцаряется знакомая речникам обстановка тревоги и возбуждения. Зато на барже, где плывет семья Марека, наступает покой: вот и еще одно плавание благополучно завершено. Речники прощаются с лоцманами. Теперь путь по Дунаю свободен и безопасен. Впереди только Струден. Но о нем пока рано думать. Струден далеко, в самых верховьях Дуная. Туда они сейчас не поплывут. И к порогам им, наверное, вернуться уже не придется, потому что зима длинна и, вполне вероятно, Краликам удастся за это время покинуть Дунай навсегда. Кралики поворачиваются лицом к утесу: «До свиданья, Бабакай! Охраняй пороги! И суда и речников тоже береги!»

Так мысленно продолжали Кралики свое плавание от Железных Ворот, обогнав в мечтах тянувший их пароход на добрую сотню километров. Но все их мечты внезапно прервал пароходный гудок. Пароход развернулся и, оставив баржу под горой Алион, пошел назад. К следующему зимнему порту дорога была уже закрыта. Другие пароходы тоже оставляли свои караваны в Оршове, и скоро в заливе стало тесно от барж.

2

В одном ряду с баржей 6714 стояла венгерская, вместе с которой Кралики пришли сюда, за ней румынская, а еще дальше — баржа Немецкой дунайской компании.

На венгерской барже жили супруги Немет вместе со своим двенадцатилетним сыном Лацикой. Лацика целыми днями играл с кошкой. С ней он был неразлучен и делился всеми лакомствами. Да так, что кошка съедала мясо из гуляша, а Лацике доставались остатки. Или кошка вылизывала соус, а фасоль доедал Лацика. Родители много раз пытались ему это запретить, но мальчик бунтовал, а то и вовсе переставал есть. Эта несчастная семья была вынуждена жить на Дунае, чтобы люди не видели их душевнобольного сына.

На румынской барже жили речники без семей. На немецкой — пожилые супруги Таубе. У фрау Таубе было два сына, их фотографии в узеньких рамках висели на стенах каюты. На одних снимках они были еще совсем детьми, на других постарше, и, наконец, на последних они были одеты в солдатскую форму. Фрау Таубе могла часами говорить о сыновьях и очень страдала оттого, что зимой им с мужем не удастся побывать на родине, где их, конечно, ждали письма от сыновей.

Когда лед совсем окреп, речники начали прорубать в нем длинные узкие канавки. Делали они это вовсе не для того, чтобы любоваться дунайской водой. Речники боялись, как бы лед не проломил их баржи. На берег теперь почти не сходили. Кое-какие продукты на барже были, а все остальное местные жители доставляли речникам прямо на палубу.

Чаще всего шел обмен. Семья Краликов как-то выменяла ведро сахара, горшочек красного перца и старую мамину юбку на половину свиной туши.

А однажды на барже появилась старуха-сербка, которая потом стала часто захаживать к Краликам. В первый раз ей приглянулись ботинки Марека, которые стали ему малы раньше, чем он успел их износить.

— Это для детей Петара, сына моего,— говорила старуха.— Одному не подойдут, сгодятся второму. Не второму, так третьему. Только бы Петар вернулся. Шесть сыновей у него.— Она рисовала рукой в воздухе лестницу из шести ступенек. Каждая ступенька — в рост одного из внуков.

Шесть ступенек, и у каждой — красивое сербское имя. Две ступеньки были ниже Марека, а третья такая же, как он. Эта ступенька называлась Жарко. Марек хорошо запомнил это имя, потому что старая сербка, произнося его, погладила мальчика холодной костлявой рукой, и ему показалось, будто его погладила сама смерть.

С тех пор старуха часто навевалась к Краликам. Когда у нее нечего было менять, она приходила просто так. Нельзя сказать, что сербке были рады, но и двери перед ней не закрывали. Все, что она говорила, казалось Краликам сплошным пророчеством. Старуха предсказывала, что грядут страшные события: кровь, смерть и «рата» — война.

Из-за этих-то прорицаний и не любили, когда сербка появлялась на палубе. Но тем не менее ей всегда открывали двери и предлагали сесть. Старую сербку окружал ореол таинственности, такой же мрачный, как те темные горы, с которых она спускалась. Эта таинственность одновременно и вселяла тревогу и придавала силы. Такое чувство переживают речники, когда идут через опасный участок дороги — страшные речные пороги: тут и отвагу испытаешь, и слабость свою почувствуешь.

— Бери сына, мать,— советовала старуха.— Купи билет и гайда на воз! По-нашему воз, по-вашему — поезд. Гайда на воз с малым! Гайда домой! Над Дунаем висит рата!

Марек посмотрел в ту сторону, куда указывала старуха, и увидел на горизонте алую зарю. Он боялся старухи, а теперь стал бояться и алых зорь. Стоило ему увидеть окрашенный красным небосклон, как старуха с ее пророчествами вставала перед глазами.

— Придет беда, мать! И для мужчин придет беда! Смерть и кровь!

— Коли придет беда, так уж лучше всем нам быть вместе,— отвечала мать.

Ни за что на свете не согласилась бы она признать, что сербка права, хотя словам ее верила, может быть, даже больше, чем сама старуха.

Старухины слова глубоко врезались в память, да и саму ее не забудешь. Глаза у сербки прозрачные, точно вода, взгляд пронзительный, прямо-таки колдовской! Лицо изборозжено морщинами, сухими и глубокими, как трещины на выжженной земле. И цветом-то оно напоминало высохшую землю.

Единственным человеком, который старухе не перечил, был Гажо. Он и сам порой говорил так же, как и она, за это на него всегда сердились. Мало того, что сидишь тут отрезанным от всего мира, в ледяном котле порогов, он еще и выдумывает невесть что. На Гажо сердились даже больше, чем на старуху, ведь он-то свой, и ему такие речи не прощались.

— В уме он, если поддакивает старой ведьме? — ворчал отец.— Парень, а верит таким глупостям. Взрослый ведь мужчина, а суеверный, как баба. Нет, он тут, на Дунае, совсем, видно, рехнулся. Предсказаниям всяким верит, тоже мне, взрослый мужик...

Сначала Кралики были даже рады, что Гажо взял отпуск и на праздники уехал домой, а они остались на барже одни. Три билета на поезд стоили немалых денег, а, кроме того, дорога далекая и опасная. Гажо дома ждет мать, пусть он и едет. А им втроем и тут не наскучит. Ничего, выдержат! Но в праздники так не хватало Гажо. Некому было пожелать счастья и веселья. Речники с других барж держались своей компанией. Старуха-сербка не показывалась, видно, уехала к сыну в Белград. У соседей — Неметов и Таубе — был «тяжелый воздух», так Кралики называли гнетущую атмосферу, царившую в обеих семьях. Вот потому-то Кралики почти все время проводили в каюте. Мать распускала

старые кофты и вязала из них новые, а отец рассказывал Мареку сказки, у него их в памяти было множество. Когда старые запасы сказок иссякали, отец начинал сочинять новые. Всю зиму его Пополвар, этакий парень-простака, бродил по свету, случались с ним всякие приключения, и грустные и веселые. Зачастую у отца получались даже не сказки, а запутанные истории о приключениях Пополваров-речников.

Залив все больше заносило снегом. Невысокий, обрамлявший его откос был похож на сугроб и стирал границу между льдом и берегом. Над снегом торчали лишь верхние каюты и рулевые рубки барж, и были они похожи больше на домики, чем на судовые надстройки. Между баржами протоптали тропинки, некоторые из них тянулись к берегу. Мало-помалу весь поселок речников стал на время частью Оршовой.

3

По утрам в заливе было тихо и спокойно. Тем сильнее удивился Марек, когда однажды, проснувшись раньше отца и матери, услышал какие-то необычные звуки. Койка мальчика была на уровне льда, до него звуки долетали раньше, чем до родителей, потому что только он и проснулся. Марек протер запотевший иллюминатор возле подушки и, продолжая лежать, выглянул наружу. В заливе не было ни души.

Но когда мальчик вплотную прижался лицом к стеклу, в пустынном заливе он увидел каких-то зверей. Сначала ему показалось, что это серны, в ту зиму они уже не раз наведывались в поселок речников. Но звери вели себя совсем иначе, слишком уж беспокойно. Они что-то вырывали друг у друга и мотали головами. Марек успел заметить, что у этих животных нет «штанишек» с белыми пятнышками, какие были у серн, но зато у них длинные хвосты. Убедившись, что не сможет распознать новых пришельцев, Марек разбудил родителей:

— Мама! Папа! Смотрите, кто там на льду! Какие-то звери!

— Кто?

— Где?

— Вон там! — показывал Марек, протирая запотевший от дыхания иллюминатор. — Они уже давно тут.

Мать прильнула к иллюминатору. Она долго молчала, словно желая удостовериться в том, что все это ей не приснилось. Потом коснулась пальцами стекла, и холод убедил ее, что она не спит.

— Господи ты боже мой, да ведь это же волки! — воскликнула она в ужасе. — Отец, ты видишь?!

— Точно, они самые, — подтвердил отец, он смотрел в другой иллюминатор. — Явились, шельмы! Вы только подумайте, к самым баржам подошли!

— Что с нами будете! — в ужасе повторяла мать, словно она уже стояла посреди волчьей стаи.

— Как пришли, так и уйдут. Да это они с берега на берег переходят! Учужали что-то среди отбросов и остановились. Вот увидят человека на палубе, сами убегут. Чего нам их бояться?! Сколько их там?

Четырех волков насчитали на льду. Еще два, не такие смелые, стояли у берега, а за ними выжидало еще пятеро, видно, самых осторожных.

В каюту снова проник тот странный звук, что разбудил Марека. На мать он подействовал прямо-таки убийственно.

— Еще и воют! Вы слышите, как они воют?

— Воют,— сказал отец.— На то они и волки. Вот я сейчас возьму топор да пойду пугну их.

— Умоляю тебя, никуда не ходи! — Мать схватила отца за руку.— Никуда не ходи. Не изображай из себя смельчака, ты им сроду не был. Даже если нам придется тут торчать, пока льды не растают, я тебя все равно не пушу на палубу.

Отец хотел открыть иллюминатор и крикнуть, но и того мать ему не позволила, хотя могла бы сообразить, что волк через иллюминатор не пролезет.

— Какое счастье, что Марек их увидел! — сказала мать.— А я как раз сегодня собиралась пойти за покупками. Хорошо, что ты их увидел, Марек. Может, они и раньше к баржам подходили? А мы-то сколько раз домой в темноте возвращались. И в руках ни палки, ни камня, ничего... А если бы они на нас напали?! Пока не поплывем, из каюты не выйду. Лучше голодать буду. Марек, тебе страшно?

— Нисколечко. Борт баржи они все равно не перегрызут. Правда, папа?

— Будь борт из сала, перегрызли бы.

— Они еще и шутят! — упрекнула мать за веселый тон.

Вскоре хищники немного отошли от барж. Наверное, людей увидели. Волки еще немного постояли на берегу, словно раздумывая, не вернуться ли обратно, но потом предпочли показать заливу хвосты и по голому склону пустились к лесу, постепенно исчезая один за другим.

Мать еще долго стояла на страже у трапа, чтобы отец не мог выйти наверх. Только когда на льду появился Намет с Лацикой, мать уступила. Марек с отцом быстро оделись и поднялись на палубу. Пан Намет с сыном как будто поджидали их. Довольный Лацика тут же показал кошачий хвост.

— Кошка, кошка... Смотрите!

Волки разорвали кошку Неметов. Одному богу известно, как им удалось ее поймать. Наверное, она рылась в отбросах возле дальних барж и не сразу заметила опасность. Потом, видимо, пустилась бежать от волков, а те схватили ее уже возле самой баржи. На место драмы указывали истоптанный снег и пятна крови. Кошачий хвост соседи нашли в сторонке.

— Кошка, кошка,— гладил Лацика свои щеки кошачьим хвостом.

Хоть что-то волки оставили ему на память. Казалось, Лацика вполне доволен. Вот только с кем он теперь будет делить еду?!

Этот малоприятный визит имел свои последствия: Мареку запретили одному выходить на палубу. К счастью, зима была уже на исходе, правда, только по календарю, потому что в районе порогов зима не считается ни с какими календарями. В заливе волки больше не появлялись.

4

Кто знает, может, волков напугали немецкие военные колонны, которые в то самое время двигались в Румынию.

Несколько дней они тянулись по главному шоссе, и воли ушли в лесные чащобы. У волков отменный нюх, запах пороха они чувствовали издалека.

В Оршове колонны обычно останавливались на отдых. Солдаты спрыгивали с грузовиков и глазели на Дунай, внезапно открывшийся перед ними. Может, некоторые из них этой реки и не видели никогда, а если видели, так только в верховьях. В верховьях Дунай совсем еще «младенец». А «мужчиной» становится уже в порогах, когда пробивает себе дорогу через горные цепи. Вот тут-то он и показывает свою настоящую силу и характер.

До сих пор немецкие солдаты, может, и не представляли себе, что им предстоит завоевать. Теперь будут знать.

Настоящий Дунай — вот он, под этим ледяным покровом.

А они глядят и радуются, что скоро Дунай будет немецким. Весь Дунай, от истока до устья, от Черной горы до Черного моря. Может, уже весной, когда лед тронется.

Пользуясь хорошим настроением солдат, Гажо вел с ними разные разговоры, чтобы, как он уверял, не забыть немецкий. Отправляясь к немцам, Гажо частенько брал с собой и Марека. Тому тоже не помешает узнать новое словечко. Со словарем речников далеко от Дуная не уйдешь.

Как-то раз Гажо представился солдатам немцем, а они поверили ему. Когда Гажо рассказывал об этом на барже, ролики просто давились от смеха.

— Ты откуда? — спрашиваю я у одного.— Он говорит: «Аус Дрезден».— «Из Дрездена? А я аус Пассау».

— Так и сказал?

— Первое, что на ум пришло. Если бы Марек не начал смеяться, думаю, мне бы удалось узнать кое-что поинтересней. Но он так хихикал, что лучше было убраться подобру-поздорову.

— А что ты у них еще мог узнать? — подзуживал отец. — Ты ведь и так все лучше их знаешь.

— Что я знаю? Ничего не знаю. Сюда никакие новости не доходят, кругом одни горы. Мы тут как в тюрьме. Еще и Дунай стоит. Да и что он может принести...

Зато несколько дней спустя Гажо заговорил совершенно по-другому. Он, похоже, уже узнал, что творилось вокруг. С берега Гажо принес новость, в которую никто не хотел верить:

— Немцы бомбят Белград.

— Откуда ты это знаешь? Кругом же горы,— напомнил ему отец его же собственные слова.

— Горы не горы. Люди-то не сидят на месте. Ходят, узнают... Говорю вам, бомбят. Хотя и объявили Белград открытым городом.

— Может, немцы просто лед взрывают,— предположила мать.— Чтобы пароходы могли пройти. Льды затрудняют им снабжение, вот и бомбят. Я что-то не припомню такой длинной зимы.

— Вы, хозяйка, все объясняете, как вам удобнее,— сказал Гажо.— Один железнодорожник, как раз из Белграда, рассказывал, что там немцы творят. Настоящую бойню устроили, людей даже не хоронят, а прямо под лед спускают!

Гажо говорил об услышанном со всеми подробностями, но мать по-прежнему сомневалась, просто не могла себе представить такую страшную картину.

— Преувеличивают,— упрямо твердила она.— Кто же на такое решится? Немцы ведь тоже люди. Разве мы их не знаем? Когда фрау Таубе говорит о своих сыновьях, у нее слезы стоят в глазах! А герр Таубер? Такой обходительный человек. Нет, я верю только тому, что вижу собственными глазами.

— Если хотите знать, и он, железнодорожник этот, тоже все видел собственными глазами,— вспылил Гажо.— Зачем ему врать? Дядя Янко, пойдемте вечером со мной в буфет! Сами услышите...

— Никуда я его не пущу! — горячилась мать.— Пусть лучше дома сидит.

— Ага, не пустите, потому что вам выгоднее ничего не знать,— сказал Гажо.— Странная вы женщина, хозяйка. Хотите ничего не знать. Я бы на палубе ни за что не остался, хоть к лебедке меня привяжите!

5

Низовья Дуная скоро освободились ото льдов. Оттуда пришел пароход «Сазава». Сначала все думали, что это «Сватоплук», но когда пароход подошел ближе, стало ясно, что он меньше «Сватоплука», да и в бинокль уже можно было разобрать название судна. Пронесся слух, что «Сазава» начнет ломать лед в заливе, чтобы освободить баржи из ледового плена. На другой день так оно и случилось. Обшитый железом нос парохода врезался в лед, откалывая от него целые глыбы, так что грохот стоял по всему заливу. Когда «Сазаве» попался особенно твердый кусок, она подавалась назад, брала разгон и, набирая скорость, продолжала штурмовать лед. Во время одного такого маневра пароход всей своей носовой частью вылетел на лед. Корма повисла над водой, и у речников сразу же пропала надежда на освобождение барж.

Возле злополучной «Сазавы» собрался народ со всего залива. Что и говорить, такое случается не каждый день! Отец даже прихватил с собой фотоаппарат. Ведь киль парохода обычно можно увидеть только на судовой палубе, а сейчас он находился над поверхностью воды. Почти в двух метрах от киля, внизу, бурлил, не успокаиваясь, Дунай, словно хотел вернуть захваченный льдами пароход в свое лоно. На весу оказалось и движущее колесо. Металлические плиты, которые привыкли бороться с сильными речными течениями, теперь беспомощно висели в воздухе.

— Кто бы мог подумать, что лед такой крепкий? - размышляли любопытные.

— В самом деле, вот силища-то! Снаружи ведь только верхушка торчит, а весь под водой. Пароход, правда, тоже мощный. Надо же, прямо на лед выскочил! Кто бы мог подумать?!

— А если льдина отколется и поплывет вместе с ним по течению?

— Бросит якорь, да и сползет потихоньку со льда.

— Куда сбросит? На лед? Якорь-то поплывет вместе с пароходом. В Железных Воротах его небось изомнет, как бумажонку. Нет, надо, чтобы пришел другой пароход и стащил «Сазаву» на воду.

— Говорят, уже вызвали на помощь «Арпад».

— Из верховьев ему сейчас не выбраться. В Казане скопились льды со всего Дуная. Если Казане не пропустит, «Арпад» не придет.

— А может, он снизу идет? Вместе со «Сватоплуком». Он ведь сюда притащил баржи, когда мы здесь стояли. А потом уже через пороги никому не удалось пройти.

Наконец появился «Геркулес». С него бросили «Сазаве» канат и стянули ее со льда, точно санки. Кое-кто напрасно ожидал, что «Сазава» при этом перевернется. Ничего такого не случилось, но все равно зрелище было интересное, и вспоминали о нем еще долго. Потом оба парохода стали сообща крошить лед. Отдельные куски льда относило к излучине залива, а там, подхваченные основным течением, они плыли к Железным Воротам. Вооружившись баграми, речники отпихивали льдины от барж. Это, пожалуй, было ни к чему, ведь рано или поздно льдины и так унесло бы течением.

6

Началась оттепель. Солнце и теплый ветер делали свое дело. Снег на берегу исчез, он оставался только на вершинах холмов, словно для того, чтобы оттуда лучше видеть Дунай и движение льдов от Казане. И местные жители, и речники с одинаковым волнением ждали этого события. Ведь освобождение речного пути приведет в движение

жизнь как в городе, так и на баржах. Вот почему, едва лед тронулся, весть об этом быстро разнеслась по округе. Ледоход начался! Скорей в кормовую рубку, оттуда лучше видно!

— Зачем в рубку, уж лучше на берег! Смотрите, сколько там народу! Спустим шлюпку и пойдем к берегу.

До берега было метров пятьдесят. Несколько взмахов весла, и вот уже Гажо выпрыгивает на камни и привязывает канат к железному столбику. К выступу, который отделял залив от реки, вела хорошая, выложенная камнем дорога. Кралики поспешили присоединиться к собравшимся. Столько людей одновременно здесь уже давно не собиралось. Еще бы! Освобождение Дуная ото льдов — настоящий весенний праздник!

Глыбы, плывущие из ущелья Казане, напоминали сказочные ледяные дворцы. Некоторые проплывали очень быстро, сразу же попадая в основной поток; они едва успевали мелькнуть перед глазами. Другие делались добычей боковых течений и попадали в залив. Тут их кружило возле берега, а потом относило к баржам. Марек едва успевал поворачивать голову, чтобы ухватить все многообразие движения этого бесподобного ледяного королевства.

— Какая льдина самая большая?

— Вон та, с двумя башенками.

— Ничего подобного! Следующая побольше будет!

— И вовсе нет, она только толще. Ну, а эта прямо дворец! Настоящий пароход. Мы все могли бы на ней поместиться.

— Смотрите-ка, кто-то плывет... Или свалился оттуда? Вон там, вон... Видите?

— Господи! Да это же труп! — воскликнула мать. — Марек, не смотри, ночью не заснешь! — Она прижала мальчика к себе и закрыла ему глаза ладонями. — Не смотри, я тоже не смотрю. Уже уплыл? — спрашивала мать. — Уплыл? Да скажите же, уплыл или нет, чтобы я его больше не видела. Да что вы все, онемели?!

Марек вырвался из ее рук и отбежал на несколько шагов. Мать еще долго стояла, отвернувшись от воды, не осмеливаясь взглянуть.

— А вон еще! — показал Марек на что-то, напоминающее мешок. — И там! И вот тут, рядом с нами! Сколько мертвецов! Они из-под льда выходят.

— Марек, не смотри! Они будут тебе сниться!

Поверхность реки прямо на глазах превращалась в ужасное зрелище. Иначе и быть не могло. Той военной весной ледяные дворцы оказались ледяными могилами. Когда лед на Дунае тронулся, могилы начали раскрываться. Мать уже не пыталась скрыть от Марек эту страшную картину. Да и как скроешь, если мертвецов не один и не два, а вон сколько! Целый залив!

— Посмотрите на старуху! — показал Гажо на выступ, где стояла сербка-вещунья.

Кралики не видели ее в заливе с самого рождества. Появление вещуньи было столь внезапно, что придало старухе еще больше таинственности.

— Уж не с внуками ли своими прощаться пришла? — с горечью сказала мать и перевела взгляд на раздувшийся соломенный матрац, который прибило течением к берегу.

Стайка мальчишек попыталась палками отпихнуть его назад к течению. Край матраца надорвался, и оттуда вывалилось сразу пять детских трупики. Потом еще и еще. Соломенный матрац, отдаляясь от берега, словно рассеивал их по речной глади.

— Царица небесная! Да ведь это же грудные младенцы! — в ужасе шептала мать. — Все до одного грудные! Ведь они даже ходить не умели! Какое зло они могли сотворить? Кому навредили? За что их так? Они ведь даже и говорить еще не научились! Все грудные, бедняжечки, и без матери! Зачем только я туда взглянула? Почему я всегда смотрю на самое кошмарное? На мои глаза вечно попадает то, что всего ужаснее.

— Куда ни глянь, везде одинаково, хозяйка, — сказал Гажо. — Тут грудные младенцы, там старики, там дети постарше. Больше всего их несет основным течением. Может, на ком-нибудь из них твои ботинки, Марек!

— Нет, люди такого сделать не могли! Не могли, никогда! Скажите мне, могли? Люди? Нет... нет... Сделать Дунай общей могилой? Люди бы такого не сделали, люди не могли...

Когда они вернулись на баржу, пришел герр Таубе и попросил мать, чтобы она на минутку зашла к ним. Он, дескать, не знает, что происходит с его женой.

Мать застала фрау Таубе в безудержных рыданиях. Она держала перед собой разбитые фотографии своих сыновей в солдатской форме и твердила, что ее мальчики не виноваты, что они такого не могли сделать, она знает своих мальчиков и знает, как их воспитала.

Мать пыталась успокоить фрау Таубе, но та ничего не слышала и словно ничего вокруг не замечала. Герр Таубе сказал, что она находится в таком состоянии с тех самых пор, как пришла жена Немета и сказала ей, что это все — дело рук ее сыновей. С этими словами мадьярка сорвала со стены фотографии и швырнула на пол. С тех пор фрау Таубе не может прийти в себя и только и делает, что заступается за сыновей.

Вечером речники стали зажигать свечи. На каждой барже. Словно сговорившись... Настал час, и зажглись фонари. Свечки в память о погибших, фонари во имя спасения от беды оставшихся в живых... Огни отражались в воде, и залив был похож на кладбище в День всех святых. Даже белая часовня на вершине Алиона издали тоже казалась огромной свечой, а ее островерхая крыша напоминала взметнувшийся язык черного пламени, от которого исходил не свет, а сумрак.

7

С той весны по всему Дунаю был только один хозяин-немец. На берегу ситуация складывалась иначе. Некоторые участки удерживали партизаны, на других власти что ни день менялись. Речники, встречаясь в каком-нибудь порту, всегда спорили на этот счет, но никто не мог поручиться за достоверность своих сведений.

— Видели в Градиште повешенных?

— Каких еще повешенных?

— Тех, что висели на столбах над самым Дунаем. Двенадцать человек.

— Нет, не видели. Их там уже не было.

— Плохо смотрели. Мы там проходили за день до вас. Какой флаг висел над Градиште, когда вы шли?

— Сербский.

— Ах, вон оно что... А когда мы шли, еще висела фашистская свастика. Значит, Градиште опять сербское. Успели и казненных похоронить. Ваше счастье, что вы их не видели. А на порогах вас обстреливали?

— Нет, никто не стрелял.

— У нас тоже обошлось. А вот по немецкой барже, которая перед нами шла, так палили, что только свист стоял. Сербы обстреливают только немецкие суда.

— Тут такая неразбериха, что и другим тоже достается! Пуля ведь не разбирает, где немцы, а где нет...

— Всякое случается, но бьют по немцам. На одном пароходе рулевого убили. Немцы, правда, тоже отстреливаются.

— Черта с два они попадут в тех, на скалах-то! Пароход — цель получше. И баржа тоже — отличная цель. Спрятаться-то некуда!

Можно себе представить, какое настроение царило на барже Краликов после таких вот разговоров. А тут еще в Русе пришвартовался военный катер, с которого на палубу Краликов поднялся немецкий унтер-офицер в сопровождении двух солдат. Незадолго до этого в трюмы погрузили какие-то опломбированные ящики. На барже понятия не имели, что в них, но сомнений не было: именно из-за ящиков явились нежданные гости. У унтер-офицера висел на груди автомат. Солдаты с рюкзаками за спиной напоминали гигантских

улиток. Унтер осведомился, кто на барже старший, а, получив ответ, объявил отцу, что «улитки» будут охранять баржу всю оставшуюся часть пути.

— Глюклихе фарт! Счастливого пути! — Унтер-офицер вернулся на катер, и тот тут же отчалил.

— Выходит, дядя Янко, оставили на наши головы ангелов-хранителей,— сказал Гажо, хотя отец и не успел ему ничего сообщить.— Только где они спать собираются? К себе я их не пущу, пусть хоть околеют на палубе! Что там сказал их фюреришка?

— Да ничего особенного. Сказал только, что они будут нас охранять, — ответил отец.

— Большое им на том спасибо! — рассмеялся Гажо деланным смехом.

Солдаты расположились возле лебедки, между третьим и четвертым трюмом, где обычно крепится шлюпка. Уселись возле своих рюкзаков, еще теснее к ним прижались и стали еще больше походить на улиток.

— Пойдем! — Гажо взял Марека за руку.— Посмотрим на них вблизи.

Уверенной матросской походкой Гажо шагал по палубе, нарочно держась самого края, чтобы «ангелы-хранители» видели, что у него от их присутствия поджилки не трясутся. «Ангелы» глаз с него не спускали. Было заметно, что немцы завидуют тому, как смело матрос шагает возле самого борта. У старшего из-под фуражки выбивались густые белые волосы. Глубоко посаженные глаза были словно налиты кровью и горели, как угли. Было в них что-то волчье, и уже одного этого оказалось достаточно, чтобы вызвать чувство неприязни. На коротко остриженной голове младшего «ангела» как-то нелепо торчала фуражка. И у него глаза блестели, но, пожалуй, от слез. Этот парень не вызывал страха, а, напротив, возбуждал скорее жалость. Он наверняка успел побывать в бою — на

запястье правой руки, придерживавшей автомат, у него виднелся большой разветвленный шрам, словно на руке сидел огромный паук. Про этого солдата Гажо потом сказал, что на фронт его, видно, пришлось тащить на канате, и что ему скрипка подошла бы больше, чем автомат.

— Где вы думаете спать? — спросил у них Гажо.

Солдаты, видя, что матрос обращается к ним, переглянулись, и стало ясно, что по-словацки они не понимают.

— Спать! — повторил Гажо и жестами изобразил подушку. — Шлафен... Где?

— Шлафен, — догадался «ангел» с волчьими глазами. — Здесь! — и при этом постучал пальцем по палубе, точно голодный петух клювом.

Он добавил еще что-то, но Марек не понял, а Гажо сделал вид, что не знает по-немецки.

— А лучше всего вам было бы в воде, — с любезной улыбкой сообщил Гажо солдатам. — Там было бы помягче... Одну волну под голову, другой прикрыться. Вот там-то и постелить бы вам постельку, какую вы другим стелете, черт бы вас побрал!

Немцы с напряженным вниманием смотрели на его губы, стараясь при этом показать, что рады бы понять, но ничего не получается. В конце концов они безнадежно пожали плечами.

— Ну, не беда! — продолжал Гажо с приветливой улыбкой. — Еще поймете!

Солдаты закивали головами, что, дескать, согласны, хотя ничего не понимают.

«Ангел-волк» передал «ангелу-пауку» пустую солдатскую флягу. Тот снял с груди автомат, встал, сделал несколько шагов, затем опустился на колени и так ползком добрался до края палубы. Тут он распластался, зачем-то оглянулся назад и только потом, склонившись над водой, наполнил флягу. Обрато он вернулся таким же манером и подал флягу своему напарнику. Тот насыпал в нее какой-то порошок, завинтил, взболтал и поставил возле рюкзака. На матроса и Марек немцы больше не обращали внимания.

«Нам до вас никакого дела нет, и вы оставьте нас в покое!» — выражали они всем своим видом.

— А почему ты не говорил с ними по-немецки? — спросил Марек у Гажо.

— Чтобы проще было их ругать! — смеялся матрос.

8

Мать разложила на столе Марекону одежонку. Уже второй год она покупала ему разные вещи по всему дунайскому побережью. И вот сейчас мать разглядывала их и пересчитывала, прикидывая, что еще нужно купить к школе, чтобы сын ни в чем не испытывал нужды.

— Что, хозяйка, опять вы его собираете? — спросил Гажо. Он уже несколько раз заставал мать за этим занятием, — Ведь он все это добро даже изодрать не успеет. Вы что же думаете, парень расти не будет? Еще как вырастет! Правда, Марек?

— Изодрать-то он успеет, — сказала мать. — Зато не будет ходить в школу все время в одном и том же. Да и бабушке не захочется каждый день на него стирать. Уж лучше пусть будет что-то лишнее, чем чего-то не хватит. У меня никогда не было столько одежды. А у него пусть будет! Пусть все будет! Даже если нам голодать придется! В Венгрии купим портфель. В прошлом году в Будапеште я видела такие красивые, надо было сразу же купить, все одной заботой меньше. Обувь, я думаю, самая лучшая у нас. Вот только как он учиться будет?!

— Подумаешь, ученье! — утешал Гажо мать. — Об атом меньше всего тревожьтесь! Ведь он уже все знает.

Так ведь, Марек? Как начнешь про Дунай рассказывать все рты так и разинут. Даже учитель не повидал столько сколько ты. Когда я был мальчишкой, я и по-словацки как

следует говорить не умел. У меня ведь мама — чешская немка. Теперь вот, после смерти отца, она снова вернулась в Чехию. Главное, Марек, ничего не бойся.

— Он ведь и рос-то без детей, не привык к ним,— снова загоревала мать.

— Ничего, привыкнет. Главное, чтобы он никому не давал себя в обиду. Слышишь, Марек, никому спуска не давай! Кто тебе раз двинет, ты тому — два! Пойдем побоксируем! — ткнул он мальчика кулаком в грудь.— А теперь ты меня! Да как следует! Как следует, тебе говорят! Не как комар ножкой, а вот так, вот так! Ну вот, глядишь, и морду кому начистишь!

— Ботинки пусть лучше чистит! — вмешался отец.

— Вот еще, ботинки! Все нужно уметь! Тебе, Марек, надо всему научиться, чтобы не опозорить дунайских речников. Но главное — побыстрее выучи азбуку! Чтобы нам письма писать. Каждый день по письму.

— А кто нам эти письма доставит? — Глаза матери наполнились слезами.— Кто найдет нас, песчинок малых, в этом мире?

— А чего нас искать? — не сдавался Гажо.— Мы и сами поищем. Вы, хозяйка, только и знаете, что горевать. Напишешь, Марек, нам письмо и сбрасывай его с моста в Ваг. Ваг унесет его к Дунаю, а мы поймем сачком, как рыбу. Только не забывай на каждом письме написать номер нашей баржи: 6714. А мы уж будем знать, что это нам. Речник должен уметь сам со всем управляться. Не робей, Марек, пиши! Я день и ночь буду на палубе караулить, не плывет ли твое письмо. Сколько времени еще до школы?

— Неполных две недели,— сказала мать, которая не в пример будущему школьнику высчитала все дни, оставшиеся до первого сентября.— Уж как я надеялась, что мы все дома останемся! Ведь теперь и для отца нашлась бы работа. Сколько мужчин на фронт взяли!

— А уйди он с баржи, и его заберут в армию. Только Дунайское пароходство освободило своих работников от военной службы. Да еще железная дорога. Считается, что речники и железнодорожники воюют без оружия.

— Да знаю я это, знаю,— сказала мать.— Поди сюда, Марек, примерим рубашку. Мне кажется, она великовата. Так и есть, велика. Ничего, сгодится на будущий год.

9

На другой день присутствие немецких солдат на палубе уже никого не беспокоило. К ним привыкли. Мимо них проходили, как мимо запасного якоря или кнехтов. Что поделаешь, уж коли они есть, значит, есть. Лишь бы никому не мешали. Даже шлюпку не стали вытаскивать на палубу, чтобы «ангелы-хранители» не подумали, что их хотят согнать с выбранного ими места. Пусть себе шлюпка плывет за баржей. Если вечером захочется пойти к берегу, по крайней мере, не надо будет спускать ее на воду, а потом снова вытаскивать.

В обед мать заметила, что немцы едят консервы и черствую буханку хлеба. Ей стало жаль их, и она решила поделиться с солдатами собственным обедом. Мать поставила тарелки на крышку трюма и собралась, положить в них еды, но тут «ангел-волк» задержал ее руку.

— Данке, мутти,— отказался он от еды.— Спасибо, у нас свое есть,— показал он на кусок черствого хлеба и консервы.

— Немного горяченького,— снова предложила мать.— Горячего... Варм... Вы давно не ели...

— Найд, найн.

Так-таки и не стали есть.

— Ну, хозяйка, вы меня удивляете! — сказал Гажо.— Мало того, что они торчат, как бельмо в глазу, вы еще и кормить их вздумали.

— Да ведь и они тоже люди. Им-то небось еще хуже приходится, чем нам. Они поели бы, да им, наверное, запрещено.

— Они просто боятся, что мы их отравим,— заявил Гажо и сам отнес нетронутую еду в рулевую рубку.— Плюньте вы на них! Лучше рыбам бросьте.

Только с одной просьбой обратились немцы — дать им немного соли. Всем это показалось смешным. На барже соли — целый угольный ящик, а у немцев соли нет! Соль вез на барже недавний сосед Краликов. После выгрузки у него в трюмах по углам остались целые горы соли. Что с ними делать? Сосед ссыпал эти соленые горы в Дунай. Вот тогда Кралики и разжились немного. Уголь, наверное, им еще не скоро получать, а соль сгодится. И точно, сгодилась. «Ангелов-хранителей» подвели к открытому ящику. — Берите! И даже топор им одолжили. Солдаты сначала колебались, глазам своим не верили. Потом вырубили куски величиной с кулак, а «ангел-паук» даже облизнул с наслаждением свой кусок.

10

До вечера было еще далеко, и Марек заскучал. Взял бамбуковое удилище, размотал леску и закинул в воду искусственную мушку. Однако рыба не желала клевать в грязной, мутной воде. Дело кончилось тем, что мушка зацепилась за борт шлюпки.

— Поймал! Я поймал ее! — кричал юный рыболов.— Папа, давай сачок! Вот она! — Марек делал вид, что усердно тянет, а когда появился отец, признался: — Шлюпку я поймал, а не рыбу.

— Оторви,— посоветовал отец.

— Мушку? Да ты что?!

— Будем вытаскивать шлюпку на палубу, вот тогда и снимешь свою мушку, а потом снова привяжешь. Ну, потяни хорошенько!

— Нет-нет, что ты, жалко! — отверг рыболов отцовский совет.

Он готов был стоять и держать удочку над водой до самого конца плавания, только бы не обрывать леску.

— Давай тяни... Дай-ка мне, я сам...

Отец взял удочку из рук сына, потянул за леску, та лопнула, точно выстрелила.

Мушка застряла в борту шлюпки намертво. Ужасно жалко, это была последняя мушка, значит, конец рыбалке. Только бы, чего доброго, не отцепилась да не упала в воду. Уж лучше бы застряла изнутри шлюпки.

Марек кинулся в рулевую рубку. Может, Гажо придумает, как спасти мушку, чтобы можно было снова рыбачить.

— Пока плывем, у тебя все равно на нее не клюнет,— без долгих размышлений сказал Гажо, чтобы успокоить мальчика.

— Это почему же?

— На реке всю рыбу распугали. Потерпи до вечера, пока не пришвартуемся. Потом, может, и закинем снасть.

— На мамалыгу?

— А если станем недалеко от берега, сходим червей накопаем. Или мух наловим, а на них мелкой рыбешки. Рыбешку и насадим. И поймем здоровенную рыбу, больше, чем тот сазан. А повезет, так и сома! Во-о-от с такими усами, в руку длиной. Пока ты еще с нами на барже, непременно надо поймать!

Гажо совсем расфантазировался, хотя прекрасно знал, что никакого свободного вечера у них сегодня не будет. Чтобы попасть в Турну-Северин, нужно идти всю ночь. Да и лезть в шлюпку за мушкой особой охоты не было. Вскоре они и вовсе про нее забыли... А тут еще дождь пошел, и все обрадовались, что наконец-то можно спокойно посидеть в каюте.

Спать Марек отправился еще до швартовки, но заснуть не мог. Он лежал и злился, сам не зная на кого. Когда и где заканчивать плавание — решать не рулевому, а тем более не матросу. Их дело следить за пароходом и при помощи штурвала удерживать баржу на правильном курсе. Капитана парохода Марек не знал, да и на него тоже грешно было бы обижаться. Словом, виноватых не оказалось, а на душе все равно было плохо.

Когда мать с отцом спустились в каюту, Марек притворился спящим. Он слышал, как отец откинул скамью, как мать положила на нее подушку и одеяло, как скамья закрипела, когда отец начал укладываться. Мать проверила, хорошо ли укрыт Марек. Потом и сама легла на нижнюю койку, и при этом койка Марека качнулась. И снова стал слышен только шум течения, которому в ту ночь вторили удары дождевых капель.

Все уже начали засыпать, как вдруг сверху послышалось какое-то странное тиканье. Сначала тихо, потом все громче и громче. Нет, это не часы... Да и откуда им взяться на палубе?! Это стучали сапоги немцев. Видно, кто-то из них ходит по палубе. Но зачем? До сих пор они по ночам всегда спали. Почему именно сегодня, в непогоду, один из них вздумал разгуливать по палубе?

Таинственные звуки начали затихать. Все с облегчением вздохнули. Наконец-то можно уснуть. Но звуки повторились, и на этот раз с удвоенной силой. Стук сапог по палубе чем-то напоминал глухие удары молота. По этим звукам можно было безошибочно определить, куда направляется «ангел-хранитель». Вот он идет с носа, обходит кормовую рубку и по другому борту возвращается назад.

— Ты слышишь? — прошептал отец. — Ходит и ходит...

— Может, просто замерз, — предположила мать. — Не обращай внимания, спи.

Отец и рад бы уснуть, да разве под этот стук уснешь? Но что еще хуже, в голову лезла мысль: а вдруг на палубе творится что-то неладное?

— Пойду-ка посмотрю, — сказал отец и стал в темноте пробираться к трапу.

— Никуда не ходи! — запротестовала мать. — Какое тебе до него дело?

— Не бойся, я только в иллюминатор взгляну.

Отец поднялся в верхнюю каюту и, заглянув в иллюминатор, увидел темную фигуру, которая как раз в этот момент возвращалась с носа. Когда фигура обогнула каюту, отец увидел ее уже в боковом иллюминаторе. Даже при слабом свете фонаря, висящего на кормовой рубке, можно было разглядеть пятнистую плащ-палатку, под которой угадывались очертания автомата. Ту же самую картину отец увидел и из других иллюминаторов. Вот только лица немца он не разглядел. Как отец ни ломал себе голову, а понять, чего ради солдату вздумалось бродить по палубе в такое время, никак не мог, и вдруг его осенило.

— Они стоят на часах! — сообщил он о своей догадке жене, спустившись в каюту.

— Стоят на часах? — удивилась мать. — Почему же до сих пор они этого не делали?

— А сейчас, стало быть, должны. Ведь один-то берег сербский, а немцы с сербами воюют. Вот из-за них и несут караул.

— Вот оно что, — поняла мать. — Только бы не топали так всю ночь! Как будто по голове ходят. Боюсь, не заснуть мне теперь до утра!

Мареку тоже не спалось. Он лежал молча. Что это такое — «стоять на часах»? Тревога родителей передалась и ему. Ясное дело, случилось что-то нехорошее. Разве тут заснешь, если на палубе происходят какие-то странные вещи! Интересно, какой из «ангелов» там топают, пытался он угадать. «Ангел-волк»? А может быть, «ангел-паук»? Марек отчетливо представил себе «ангела-волка» со злыми огоньками в глазах. В воображении мальчика он начал постепенно превращаться в призрак, который все ходит да ходит и таскает по палубе огромные часы, ищет, куда бы их пристроить. А вместо цифр на циферблате трепещут языки пламени, то и дело оборачиваясь стаей волков.

— Нет, я все-таки пойду скажу, чтобы он перестал топтать,— прошептал отец.— Скажу, что нам рано вставать. Он-то может валяться хоть весь день, а нам выспаться нужно.

— Не ходи! — пыталась удержать его мать. Ей уже мерещилось, что наверху не человек, а какой-то оборотень. Он вдруг предстал перед ней в совершенно ином образе, чем днем. Может, то, что она видела днем, всего лишь обман? — Ну погоди еще минутку! Может, он и сам перестанет, может, ему надоест ходить. Хорошо, хоть Марек-то спит.

— Я не сплю,— вдруг позабыв обо всем, отозвался Марек.— Лучше скажите, что значит «стоять на часах»?

— Сторожить или охранять,— объяснил отец.— Чтобы никто не пробрался к нам на баржу. Чтобы мы не боялись. И ты тоже не бойся!

— Я не боюсь,— солгал мальчик.

— Тогда спи.

— Как же мне спать, если он топает? Я все время просыпаюсь.

— Не обращай внимания и спи. Не слушай! Мы тоже будем спать. Спокойной ночи.

Но как ни старались Кралики заснуть, сон не шел, и с каждой минутой все становились только бодрее. Отец предпочел бы сейчас стоять у штурвала. Он совсем было собрался выйти на палубу и сказать солдату, чтобы тот перестал вышагивать, но что-то удерживало его. Чувство неуверенности, что ли? В самом деле, а как поведет себя солдат, если вдруг к нему обратиться? Солдат ведь на часах, а служба есть служба. Он должен делать то, что ему приказано. Отец взглянул на будильник со светящимся циферблатом. Маленькая стрелка стояла на двенадцати, большая к двенадцати уже подбиралась. Разбудить людей в такое время! Идиоты проклятые! Отцу даже кровь бросилась в голову, когда до него дошло, что на своей барже он уже не хозяин! Проклятый груз! Проклятые ящики! Что же такое в них, если приходится все это терпеть?

Ровно в двенадцать часов топот прекратился. Кралики решили, что немцы пошли спать, что караул у них лишь до полуночи, но, оказывается, пауза означала только смену караула. Топанье снова возобновилось. Звучало оно еще неприятнее,— на каждом шагу слышалось царапанье гвоздей о палубу. Новый часовой приволакивал ногу.

— Уж скорее бы пройти Сербию,— шептала мать.— Или хоть пороги...

Она представила себе плавание через ущелье с ангелами-хранителями на борту. Сразу же вспомнились рассказы речников с других барж. Их-то баржу на порогах еще ни разу не обстреливали, а теперь всего можно ожидать... Хаос мыслей вылился в короткую фразу:

— Ну, быть беде! Пусть хоть ребенок поскорее выберется отсюда, пусть хоть он не будет терпеть этот постоянный страх!

Отцу показалось, что Марек дышит тяжело и прерывисто. Он подошел к койке сына, привстал на цыпочки и заглянул в лицо. Нет, он не ошибся. Мальчик был весь в поту и порой вздрагивал. Под топот сапог на палубе ему, наверное, снился страшный сон.

Уже с весны мальчику все чаще стали являться во сне волки и картины ледохода в оршовском заливе. То, что днем забывалось, что помогали изгладить из памяти родители и Гажо, ночью снова возвращалось в сновидениях. Невозможно было навсегда избавиться от кошмаров, которые довелось увидеть там.

— Нет! Не пойду! — выкрикнул мальчик во сне и судорожно обхватил руками отца за шею, словно тот тоже был действующим лицом в его сне.

— Не бойся, Марек! Мы тут, не бойся, мы с тобой! — будил его отец. — Пойдем я перенесу тебя к маме и сам буду с вами.

12

Утром швартовались позже обычного. Какое-то время ушло на то, чтобы составить из барж караваны, но еще дольше пришлось ждать лоцманов, у которых было свое расписание. «Ангелы-хранители» были уже на ногах. «Ангел-паук» сидел привалившись к рюкзаку, — видно, ночное хождение утомило его. «Ангел-волк» брился, зачерпнув в стаканчик дунайской воды. Когда Марек поднялся на палубу и увидел его с бородой из белой мыльной пены, ему стало стыдно за свои ночные страхи.

Даже маленькая радость от того, что караван поведет болгарский буксир, была омрачена тем, что баржа, идущая перед Краликами, оказалась немецкой. Ведь из-за нее и баржа Краликов тоже оказывалась под угрозой обстрела. Стало еще тревожнее, когда прозвучал сигнал к отплытию. Немцы, прихватив рюкзаки, разошлись по своим местам. «Ангел-волк» пошел на нос, а «ангел-паук» устроился на свободном пятачке под самой рубкой.

Мареку, у которого там была черепаха, все это, понятно, не понравилось. Речникам теперь стало ясно: немцы всерьез приступили к несению службы с того момента, когда караван подошел к сербским берегам. Казалось бы, ну что могло измениться на знакомых дунайских берегах? «Ангелы» тем не менее вели себя так, словно враг целился в них из-за каждого дерева, из-за каждой скалы.

Мареку хотелось пойти взглянуть на мушку, застрявшую в шлюпке, но неподалеку лежал «ангел-паук», и мальчику пришлось бы пройти мимо него, а на это он не отважился. Оставалось утешаться мыслью, что мушка никуда не делась. Марек заботливо перенес черепаху в каюту и уложил в ящичек, в котором прошлой осенью ее собирались везти на берег и где она проспала всю зиму.

Потом Марек направился в рубку: может, хоть оттуда ему удастся разглядеть драгоценную мушку, но и из рубки скошенный борт шлюпки не просматривался. Марек видел только подошвы сапог «ангела» с блестящими шляпками гвоздей. И что, в самом деле, он так испугался ночью топота сапог?! Марека так и подмывало сказать вслух, что больше он не будет бояться, но при лоцманах он на, это не решился. А поэтому только и оставалось, что спросить у Гажо, слышал ли он ночное тиканье.

— Какое тиканье? Что тикало? — не понял матрос.

— Эти... солдаты... Топали они над тобой?

— Топали. А над вами?

— Тоже. Особенно надо мной. Я даже уснуть не мог.

— Я тоже не мог уснуть, — признался Гажо. — А потом включил радио и заснул. Жаль вот только, что к утру у приемника батареи сели.

Пока караван шел через Железные Ворота, «ангелы-хранители» никуда не отлучались с палубы. И пока тянулся канал, они все ходили взад и вперед. На берегу перед караваном пыхтел паровоз, время от времени прикрывая его дымовой завесой, которую тут же рассеивали сильные порывы ветра, а оставшиеся от нее клочья неслись

над обширной мелью до самого румынского берега. Никогда еще берега канала не казались такими близкими, и даже вода, казалось, неслась сегодня особенно стремительно. Река оглушительно ревела. Канат, соединявший караван барж с паровозом, на этот раз тоже выглядел необычно тонким. Только бы не лопнул! В Железных Воротах Дунай не знает пощады.

Один из лоцманов повернулся к отцу и велел ему отправить мальчика вниз в каюту. Ничего не объясняя, он только показал взглядом на левый берег. Отец все понял:

— Марек, иди к маме. А то ей одной страшно.

Из каюты мальчику почти ничего не было видно. Он метался от одного иллюминатора к другому, поднимался по трапу посмотреть, что делается за кормой. Для этого ему приходилось открывать дверь. Однажды он встретился глазами с одним из солдат, и у него разом все вылетело из головы. Марек снова исчез в каюте, а «ангел-паук» остался за дверью.

С парохода бросили на берег буксирный канат, и конец его шлепнулся по воде с такой силой, что поднялись фонтаны брызг. Когда баржа Краликов поравнялась с паровозом, там уже почти выбрали весь канат из воды. Кралики помахали машинисту, но тот не ответил. А может, просто не заметил их или стекло помешало. Интересно, заводил ли отец свой обычный разговор с лоцманами о том, чей это паровоз? Глядя, как он удаляется, и мысленно возвращаясь в родной дом, Марек с матерью на какое-то время даже забыли о грозящей им опасности.

За Оршовой плавание протекало как обычно. Они уже миновали часовенку на вершине Алиона, как вдруг за Казане, там, где Дунай начинает сужаться, с берега прозвучали выстрелы.

Марек успел заметить, что на буксире начался переполох, но тут мать чуть не насильно потащила его в трюм. Мальчик почувствовал, что у нее трясутся руки, и даже в полумраке трюмной каюты было заметно, как она побледнела. Бедняжка, она до последней минуты надеялась, что их не обстреляют, верила в это, и вот — все оказалось напрасным.

— Стреляют ведь! — шепнула она. — Ты слышал?

— Слышал, — кивнул Марек. — А как же отец?

Мальчик сразу же подумал: «Интересно, а что делается в рулевой рубке?»

В каюте стало совсем темно. Значит, с обеих сторон их обступили скалы ущелья Казане: с одной — Алмасулу, с другой — Мироч.

Мать с сыном откинули скамью и сидели, тесно прижавшись друг к другу, объятые страхом, как беспомощные зверьки перед хищником. Скамья сейчас казалась им самым безопасным местом: она была гораздо ниже уровня реки — вода и обшитый железом борт баржи оберегали их от пуль.

— А как же отец? — Мысли Марека все время возвращались к рулевой рубке, обшитой только досками и застекленной со всех четырех сторон. — Пуля ведь может пробить стекло, правда? Почему отец не спустится к нам?

— Может, они больше не будут стрелять, — прошептала мать. — Может, они просто хотели поугадать. А если начнут стрелять, то только в немцев. За что им в нас-то стрелять? Мы им ничего плохого не сделали. Я принесу тебе, сынок, хлеба с маслом и чаю. Ты, наверное, уже проголодался.

— Нет! — еще крепче прижался к ней Марек.

Горло у него сжималось от страха, он сейчас все равно не смог бы проглотить ни крошки, и мать это отлично знала.

— Тихо как, слышишь? — попыталась она ободрить скорее себя, чем мальчика. — Я же говорила, что больше стрелять не будут. Они баржи узнают по Флагу. И название тоже могут прочитать. Они ведь знают, что СДП - это Словацкое дунайское пароходство. Я все-таки поставлю чайник и принесу хлеба с маслом. И лоцманам тоже чаю отнесу, может, попьют. Чай-то они с собой не носят. Вот в прошлый раз попили и спасибо сказали.

Мать говорила не умолкая, словно пытаюсь заглушить одолевавшие ее мысли. Но это не только не помогло, а совсем наоборот. От страха ее вдруг словно парализовало, и она с места не могла сдвинуться.

За иллюминатором стремительно неслась вода. Вот бы так же быстро остались позади скалы со всеми их трещинами, пещерами и древней, построенной римскими рабами дорогой, которая через столетия вдруг вновь ожила. Но вода проносилась мимо, а скалы, наоборот, казалось, замерли на месте, равнодушные и бесстрастные.

Тут снова грянул выстрел, а следом за ним еще несколько.

— Мама, ты слышала? — прошептал Марек.

— Это далеко, — успокоила его мать.

— Нет, близко.

— В Казане все кажется близким. Скалы задерживают звук, ему уйти некуда.

В этот момент прямо у них над головой началась настоящая перестрелка. По палубе зазвенели пустые патронные гильзы. Это «ангел-паук» отвечал на выстрелы сербских партизан. Шла такая пальба, что мать с сыном инстинктивно пригнулись еще ниже.

Гажо выскочил из рубки, подбежал к трапу и, свесившись вниз, крикнул:

— Не бойтесь, это не в нас стреляют! Это партизаны с немцами «разговорились». А тот дурак, что у нас под рубкой, все никак угомониться не может! Вы на всякий случай присядьте под иллюминаторами. А то еще какая-нибудь шальная пуля пробьет стекло.

— А почему отец не спускается? — спросил Марек. — Отправь его к нам.

— А зачем? Я ведь тоже сейчас иду обратно. Только хотел вам сказать, чтобы вы не боялись. Если бы этот, — Гажо ткнул пальцем в сторону «ангела-паука», — сербов не дразнил, все было бы в порядке. Черти принесли его на нашу голову! Ну, кажется, замолк. И с берега ничего не слышать. Не бойтесь!

Минуту и впрямь было тихо, а потом над головами затрещала автоматная очередь. И вслед за этим несколько пуль ударились о борт баржи, за которым прятались Марек и мама.

— Господи боже, спаси нас! — начала молиться мать. — Спаси нас, Дунай!

Марек в страхе обнял ее за шею.

— Нет, хватит, я ему сейчас скажу, чтобы он дурака не валял! — крикнул Гажо в каюту и умчался.

«Ангел-паук» укрылся за каютой. Он как раз вставлял в автомат новую обойму. Движения его были совершенно спокойными и хладнокровными, он знал, что каюта надежно защищает его от пуль с левого берега, а то, что речники не могут оставить штурвал и поэтому им грозит смертельная опасность, было ему совершенно безразлично. Видно, именно об этом и говорил Гажо солдату, пытаясь втолковать ему, какому риску он их всех подвергает. Может, при этом он как-нибудь и задел немца, трудно в такой ситуации понять. Гажо увидел только, как солдат, потеряв равновесие, полетел с палубы в воду.

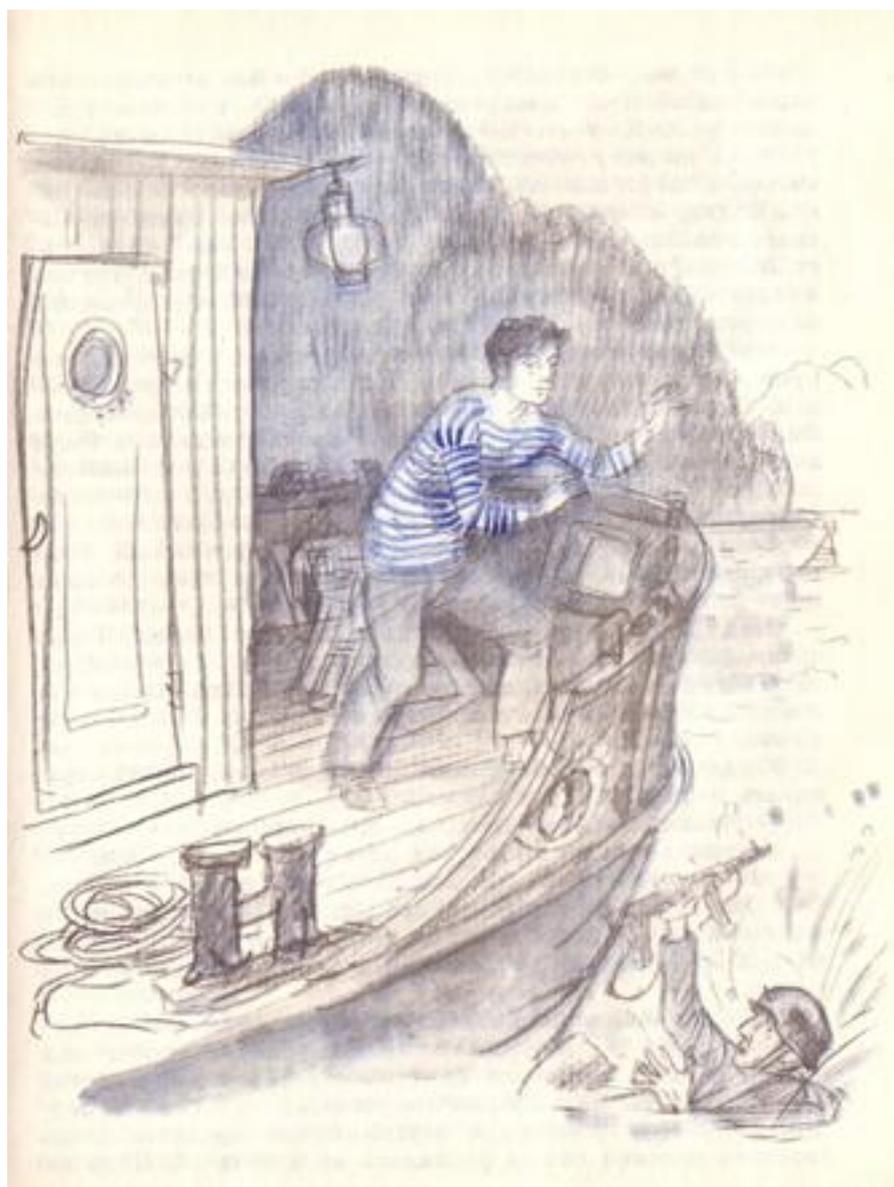
Матрос в смятении бросился на корму и увидел, как рука с «пауком» уцепилась за борт шлюпки. Не раздумывая, Гажо спустился в шлюпку по канату, которым она была привязана к барже. Первым его побуждением было двинуть веслом по мерзкому «пауку», чтобы разом с ним покончить. Но, оглянувшись на рулевую рубку, Гажо встретился взглядом с отцом и на мгновение, заколебался.

Отец увидел, как матрос вытащил перочинный нож, перерезал канат, и его вместе с «пауком» понесло вниз по течению.

Отец решил, что, испугавшись второго немца, Гажо предпочел бежать. И почти тут же перестрелка оборвалась. Где-то далеко еще прозвучало несколько выстрелов, а может, это было эхо, метавшееся от скалы к скале, точно стадо горных коз.

Когда берега расступились и стали ниже, мать поднялась и посмотрела в иллюминатор.

— Казане мы уже прошли, — сказала она.

Матери хотелось выбраться на палубу, но страх и недобрые предчувствия продолжали удерживать ее в каюте. Чтобы хоть как-то отвлечься, она принялась стирать пыль с мебели, но та никак не стиралась, потому что это была не пыль, а блики, отбрасываемые сверкающей речной рябью.

Мать поставила Марек на скамью, и они оба принялись смотреть в иллюминаторы. С правой стороны над речной гладью виднелись контуры стены красного цвета, напоминающей большущий петушинный гребень. Наверное, стена эта возникла в незапамятные времена, когда вершина красной скалы распалась на две части. Одна из них так и осталась на месте, а другая рухнула в Дунай, отчего возникла мель. Поэтому, когда речники говорили, что плывут через «Гребень», они говорили сухую правду. Места эти чем-то напоминали Железные Ворота. Течение тут было стремительным, из воды повсюду торчали скалы, что заставляло пароходы двигаться на определенной глубине по строго ограниченному бакенами коридору.

— Наверное, с «Вашкапу» нам уже канат бросили,— решил Марек, когда они остановились у бакенов, там, где начинался коридор.— Бросили или нет?

— Наверняка,— сказала мать.— Иначе зачем бы мы тут стояли?

Через иллюминаторы они не могли видеть, что делается впереди, поэтому только представляли себе пароход «Вашкапу» таким, каким запомнили его по предыдущим плаваниям. Мысленно они рисовали себе, как с «Вашкапу» подают канат на буксир, как на буксире его вылавливают из воды и закрепляют. «Вашкапу» здесь делал то же, что

локомотив в Железных Воротах. Он помогал перетаскивать караваны барж на том участке пути, где было труднее всего.

Наконец и баржа Краликов сдвинулась с места... Пошли... Через «Гребень», тот самый, что в стародавние времена рухнул в Дунай. На палубе «Вашкапу» крутится вал-грядиль, наматывая канат, которым этот пароход-«альпинист» для страховки привязан к скале, как раз над опасным коридором. Вот они уже проходят бакен за бакеном... Только подальше, как можно дальше от красных бакенов!..

Уже столько раз довелось Краликам наблюдать необычное восхождение каравана судов вверх по «Гребню». Но все же сейчас им было обидно, что из иллюминатора много не увидишь. Перед глазами мелькало только то, что было видно сбоку.

И «Вашкапу» они увидели мельком, когда были уж в самом конце коридора. Вал-грядиль с намотанным канатом распластался почти во всю ширину палубы. Красная скала осталась позади. «Вашкапу» теперь мог, как бы держась за свой канат, спуститься вниз и поджидать там следующий караван.

Через минуту в каюте появился отец.

— Гажо уже нет с нами,— коротко сообщил он.

— Как, убили?! — ужаснулась мать.

— Нет,— покачал головой отец и рассказал обо всем, что произошло в Казане.

13

Пороги вот-вот должны были кончиться, и чем быстрее приближался этот момент, тем больше волновался отец, что скажет «ангел-волк», когда узнает об исчезновении напарника. Лоцманам отец все убедительно объяснил. Солдат упал в воду, а матрос кинулся его спасать. Лоцманы переглянулись, но, конечно, сделали вид, что поверили. Им-то какое дело до немца, чего бы им и не поверить! Для лоцманов все, что произошло, было даже на руку, ведь солдат своей стрельбой ставил под угрозу и их жизни. Лоцманы плавают через пороги не ради собственного удовольствия. Это их хлеб, а дома каждого ждет семья. Кому же не хочется вернуться домой?! С лоцманами все ясно, а вот что сказать немцу, с ним дело потруднее будет.

Дважды ходил отец советоваться с матерью, ведь одна голова хорошо, а две лучше. И все же, когда в Молдаве настал момент отдавать якорь, у отца от страха ноги отказывались повиноваться.

«Ангел-волк» по-прежнему сидел под прикрытием борта, словно обстрел еще не кончился: нет-нет да поглядывал на отца налитыми кровью глазами. А тот все ломал голову, что ему сделать в первую очередь: отдать якорь и уж потом сообщить немцу об исчезновении его товарища или наоборот. В конце концов отец решил начать с якоря. Грохот цепи на какое-то время заглушил охвативший его страх. Он следил за цепью, которая все никак не натягивалась, якорь скользил по дну, ему не за что было зацепиться. Даже эти мгновения, отдалявшие разговор с немцем, давали отцу маленькую передышку. Но вот якорь зацепился за что-то, и цепь туго натянулась.

Прежде чем начать разговор с немцем, отец оглянулся на рулевую рубку. Оттуда как раз выходил один из лоцманов, в руках у него был рюкзак пропавшего солдата. На минуту задержавшись возле матери и Марека, лоцман направился к отцу. Отец подумал, что рюкзак очень даже кстати, надо бы его взять у лоцмана, глядишь, и с немцем будет легче объясниться.

Лоцман приближался бесшумно, благодаря резиновым подошвам, глушившим звук его шагов. Зато явственно слышался знакомый шум воды, словно река приветствовала отважные суда, благополучно закончившие плавание. А вот для отца опасность еще далеко не кончилась. Пороги-то прошли, а самое худшее только начиналось.

Оказавшись рядом с немцем, лоцман одними глазами спросил у отца, успел ли он что-нибудь сообщить тому. Отец отрицательно покачал головой. Лоцман положил рюкзак на палубу и, не колеблясь, приступил к выполнению нелегкой обязанности.

— Твой приятель свалился в воду, а матрос кинулся его спасать,— начал он на ломаном немецком языке и показал рукой в перчатке на рюкзак.— Вот его вещи.

— Гут. Хорошо,— кивнул «ангел-волк».

Немец явно осознал, что лоцман есть лоцман, а его авторитет во время перехода через пороги непререкаем даже для капитанов. И то, что скажет лоцман на порогах,— святой закон.

— Их ферштейе. Понимаю.

Лоцман вынул из кармана блокнотик, вырвал из него чистый листок и написал свой адрес: вдруг немецкая комендатура захочет проверить его сообщение. Он подал листок солдату, и тот спрятал его в карман вместе со своими документами. Закончив дело, лоцман снял перчатки, подал солдату руку, а затем откозырял, едва прикоснувшись кончиками пальцев к служебной фуражке, украшенной золотым якорем и толстым золотым шнуром. Таким же манером лоцман простился с отцом и, не дожидаясь от него выражений благодарности, просто махнул рукой и перешагнул на катер, который как раз подошел. Второй лоцман уже был на катере и тоже помахал всем на прощание.

Отец поспешил к матери, чтобы рассказать, как все благополучно обошлось, а «ангел-волк» принялся рыться в рюкзаке своего товарища.

Марек осмотрел угол кормовой рубки. Задняя и боковая стенки в самом низу были прострелены пулями. Там, где пуля вышла наружу, торчали тонкие щепки.

— Смотри, куда попало! — кричал Марек отцу.— Вон как пробуравило!

— Да, возьми они чуть-чуть повыше, наелись бы мы тогда свинцовых галушек! — пытался шутить отец.

Марек отломил от стенки несколько щепочек и бросил их в воду. Щепки закружились в водовороте, как раз на том месте, где когда-то была шлюпка. Но вместо шлюпки по воде теперь скользил лишь обрывок каната. Разлохмаченный, как лисий хвост, он стирал с речной глади след шлюпки.

14

Нового матроса звали Арношт Петраш. На баржу Краликов его назначили в Нови-Саде, там он перед этим несколько недель провалялся в больнице. Едва матрос узнал, при каких обстоятельствах Гажо исчез с баржи, он тут же взял его вещи и принес их рулевому.

Вещей у Гажо было всего ничего: поношенный пиджак, морская фуражка да старый обшарпанный чемоданчик, а в нем две рубашки, носки и куча радиодеталей. Самым ценным среди его имущества был, конечно, ящичек-радио с испорченными батареями. Когда все это добро высыпали на стол, отец только плечами пожал.

— Что я должен с этим делать?

— Да бросьте все в воду, пан рулевой,— посоветовал Арношт Петраш.— И дело с концом.

— А вдруг он придет за вещами? — заколебался отец.

Всерьез он, разумеется, так не думал, но новый матрос тут же поймал его на слове:

— Не придет он, пан рулевой. Дунай вспять не потечет! Для него сейчас важнее всего — скрыться! Он же наверняка боится, что его искать станут. А впрочем, делайте, как знаете. Я вам вещи отдал. Мое дело сторона.

Арношт Петраш был человеком осторожным и явно не хотел иметь неприятности. Свои сомнения он успел заронить в душу отцу. Тому никак не верилось, что вся эта история кончится добром. Ему все мерещилось, что на баржу вот-вот придут и начнут проводить следствие. Еще не хватает, чтобы его заподозрили в том, что он нарочно хранит

вещи Гажо и ждет его возвращения. Все, что хоть как-то напоминало о Гажо, стало казаться отцу опасным.

— Всю жизнь бабой был, бабой и останешься! — возмутилась мать.— Я все перестираю и уложу. Если кто и спросит, скажешь, что это твои вещи. Чего ты трясешься?

Марек мечтал о чемоданчике. Собственно говоря, это он его спас. Для отца чемоданчик был ничего не стоящим барахлом, и он собирался выбросить его в воду. Но Марек весь этот хлам считал настоящим сокровищем. Столько проволоки, всяких железок, винтиков, болтов, гаек и другой всякой всячины! Уж лучше все это взять с собой. И приемник тоже, хоть он и не работает.

В чемоданчике оставалось свободное место, и мальчик задумался, что бы туда положить.

— Чалку можно взять? — спросил он отца.

— Чалка-то тебе зачем?

— Просто так. На барже еще две останутся.

— Валяй, бери. Зачем нам тут три чалки?!

— А фонарь? Фонарей у нас тоже три.

— И фонарь бери, и запасной якорь,— шутил отец, видя, что Марек готов прихватить с собой на сушу половину баржи.— Смотри только, черепаху свою не забудь! Кто тут будет о ней заботиться?!

— Ну уж ее-то я не забуду!

«Ангел-волк» подарил Мареку два новеньких, еще не очиненных карандаша. После исчезновения второго солдата его словно подменили. Иногда он заходил к Краликам посидеть, а по ночам уже не топал у них над головой. Зато новый матрос был какой-то мрачный, неразговорчивый, что-то в его облике не внушало доверия. Словом, полная противоположность Гажо. В первую же ночь выяснилось, что с головой у него явно не в порядке. Ни с того ни с сего он вдруг выбежал на палубу, размахивая поленом и крича что-то невразумительное. Когда отец выскочил посмотреть, что творится на палубе, матрос уже неподвижно лежал возле лебедки, а «ангел-волк» стоял рядом с ним на коленях. Придя в себя, матрос пожаловался отцу, что по ночам его мучают кошмары. Сидит, мол, кто-то у него на груди и душит, душит до тех пор, пока он сознание не потеряет.

И так стало повторяться каждую ночь. Жить с припадочным на борту было невозможно. В Братиславе придется просить другого матроса. Вот почему при одной мысли, что родина уже близка, у всех становилось радостно на душе, хотя и отец, и мать, и Марек знали, что там им придется расстаться.

В последний день мать еще раз перебрала вещи сына. Проверила каждую рубашонку и все утешала его, хотя сама нуждалась в утешении больше других.

— Не горюй, сынок, мы будем к тебе приезжать,— обещала она.— И когда в верховья пойдем, и на обратном пути. Всякий раз будем к тебе заглядывать. Каждый месяц будем видеться. Только учись хорошо и слушайся бабушку. Зимой отец возьмет отпуск, и мы подольше поживем с тобой. А в школьные каникулы снова будешь с нами на барже. К тому времени, может, и война кончится, и все станет, как прежде. А однажды мы приедем и никогда больше не уедем. Дом построим, отец начнет работать на берегу. И снова будем все вместе. Вот хорошо-то будет!

Собирая мальчика в дорогу, она старалась успокоить его и мысленно возвращалась в прошлое, как бывает в подобных случаях. Особенно запомнилась ей история, которая произошла минувшей весной.

В низовьях Дуная пошли они как-то на шлюпке к берегу. А тут матрос с соседней баржи подстрелил дикую утку, взлетевшую с гнезда. Жаль было оставлять насиженные яички, и Кралики переложили их в отцовскую шапку, а потом привезли на баржу., Яйца уложили в ящичек и поместили поближе к плите, а сверху прикрыли подушкой, которая

должна была заменить утку-мать. Через несколько дней в каюте послышался писк. Заглянули в ящик, а там, высоко подняв головку, уже бегал утенок. Вот он я! Тут как тут!

Ух, как радовался Марек! Он то и дело приподнимал подушку, а перед его глазами совершались настоящие чудеса. Яичко раскалывалось, и на свете одним живым существом становилось больше. К вечеру ящичек был полон живых чудес!

— Марек, не задави их!

— Да я их только поглажу.

И до чего бойкие, живые, смышленные!

— Когда обсохнете,— обещал Марек,— отнесу вас на палубу и покажу вам берег, откуда мы вас принесли.

— Да не тискай их так! — поминутно напоминала мать.— Вот увидишь, они у тебя передохнут.

— Так ведь я легонечко,— отвечал мальчик и в ладонях приносил матери утенка.— Ты только потрогай, какой он мягонький!

Мать сварила для утят куриное яичко вкрутую и покрошила его над ящичком.

Часть крошек упала на дно, и утята тут же все склевали, а кое-что попало им на спины, и они клевали еду прямо друг с друга.

Марек смеялся:

— Чего доброго, поотклеивают друг дружке и лапки и клювы! Какие смешные, какие глупенькие! — Он радовался, а глядя на него, радовалась и мать.— Папа, сколько их? — кричал Марек отцу в рулевую рубку.— Угадай, сколько их?

— Не знаю.

— Ну, пусть тогда Гажо угадает!

— И ему не угадать.

— И я тоже не знаю,— смеялся Марек.— Их никак не сосчитать, они все время перепутываются. Смотрите-ка, а один калека! Хромой!

Мать вынесла на палубу табуретку и села вязать кофту. А Мареку не терпелось показать утятам берег. Он вытащил ящик на палубу и высыпал из него всю эту бойкую мелюзгу. Представьте себе, что фарфоровое блюдце вдруг выскальзывает из рук, разбивается на мелкие кусочки и они разлетаются в разные стороны. Так и эти малыши. С палубы они попрыгали прямо в воду. Марек только успел в ужасе крикнуть:

— Убежали! Туда...— показал он на утят, которые уже успели на воде сбиться в стайку.— Они же утонут!

— Дикие утки утонут? Вода — их дом родной. Они дети воды,— как могла, успокаивала его мать.

Потом они с Марекom перешли в рулевую рубку, чтобы лучше видеть утиную стайку, которая быстро направлялась к берегу. Еще минута, и стайка превратилась в маленькую темную точку. Тогда Марек повернулся к матери и сказал:

— Опять я один остался.

О том же подумалось и матери, и она расплакалась.

Отец принес скамейку, поставил на нее Марека и дал ему подержать штурвал. А мать стояла рядом, и сквозь слезы речные просторы казались ей еще более необъятными, а сами они вместе со своей баржей — совсем крохотной точкой на этой бескрайней глади.

— Ты что же, собирался сделать из утят матросов? - пытался успокоить мальчика отец.— Матросами могут быть только настоящие мужчины, как ты да я! Не плачь! Вот осенью они полетят на юг, мы им помашем. Ты видел, как летят дикие утки?

— Вот так! — замахал руками Марек.

И мать попыталась сделать то же самое. А глядя на них, и отец, закрепив штурвал, тоже замахал руками. Словно в этот миг всем им вдруг захотелось куда-то улететь. Как можно дальше! Подальше от баржи! Но тут же пришлось остановиться, потому что к трапу, ведущему в рулевую рубку, откуда-то приковылял хромой утенок. Он, видно, не сумел перепрыгнуть через борт вместе с другими утятами и своим печальным писком словно хотел сказать людям: «Зря вы так размахались! Улетают только сильные. Слабые остаются. Вот и я тоже остался. Посмотрите на меня!»

Именно эту историю вспомнила мать, собирая Марека в дорогу. Случилось ведь именно так, как «пророчествовал» маленький хромой утенок.

— А почему бы вам не уехать вместе со мной? — принялся вдруг рассуждать будущий школьник.— У бабушки места много. Она сказала, что мы все у них поместимся. Поехали вместе со мной!

— А есть мы что будем, Марек? — беспомощно спросила мать.

— То, что бабушка сготовит.— Мальчик разом решил все житейские проблемы.

— Ах ты рыбонька моя! — Мать погладила его по голове и расплакалась.

Вдали появился Братиславский град. Кралики с печалью и горечью смотрели на него из рубки.

— Вот мы и дома, сынок! — показала на град мать.— Вот она, наша «перевернутая табуретка». А нам дома даже и присесть некогда. Да ты и сам все знаешь. Опять нам скитаться по белу свету!

Часть III. МОСТЫ

1

На улице раздался пронзительный свист. Он перелетел через деревянные ворота, пронесся длинным двором и ворвался на кухню. Именно в кухню Лойзо и метил. Марек даже не допил молоко, схватил скорее ранец и тут же выскочил из дома. Но бабушка догнала внука во дворе. Она повесила ему ранец на плечи и давала последние наставления, а Мареку — как о стену горох. Это бабушка так считала. Можно сказать, горох без пользы рассыпался по земле, но все же бабушка выполнила свой долг, ведь теперь ей приходилось заменять мальчику мать.

В конце улицы Лойзо потащил Марек за угол. Он мигом открыл ранец Марек и вытащил сверток с завтраком. Обычно он проделывал это в школе, а теперь, видно, слишком проголодался. Лойзо разлепил куски намазанного маслом хлеба, взял себе тот, что потолще, а тонкий отдал другим ребятам, чтобы поделили его и не ябедничали.

— А ты себе рогалики купишь! — сказал Лойзо Мареку и кивнул на булочную через дорогу.

До уроков было еще минут сорок пять, но ребята спешили. За это время нужно было позвонить в чью-нибудь дверь и смыться, испугать осла у старухи Урбанковой и тоже смыться, набрать камней, чтобы на Почтовой улице насшибать орехов.

Орехи, которые попадали на улицу, собрали, а то, что осталось за забором, в хозяйском саду, решили оставить на потом. Но вот Лойзо оторвал от забора доску и в дырку затолкал Марек:

— Иди перебрось орехи сюда!

— А почему я? — испугался Марек.

— Тебе ничего не будет, если попадешься. Ты вон как одет!

Марек не двигался.

— Ну иди, иди, перекидывай! А то получишь!

Остаток времени ребята провели за пожаркой, так называли пожарное депо. Мальчики грызли орехи и спорили, кто громче свистнет на пальцах. Два раза выиграл Лойзо Крнач, один раз Дежо Хорват. Если бы кто-нибудь стал спорить, Лойзо и Дежо свистнули бы ему по-другому. Хуже всех свистел Марек Кралик. Он, собственно, совсем

не умел свистеть. Марек засовывал себе в рот то палец, то всю пятерню, но ничего не получалось, и ребята покатывались со смеху:

— Хорош матрос! Даже свистеть не умеешь.

— Слушай, во как!

— А вот так!

— Тихо! — умирил Лойзо свистунов и выставил ладонь.

Победителю — от каждого по ореху. У Марека ореха не было (так ему и надо, боялся сунуть в карман краденое), пришлось отдать только что купленный рогалик.

И как только Лойзо может быть таким наглецом? Захочет что-нибудь — и спокойно отнимет. Как он только может? И никто из ребят не удивляется. Будь они посильнее, тоже отнимали бы. Да и отнимают, стоит Лойзо уйти.

В классе Марек сидел рядом со Цтирадом Теплицким. Так решил учитель: видно, и Марека считал важной птицей и вовсе, видно, не думал при этом, что кукушку сажает к ястребу. Да что учитель! Марек и сам считал себя достойным уважения. Еще на Дунае все с ним считались, и Габа постоянно твердила, что он не пустое место. Мареку казалось вполне естественным, что за партой он сидит рядом с Теплицким, и радовался этому.

Одно только оставалось загадкой: почему ребята ведут себя со Цтирадом иначе, чем с ним? Никто не даст ему подножку, чтобы он растянулся на натертом полу. Никто у него завтрак не забирает — Цтирад развернет чистую салфеточку и ест спокойно. Уж не потому ли все так, что Цтирад способен с любым свести счеты? В прошлый раз он победил Дежо Хорвата. Взял и подрался. И как можно бить человека? На барже Марек ни с кем не дрался, он не понимал, как это — драться.

Всю горечь своего положения в классе Марек почувствовал в тот день, когда Дежо Хорват стал вожаком вместо Лойзо. Как только учитель поднялся на кафедру и начал писать что-то в классном журнале, Дежо свистнул.

— Кто свистел? — поднял учитель строгое лицо.

— Матрос, — тут же выпалил Дежо.

— Кралик, встань! — Учитель прожег Марека взглядом. — Это еще что такое?

— Это не я, — дрожащим голосом вымолвил Марек. — Это не...

— Как же не он! — зашумели вокруг ребята, которых Дежо, видно, подговорил.

— Он, он!

— Я и свистеть не умею, — бормотал Марек.

— Рассказывай! — Возмущенные лица поворачивались к нему.

— Врет!

— Как не стыдно!

Марек молчал. Ни слова не мог сказать. Ну и Дежо! Как же так можно? Марек смолчал и тогда, когда учитель велел ему встать в углу на колени и на вытянутые руки положить ему линейку. Марек смотрел в пол, от стыда и унижения кровь бросилась ему в лицо, он чувствовал, как горят щеки. Слышно было, как хихикают ребята, видно было, как усмеваются, — в такие минуты люди видят даже спиной.

Учителю хотелось, чтобы дети поняли его.

— Сейчас трудное время, — говорил он. — Вы все отлично знаете, что идет война. Наши солдаты воюют за то, чтобы мы могли жить и учиться на свободной земле. Они храбро воюют. Если мы хотим быть достойны наших солдат, мы должны быть честными и говорить правду. Тот, кто хочет идти вперед, должен говорить правду всегда. А мы хотим идти вперед. Правда?

— Хотим, хотим... — наперебой кричали ученики, и громче всех — Дежо Хорват.

В голове у Марека — сплошной туман. Он не понимал, что такое «вперед». Если пароход идет против течения, он идет вперед, а по течению — тоже вперед. Идти вперед по реке можно в двух направлениях. По твердой земле — иди, куда хочешь, все дороги ведут вперед, вопрос только в том, в какую сторону повернешь. Дежо идет вперед по пути обмана. Мареку казалось, что каждый идет вперед, а он на коленях торчит в углу и ничего

не понимает. Неправ был Гажо, когда говорил: «Ты все знаешь, Марек». Ничего он не знает, защитить себя не умеет, слабый совсем. Хорошо бы сбежать обратно на Дунай, но река уже научила мальчика чувствовать разницу между тем, что хотелось бы, и тем, что может быть; другому чему не научила, а этому научила. Кто бежит вслепую, тот слетит с палубы. Вслепую бежит только глупый и робкий зверь, а робкий человек втянет голову в плечи и ждет: что же будет?

Линейка на ослабевших руках казалась Мареку все тяжелей. Унижение словно прибавляло ей весу. Руки тряслись, и он подумал, что не выдержит, но все-таки выдержал. Если бы руки повисли, еще больше смеялись бы все вокруг. Какой, мол, ты матрос, если даже линейку не удержишь? Удержать-то удержит, только зачем это нужно?

Марек глядел на линейку сквозь слезы, и ему казалось, что плывет она по воде, как далекая баржа, его баржа, на которой все было совсем не так, как здесь. Он мысленно всматривался в далекую баржу и думал: нет на свете ничего тяжелее, чем незаслуженно стоять на коленях. И тут встал один из мальчиков, про которого всем было известно, что отец у него в тюрьме, и поэтому никто с ним не дружил. Этот плохо одетый ученик, Драгуш Бойнанский, встал и сказал:

— Господин учитель, пожалуйста, можно я теперь встану вместо Кралика?

Марек робко оглянулся. Учитель удивленно смотрел на Драгуша. Потом его взгляд встретился со взглядом Марека, и он сказал:

— Разрешаю тебе, Бойнанский. Иди и смени Кралика.

После звонка никто не вскочил, как обычно. Все смотрели, как Драгуш идет к парте, и молчали, словно стыдились и укоряли себя. На самом же деле ребята ждали, кто первый начнет веселье, все бы сразу его поддержали. Сел за парту и Драгуш, руку — под подбородок и равнодушно уставился в стену.

Первым заговорил Цтирад.

— Это была с вашей стороны подлость, ребята, — с укоризной посмотрел он на одноклассников. Потом взял из своего ранца апельсин, подошел к последней парте и подал его Драгушу: — Поздравляю тебя, Драгуш, с хорошим поступком. Я стыжусь, что мне это не пришло в голову.

У Марека запрыгало сердце. Он ждал, что Драгуш обрадуется и будет гордиться своим поступком. Но Драгуш только презрительно взглянул на Цтирада и грубо оттолкнул руку с апельсином:

— Иди отсюда, а то в глаз дам!

Цтирад нерешительно оглядел класс. Он поискал глазами поддержку, но, не найдя ее, проглотил оскорбление:

— Все равно ты молодец.

Он положил апельсин на парту перед Драгушем и вернулся на свое место. Драгуш по-прежнему ни на кого не смотрел. До апельсина он даже не дотронулся, и Лойзо Крнач сразу это заметил.

— Не хочешь? — спросил Лойзо и взял апельсин. Помедлил минуту, подождал, что скажет Драгуш, но тот молчал. — Осел! — презрительно буркнул Лойзо и съел апельсин вместе с кожурой — как яблоко.

Вернувшись домой, Марек заперся в сарае за домом и открыл чемоданчик со своими ценными вещичками. Он извлек из приемника катушку и стал раскручивать проволоку, чтобы посмотреть, что там скрывается внутри — вдруг удастся раскрыть тайну волшебного ящичка. Под проволокой была бумажка, под ней — снова проволока, и снова бумажка, и снова проволока... Проволока раскручивалась, запутывалась, связывалась узелками, но Марек не обращал на это внимания, он раскручивал ее, чтобы узнать, что будет в самом конце. Мысль о Драгуше уже не вызывала в нем благодарности, словно Драгуш был несправедлив к нему, а не к Цтираду. Марек поставил себя на место Цтирада и не мог понять, почему Драгуш так ненавидит его. Все ребята казались Мареку непонятными, а он был им всем чужой.

В четверг занятий не было, поэтому Марек в школу не пошел, а понес дедушке обед. Он никак не мог дождаться, когда бабушка вручит ему соломенную сумку, от которой так приятно пахнет едой. Слишком рано идти было нельзя, чтобы обед не остыл, и болтаться нигде тоже было нельзя, потому что при звуке сирены нужно уже стоять перед воротами сахарозавода. Там к этому времени много ребят, среди них одноклассники Марека — Стано Такач и Лойзо. Ребята даже не разговаривали между собой, чтобы как-нибудь не забыть, не перевернуть сумку и не пролить суп. Сумка с отцовским обедом была почти священна, даже Лойзо Крнач с такой сумкой был настолько смиренным, что мог служить примером образцового поведения для всех.

Дорога, ведущая от ворот внутрь завода, была в тени, огромной аркой смыкались над ней старые каштаны. Дедушка вышел навстречу Мареку.

— Не тяжело тебе? — Дедушка взял сумку.

— Нет, нет, — торопился Марек с ответом.

Все рабочие направлялись в столовую, а дедушка с Мареком свернули к складу, где работал дедушка. Но на склад они не пошли. Из дверей веяло таким холодом, что они решили присесть на солнышке у стены. Дедушка постелил на траве салфетку, которой был прикрыт обед. Обычно дед много не говорил, вместо этого он улыбался, но и улыбку его скрывали усы, по которым прошла седина. Ел дед всегда только ложкой, а вилку и нож заворачивал снова в салфетку и при этом всегда говорил:

— А это зачем прислала?

Марек пожал плечами. Зачем? Дедушка ел с коленей, одной рукой держал кастрюльку, а другой ел. Зачем же ему нож и вилка? Бабушка это, конечно, знала, но все равно делала по-своему. Дедушка съел несколько ложек супа и снова улыбнулся, словно его согрел этот горячий суп. Он покосился на внука и, осмотревшись по сторонам, вытащил из кармана бумажный пакетик с сахарной пудрой. Во время работы дед отсыпал немного из мешка: внуку сладенького лизнуть. Старик поглядывал на напудренный нос мальчугана и был доволен. Дедушка доел свой обед и вытер внуку пудру с носа, чтобы охрана у ворот ни в чем не заподозрила мальчика. Потом дедушка проводил внука к дороге под аркой из каштанов, ничего не сказав, положил ему на голову руку, и они разошлись.

Дорога домой для ребят была длиннее, чем дорога с обедом в руках. Всем вместе шагаются медленнее, чем в одиночку. Мальчишки часто останавливались и придумывали, что будут делать после обеда. Планы были разные, но кончались всегда одним и тем же. Поскольку как раз в это время варили сахар и по улице тянулись телеги с сахарной свеклой, мальчишки притащили из дома палки, в которые заранее вбили гвозди, и, сидя в канаве, поджидали очередную телегу.

— Дяденька, дайте одну попробовать! — кричали они возчику.

— Попробуешь у меня... кнута!

Попадались дядьки, что бросали мальчишкам свеклу, иные только грозились. Но ребята все равно со всех ног бежали за телегой и стаскивали свеклу гвоздями. Бывало, и кнут над ухом свистел, но скоро мальчишки забывали про кнут и следующую телегу встречали так же:

— Дяденька, дайте одну попробовать!

— Держи карман шире!

Марек хотел быть как все, он тоже норовил стащить свеклу побольше, покрупнее и, когда нес ее прятать в канаву, чувствовал себя наравне со всеми. Но когда ребята под вечер начали делить свеклу, в кучку Марека бросали только никому не нужный горький цикорий, который сам нападал с телег.

Марек так и оставил его в канаве, а домой пошел с пустыми руками.

Дома он стал наблюдать за черепахой: она хотела переползти через ограду, чтобы прогуляться по саду. Несколько раз она срывалась и падала, но все же снова вставала на лапы и ползла. Марек перенес черепаху на дорожку и смотрел, какая она неуклюжая. В воде она более ловкая. Тут мысли его унеслись на Дунай, где румынские рыбаки бросили ему на палубу черепаху. Он вспомнил, как Гажо наступил на панцирь, и испугался, словно все повторилось снова.

Кто знает, почему Гажо ушел с баржи? Говорил, мол, сома поймал, наказывал Мареку письма писать, а сам ушел. Где он теперь? Черепаха пробуждала воспоминания, она как бы соединяла нити, которыми он был связан с прошлым, и от этого Мареку стало хорошо на душе.

Он взял черепаху, вынес ее на улицу, положил в ямку, и тут же собрались любопытные.

— Что это? Жаба?

— Сам жаба! Черепаху не видел?

— Откуда она у тебя?

— Дали.

— Да кто тебе ее даст?

— Румыны в Румынии. Там этих черепах сколько хочешь.

Марек перенес черепаху на бетонный тротуар и встал на нее, как когда-то встал Гажо.

— Она и танк выдержит. Во какой панцирь!

— Дай-ка я! — Дежо стащил Марек с черепахи.

Марек замер. Дежо был тяжелее всех, но черепаха не подвела.

— Ну и сила!

— Я же говорил...

— Чем кормишь?

— Дай подержать! Тяжелая? Где булавка? Надо выколоть ей глаза.

Марек схватил черепаху и убежал домой. Как только в голову взбрет такое?!

— Матрос, а над жабой трясется!

— Подавись своей черепахой!

— Съешь ее!

— Матросы лягушек едят!

Но мальчикам вовсе не было все так безразлично, как они хотели показать. Многим тоже захотелось иметь черепаху, и плохо, что Марек об этом не догадался. Ребята залезли к соседям и через дырку в заборе подсматривали, куда ее Марек прячет. Он заметил мальчишек, но не подумал о том, что они могут украсть черепаху. Сам он никогда не полез бы через чужой забор, чужого ему не нужно.

3

На другой день Марек пошел в гости к Теплицким. Раньше, проходя мимо их дома, он и не предполагал, что там скрывается за большими окнами, в которые с улицы ни за что не заглянешь, такие они высокие. Теперь его все смущало. Марек не знал, куда глядеть: на стены, увешанные картинами и рогами, на цветы или под ноги, чтобы не споткнуться о край ковра, которым был покрыт украшенный орнаментом пол. Он никогда еще не был в такой большой и нарядной квартире. Цтирад вел себя здесь так, как Марек ведет себя в бабушкином сарае. Он бросил ранец на ковер и повел гостя в свою комнату. Там он встал на бархатное кресло, снял с полки альбом с марками, и мальчишки начали рассматривать его. Собственно, из-за этого альбома Марек и пришел к Теплицким. На днях он дал Цтираду марки с писем от родителей, а Цтирад пообещал, что покажет свою коллекцию.

— Вот эта серия, — объяснил Цтирад, — стоит сто крон. Это иностранные марки. Дядя из Франции прислал. А некоторые отец купил в Братиславе. Вот этих у меня по две, могу тебе дать, если хочешь. Но сначала я тебя познакомлю с мамой.

Он дернул за шнурок, который висел у дверей. Зазвенел звонок. Вошла служанка, и Цтирад попросил ее позвать мать. Служанка, улыбаясь, вышла, и через минуту в комнату вошла симпатичная, красиво одетая женщина.

— Это мой одноклассник Марек Кралик, — сказал Цтирад и перевел взгляд на гостя.

— Мне очень приятно, что ты к нам пришел, Марек, — приветливо сказала госпожа Теплицкая. — Цтирад нам рассказывал о тебе. Ты много раз бывал за границей? У Цтирада, к сожалению, не было такой возможности. Но мы поедem к морю, как только кончится война. Отец уже обещал Цтираду. Скажи, Марек, а тебе не страшно было на барже?

— Нет, — ответил Марек.

Чудно! Чего же можно бояться на барже? Он стал рассказывать госпоже Теплицкой о Братиславе, о Будапеште. Больше всего ей понравилось, когда Марек говорил о будапештских мостах. Как он помнит все эти мосты и их названия, удивлялась она.

— Сколько раз была в Будапеште, но мостов совсем не помню. Знаю только, что по каждому можно перейти с одного берега на другой и что под ними вода.

— Наша баржа шла под мостами, — сказал Марек.

— Видно, поэтому ты их лучше помнишь, — засмеялась госпожа Теплицкая. — А остров Маргит ты видел?

— Конечно, — сказал Марек и представил себе остров Маргит. — Сколько раз мимо него проплывали! Там всегда музыка, а по берегу ходят павлины.

Госпожа Теплицкая так восхищалась Марекom, что он почувствовал некоторое превосходство над Цтирадом, по лицу которого было видно, что он завидует юному речнику.

— Остров Маргит очень красивый, — восторженно сказал Марек, — но еще красивее Ада Кале. Там живут турки, а если турок хочет жениться, он должен жену купить. Там даже есть мечеть.

— На Ада Кале? — удивилась госпожа Теплицкая. — А что это?

— Ада Кале — это остров у порогов. Посредине Дуная. На порогах мы зимовали. Там плавало столько трупов, что даже воды не было видно.

— Что там плавало? — продолжала удивляться госпожа Теплицкая.

— Трупы, — повторил Марек. — Плыли, как бревна.

— Не трупы нужно говорить, а покойники, — вмешался Цтирад. — Мой дедушка тоже умер. Он лежал в гробу в черном костюме. И свечки горели. Труп — гадкое слово.

Марек оторопел. После этих слов он сразу же потерял нить разговора. Разбухшие мешки, которые он видел, были именно трупы, а не покойники. За словом «покойник» стояла естественная смерть, похороны с венками, недавно он с бабушкой ходил на такие похороны на кладбище. Трупы на порогах — не покойники, потому что эти люди не умерли своей смертью, ведь их расстреляли и бросили в прорубь. Но Цтирад не мог понять Марекa, потому что никогда в жизни такого не видел.

Госпожа Теплицкая заметила, что Марек растерялся, и перевела разговор на другое.

— Теперь ты похвались! — обратилась она к сыну. — Сыграй Мареку на рояле!

Цтирад сел к роялю. Вся комната вдруг наполнилась музыкой, ее неуловимой красотой: точно волны на воде заиграли, точно птицы взвились в голубое небо, точно пламя вспыхнуло над костром. Музыка вернула всем хорошее настроение, которое исчезло от страшного слова. И снова Марек восхищался Цтирадом. Теперь он решил, что был неправ, когда плохо подумал о товарище.

Марек воспринимал музыку как нечто неотделимое от комнаты Цтирада, она была частью всей той красоты и добра, которые царили здесь. Он стыдился своей недавней резкости, сам перед собой стыдился. Цтирад был прав. В этой комнате могут звучать только хорошие слова, а слово «трупы» принадлежит каютам на баржах. Марек вдруг почувствовал облегчение. Эта минута была наградой за все унижения, которые заставили его пережить дети с улицы.

Он восхищенно смотрел, как служанка вносит в комнату поднос с пирожными, как расставляет на столе цветастые блюдечки с блестящими ложечками. И перед Марекон она поставила блюдечко с ложечкой. Госпожа Теплицкая стала угощать гостя, но сам он так и не осмелился взять что-либо с подноса, и тогда мать Цтирада сама положила ему на блюдечко два пирожных, а потом, словно между прочим, спросила:

— Марек, понравилось тебе, как играет Цтирад?

— Да, понравилось, — сказал Марек, и по восхищенному выражению его лица было ясно, что он говорит искренне.

Госпожа Теплицкая мило улыбнулась гостю.

— Пока ты ездил по свету, Цтирад научился играть на рояле, чтобы хоть в чем-нибудь сравняться с тобой. Ешь, пожалуйста!

Марек шел домой как в тумане. Музыка, которую он слышал у Цтирада, словно разносилась вокруг него по улице, а воспоминание о пирожном вызывало приятные мысли.

Он думал о том, что больше не пойдет с детьми на канаву и таскать свеклу с телег тоже больше не будет. Он будет держаться один, как Цтирад, и все станет делать, как он. Марек чувствовал, что он совсем не такой, как другие дети, и Габа права, что не разрешает гулять с ними.

Недавно Габа принесла из лесу охапку дров. Она бросила дрова во дворе и сразу же отправилась на канаву за Марекон. «Не играй с этими оборванцами, — сказала Габа, да так, чтобы слышали все. — У них дома хлеб на потолке нарисован, а за лестницу они глотку перегрызут». Мареку стало смешно, когда он об этом вспомнил. Наверное, Габа права. У Цтирада есть своя комната, у Марека, правда, из своего — всего лишь чемоданчик, но и то — какая пропасть между ними и другими детьми!

Удивительно, что и ребята с канавы вдруг стали относиться к Мареку иначе. Они поглядывали на него испытующе, и Марек решил, что, побывав в гостях у Теплицких, он вырос в их глазах. Теперь Марек Кралик для них — Цтирад номер два.

Это чувство не покидало Марека, когда он открывал калитку и шел двором. На душе у него было так легко, словно его несли крылья.

Марек весело поздоровался с бабушкой и отправился кормить черепаху, впрочем, не столько кормить, сколько рассказать ей, как ему хорошо, но черепахи на месте не было.

— Черепашка! — позвал Марек, надеясь, что она услышит и приползет. — Черепашка Пашка, где ты?

Он искал ее в капусте, в моркови, в петрушке, все огромные листья хрена перевернул, но черепахи нигде не было.

В землю, что ли, она зарылась? Наверно, пора было упрятать ее в песок на зимнюю спячку, как на барже в прошлом году. Вот найдет, сразу искупает — и спать. Только где же она?

— Черепашка Пашка, где ты?

Марек нашел черепаху в углу сада, куда ветер уже набросал первые желтые листья. Верхний панцирь ее был рассечен топором. Она была вся в крови, но еще жива. Мальчик встал перед ней на колени, а черепаха тянула к нему окровавленную головку, словно хотела пожаловаться на что-то.

Мигон вспомнилось Мареку, как он ухаживал за черепахой. Он никак не мог понять, зачем дети сделали это. И панцирь не сберег несчастную, а какой крепкий — мог

бы танк выдержать. Ребята ведь не только животное изуродовали, они и ему сделали больно: что ни вспомни теперь, даже хорошее,— кажется, отовсюду течет кровь черепахи.

Больше Марек не мог на нее смотреть. Он быстро выкопал ямку, столкнул в нее черепаху, забросал землей и притоптал холмик. Пусть скорее умрет, пусть не мучается. Он бы и свечку над ней зажег, но постеснялся. Вдруг ребята подсматривают! Мальчик только набросал на могилку сухой листвы.

4

— Сегодня заниматься не будем, — сказал на перемене Дежо Хорват, и все с ним согласились.

Дежо вылил в печку целый таз воды, и в класс повалили густой дым и пар, так что друг друга не разглядишь. Все кашляли, задыхались, но окна открыли лишь тогда, когда вошел учитель и приказал это сделать.

— Кто это придумал? — строгим голосом начал он расследование. — Я вас спрашиваю, кто?

Ребята пожимали плечами, оглядывались, пытаясь разглядеть друг друга в этом дыму, словно искали виноватого, но выдать Дежо никто не осмелился. Марек попробовал шевельнуть рукой, но выше парты ее не поднял. А скажи он правду, за многое был бы отомщен.

— Я вас в последний раз спрашиваю, — сказал учитель, помолчав. — Кто налил воду в печку? Никто? Хорошо! Раз вы скрываете виноватого, значит, виноваты все. После уроков всем остаться в классе!

Ребята онемели, и совсем не от холода, которым несло из окон. На улице шел чудесный снег, все побелело вокруг. На санках бы да с горы!.. А тут сиди в школе! Каждый бы с удовольствием назвал виновника.

Марек поглядел на Цтирада, хотел с ним посоветоваться, но вдруг Цтирад удало засмеялся и поднял руку.

— Господин учитель, это сделал я. Жарко было, и я хотел, чтобы огонь был поменьше.

— Ты разве не знал, что будет дымить? — закричал учитель. — Дурень!

Он не мог сразу подавить гнев, хоть виноват был его любимчик.

— Извините, пожалуйста! Я не знал, — сказал Цтирад. — Я в этом не разбираюсь. У нас дома служанка топит. Оставьте, пожалуйста, после уроков только меня. Остальные не виноваты.

Непостижимо! Весь класс спас! В тот же миг Цтирад стал куда большим героем, чем Дежо!

Учитель помолчал, чтобы успокоиться, а потом сказал, что за честное признание он прощает Цтираду его проступок.

— Слово «Цтирад», — объяснял учитель, — это составное старославянское слово. Означало оно: любит честь. Цтирад достоин своего имени. Он смелый. Нашей родине нужны смелые люди. Он допустил ошибку, но признаться не побоялся. Не побоялся даже наказания. Все берите с него пример. Что это такое, Клчо?

— Быть таким, как он, — сказал вызванный ученик.

— Правильно, — похвалил учитель. — Будьте честными, как Цтирад! Закройте окна!

Вот так Цтирад расположил всех к себе. Марек все больше им восхищался. Ведь он-то хотел наябедничать, и стыдно ему стало так, словно он и в самом деле наябедничал. А Цтирад показал пример. Марек бы ни за что не догадался так поступить. И ведь как просто! Нет, Марек бы, конечно, наябедничал, да и все остальные тоже. Не боялись бы Дежо — все бы ябедничали.

Марек завидовал догадливости и остроумию Цтирада, завидовал его имени, которому, по словам учителя, верен Цтирад. А что значит имя Марек? Ничего, ничего он в нем не находит. А фамилия? Кралик! Кралик? Маленький домашний зайчик, кукольный король, нечто маленькое, нежное, как цветок? Он искал в своем имени смысл, но не находил его и не знал, что думать о своем имени и себе самом.

Учитель назвал тех, кто с сегодняшнего дня будет присматривать за печкой. Это были второгодники Дежо Хорват и Штёво Слиз. Цтираду не разрешалось даже* подходить к печке.

За окнами валил снег. Чем ближе был конец урока, тем белее и крупнее казались снежинки. Ребята едва дождались звонка и, когда он наконец зазвенел, наперегонки ринулись из класса.

У школьных ворот стояли красивые голубые сани. На сиденьях, покрытых мехом, хватило бы места для шестерых. В сани был запряжен вороной конь. Марек даже оторопел, он ещё не видел таких роскошных саней. Вот с них сошла служанка, которая у Теплицких подавала пирожные. Она встретила Цтирада, взяла его ранец, а когда они сели в сани, укрыла плечи и спину мальчика клетчатым пледом. Звякнул колокольчик на вороном коне, и сани тронулись.

Марек смотрел на сани до тех пор, пока они не скрылись за поворотом. Он уже хотел догонять ребят, но тут увидел маленькие санки, в которые был запряжен огромный пес — их Бундо.

— Бундо, откуда ты взялся? — Марек поднял глаза и кого же увидел? Рудо! — Рудо! — Марек подбежал к санкам и бросился дяде на шею. — Ты вернулся из Германии? Когда ты приехал?

— Что? — спросил Рудо.

— Ты уже дома?

— Громче кричи! Я глухой как пень. Сюда, в ухо давай! — подставил ему ухо

Рудо. — Сюда! Ого-го!

— Когда ты приехал? — орал Марек.

— Только что. Садись!

— И ты!

— Что?

— И ты садись!

— Двух не свезет. Давай, Бундо! Держись, Марек!

Где яма, где канава, Бундо не разбирал. Длинная шерсть на глазах мешала ему смотреть, снег валил и тоже мешал смотреть, и Марек то и дело скатывался в снег, но тем радостней было и веселей.

— Ты знаешь, кто ездит в собачьих упряжках? — кричал Рудо.

— Кто?

— Эскимосы.

— Где ты их видел?

— В кино.

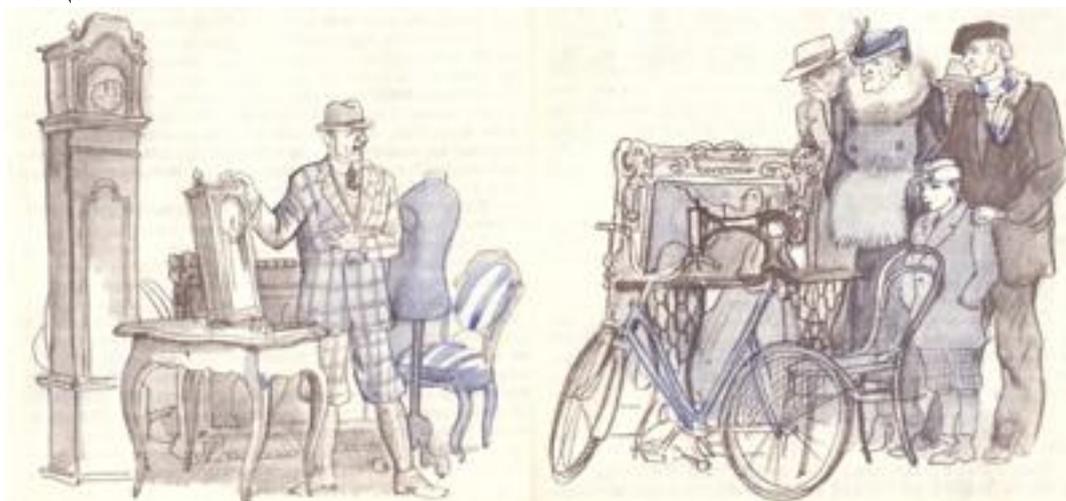
На другой день на шею псу повесили колокольчик. Рудо заметил, что конь Теплицких был с колокольчиком, и снабдил таким же своего «эскимосского» пса. Раз коню можно названивать, пусть и Бундо себе звонит. Ребята бежали за санками, но теперь никто не осмелился тронуть Марека, дразниться не смел никто. Рудо был надежной защитой.

5

Утром в четверг Рудо и Марек пошли кататься на санках с плотины на Ваге. Потом они вместе отнесли дедушке обед, и Рудо ловко провел охрану. На сахарозавод он пришел с бидончиком черного кофе. На складе дядя отлил примерно две трети и вместо

кофе насыпал сахару, — получился опять полный бидон. Охранник ничего не заподозрил, и дома целых три дня был сахар.

Перед ужином Рудо с Мареком сходили на аукцион. Смотрели, как люди раскупают всякую всячину, как стараются друг друга перекричать и назначают более высокие цены.

— Часы с боем, в резном корпусе, — провозглашал аукционист и показывал часы, которые помощники положили перед ним на стол. — Начальная цена — сто крон.

— Сто пять! — крикнули из толпы.

— Сто пять крон — раз, — зафиксировал аукционист. — Кто больше?

— Сто десять, — прибавил кто-то.

— Сто пятнадцать! — перекричали его.

— Сто пятнадцать крон — раз. Кто больше?

— Сколько? — спросил Рудо и подставил Мареку ухо.

— Сто пятнадцать, — громко сказал Марек.

— Сто тридцать! — выкрикнул Рудо.

— Сто тридцать крон — раз. Кто больше? Сто тридцать крон — два. Кто больше?

Аукционист уже искал глазами Рудо, но тут нашелся еще один покупатель:

— Сто пятьдесят крон!

— Сто пятьдесят крон, — повторил аукционист. — Сто пятьдесят крон — раз.

Кто больше? Сто пятьдесят крон — два. Кто больше? Никто? Сто пятьдесят крон — три. Продано!

Аукционист ударил молоточком в гонг и смотрел, как пробирается к нему через толпу рыжий чиновник с хутора.

— Ты хотел купить часы? — кричал Марек на ухо Рудо.

— Еще чего?! — засмеялся тот.

— А зачем же вы торговались? — спросил Лойзо, который вдруг оказался рядом.

— Все равно возвращать придется, когда вернутся хозяева.

— Где это ты слышал, что они вернутся? — спросил Рудо.

— Дома, — похвалился Лойзо. — Отец сказал.

— Не болтай никогда о том, что говорят дома! Отец тебе, что ли, надоел?

— Вам-то можно сказать!

— Никому нельзя, дурень!

Марек радовался, что есть люди и поумней Лойзо.

Рудо с Мареком подождали, когда распродадут одежду, кухонную посуду, картины, ковры. Нет-нет, да набавляли цену, чтобы не скучать, а может быть, для того, чтобы их выпроводили отсюда, и тогда они бы придумали себе новое развлечение.

— А что теперь, Рудо?

— Будем ловить щеглов. На чердаке есть клетка. Ей скучно стоять пустой.

Марек про клетку знал. Она всегда попадалась на глаза, когда лезешь на чердак за салом или окороком, который висит на стропиле. Он представил себе в клетке птичку. Вот было бы здорово!

— А как их ловят? — выпытывал он у Рудо.

— Как? — Рудо удивлялся, что Марек этого не знает. — Языком! Вы разве на барже не ловили щеглов?

— Не ловили, — признался Марек. — А как это — языком? Ну скажи!

— Как будет мороз покрепче, — начал Рудо, — приложим язык к ручке двери с улицы, и сразу же налетят щеглы. Тут их только хватай и суй в клетку. Но нужен хороший мороз, а то не прилетят, ха-ха-ха!

В школе самым авторитетным человеком для Марека был Цтирад, а дома и на улице он во всем подражал Рудо. Ему и в голову не пришло не поверить дяде.

К вечеру Рудо забыл про щеглов и куда-то ушел. Ударил такой мороз, что уши горели. А вдруг завтра уже не будет мороза? Хорошо бы поймать щегла! Рудо-так понятно все рассказал, что можно справиться и одному. Марек посмотрел на ручку. Блеск латуни его обнадежил. Он, правда, не знал, как щеглы догадываются, что надо слетаться на язык, однако Марек много чего не знал, но не ломать же себе из-за этого голову. Мальчик снял варежки, чтобы удобнее было схватить птицу, высунул язык так сильно, как только мог, чтобы побольше уместилось щеглов, сердце у него заколотилось, — и он приложил к ручке невиданный у птицеловов силок. Язык мгновенно прилип, и Марек почувствовал на нем не щегла, а острые ястребиные когти. Он поскорее оторвал от ручки язык, а «ястреб» успел сорвать с языка кожу.

— Ай, у-у-у-уй!

— Что случилось, Марек? — выскочила из кухни испуганная бабушка.

— Я щеглов ловил, — шепелявил птицелов. — Болит!

— Где ловил?

— На ручке.

— Какой дурак тебя научил?!

— Рудо.

— Я ему задам! Я его... — ругался дедушка, который тоже выбежал на крик.

Бабушка отвела Марека в кухню, налила в миску молока, и Марек мочил в нем язык, чтобы не очень болело. При этом он выглядел словно лакомка-кот.

— Откуда я знал, что он такой глупый? — оправдывался Рудо, когда вернулся. — Я просто болтал. Черное от белого отличить не может.

— Что не может отличить? — недослышала бабушка.

— Зло от добра.

— А ты отличишь? Чего ни коснешься, все испоганишь.

— Неправда! — защищался Рудо. — В другой раз будет умнее. Не обижайся, Марек! — повернулся он к несчастному птицелову. — Жизнь — это школа.

— Тебя бы эта жизнь хоть чему-нибудь научила! — хваталась за голову бабушка. — Как был дураком, так и остался. Господи, что за человек такой! Его одногодки все на войне, а он, дрянь такая, уродует малых детей!

Молоко в миске несколько раз меняли. Наливали холодное. Марек бы заступился за Рудо, он понимал, что сам виноват, но стоило дотронуться языком до нёба, как он снова чувствовал «ястребиные когти» и тут же опускал язык в миску.

Габа и Юдита сидели на кушетке и украдкой хихикали. Но стоило дедушке уйти в спальню, они стали смеяться как сумасшедшие.

Утром Рудо и Марек насобирали на дороге конских волос, сделали силок и стали ловить щеглов в саду. Попадались, правда, одни синицы, которых они сразу же отпускали, но язык у Марека болеть перестал. Только ребята стали смеяться над ним. Видно, Габа рассказала о случившемся подружке, а та растрезвонила всем.

Ранней весной неожиданно приехала мама. Она сказала Мареку, да он и сам увидел, что у него скоро будет сестренка. Мама приехала поездом из Дунасекчэ, из Венгрии. Ждать, пока тронется лед и можно будет приплыть по воде, она уже не могла.

Габа и Юдита переселились в переднюю комнату, а заднюю оставили Мареку с мамой. И месяца не прошло, как их стало трое, только вместо девочки родился мальчик, но и ему все были очень рады. Отцу послали веселую телеграмму: «Нашу «девочку» мы назвали Милко».

Еще веселее стало, когда в мае приехал отец. Он привез кучу свитерочков, штанишек, шапочек для нового члена семьи, и все было розовое, как для девочки. Откуда он знал, что венгерский телеграф букву «о» передал как «а» и получилась Милка. Он два месяца думал, что дочка у него, а не сын.

Отца, мать и Милку, как в шутку называли мальчика, Марек на следующий день провожал на поезд.

— Ты, Марек, не скучай! Через месяц мы за тобой приедем, — обещали родители. — Все лето будем вместе. Уж как-нибудь потерпи!

— Не обманете?

— Не обманем, обязательно приедем. И Милко чуть подрастет. Будете вместе играть. Мы хотим, чтобы оба вы были с нами.

Как только Марек вернулся с вокзала, он взял чемоданчик и стал собираться. Юнга должен быть всегда готовым в дорогу. Корабли не ждут.

С приближением каникул он все чаще открывал чемоданчик и укладывал вещи, как это делала мама, когда провожала его с Дуная.

Родители присылали письма. Теперь он их читал сам. Первое письмо пришло из Будапешта, второе из Брэилы, где они выгружались. Потом пришло заказное письмо из Джурджу. В нем говорилось, что родители уже плывут вверх по течению и ждут встречи с ним. По всему было видно, что в начале каникул баржа пройдет через Братиславу. Однако следующее письмо пришло из Линца. В нем отец с матерью писали, что в Братиславе не было остановки и что они захватят Марека на обратном пути.

Он ждал и ждал. Даже на Ваг с Габой не ходил, чтобы, не дай бог, не пропустить момент, когда приедут родители. Это может быть действительно один момент. Он сидел перед канавой у дома или залезал на ворота и оттуда смотрел на улицу: все виделось ему, как из-за угла выходят отец и мать и он бежит им навстречу.

— Хватит ждать, — говорили ему, — так и каникулы пройдут. Иди лучше играй с ребятами!

— Не пойду, — упрямо отвечал Марек. — А вдруг меня не найдут и вернуться на баржу без меня?

Каникулы кончались так же быстро, как хлеб в руках у голодного. Когда пришло письмо с печатью из Нови-Сада, Марек, не читая еще, понял, что отцовской барже опять не удалось бросить якорь у «перевернутой табуретки».

«Я проклинала ее, когда мы шли мимо, — писала мама в письме. — Лучше бы ты упала в Дунай, говорила я, исчезла с глаз долой, если нет от тебя никакой помощи. Лучше уж ни о чем не напоминай нам. Тяжело, Марек, без тебя, как тебе тяжело без нас. Дунай не хотел, чтобы ты здесь отдохнул. Плохой Дунай. И отметки ты нам не мог показать, золотце ты наше, первые свои годовые отметки. Плохой Дунай...»

Марек выложил в шкаф все вещи из чемоданчика, и каникулы кончились. От писем он больше ничего не ждал и радовался им только потому, что их писали нежные мамыны руки. Он уже не верил обещаниям, выполнение которых зависит от реки.

Зима застала баржу Краликов в Сербии. Стояли в устье Савы, в земунской зимней пристани, рядом с Белградом. До половины декабря Кралики надеялись, что к рождеству приедут домой поездом, но в последнюю минуту отца не пустили в отпуск, а мать побоялась ехать одна с ребенком. И вот вместо них домой пришла телеграмма.

— Хотели бы — приехали, — шутил над Марекком Рудо. — Это все отговорки. Пока Милки не было, то и дело приезжали, а теперь про тебя забыли. Оставайся-ка ты у нас.

— Хватит издеваться, — лупила его по спине Габа, чтобы расположить к себе Марека. — Заткнись, трепло!

— Что ты говоришь? — подставил Рудо ухо.

— Не притворяйся! — говорила Габа. — А то дам по голове — и правда оглохнешь!

— Это я нарочно, чтобы где в другом месте не забыть, что я глухой, — хохотал Рудо.

— Все равно дурак! Наплевать на него, Марек! Где они, твои родители? Давай-ка найдем их на карте. Где Земун? В Сербии? И Сербию давай найдем.

И искали. Долина, гора, снова долина, голубые черточки — это реки. На карте все близко, все рядом.

В сочельник вместе с корабельным фонарем каюту освещали свечки на рождественской елке. Но какая там елка! Только несколько еловых веток, вставленных в тополиную палку. Правда, на других баржах и этого не было.

Милко уснул после ужина. Отец с матерью сели к столу и слушали, как он громко сопит и как сопение малыша сливается с тиканьем наручных часов, которые они положили под елку — это рождественский подарок Мареку. На самом деле тиканья часов не было слышно — слишком они были маленькие, но если на часы смотреть долго, то кажется, слышно, как они тикают. Мать и отец ждали чуда, им казалось, что сейчас появится Марек и вся семья будет вместе, как и положено в радостный праздник. Вот появится Марек, и все будут счастливы. Будут петь рождественские песни. Если бы сын приехал хоть на миг, это был бы самый лучший подарок. Но волшебный рождественский вечер был не лучше других вечеров: мать с отцом здесь, а Марек совсем в другом месте, потому что речной бог может сделать лишь то, что по силам самим речникам. Вот он и слушал вместе с Краликами неслышимый звук часов и мучился от бессилия.

Кралики ждали, что, может быть, появится Гажо. Правда, Гажо говорил, что в сочельник он будет в наряде.

8

Вот уже второй месяц на баржу Краликов навевается Гажо. Когда он первый раз появился, Кралики не узнали его: на Гажо была форма немецкого унтер-офицера. Но стоило ему войти в каюту и снять шапку, как все закричали:

— Гажо, ты?!

— Я, хозяйюшка, я, дядя Янко, — здоровался Гажо за руку. — Смотрю-гляжу, чуть глаза на лед не выпрыгнули, читаю, читаю: «СДП 6714». Наша баржа! Ну, думаю, гляну, кто тут живет! А это все вы! — Он был весел и прост, как и раньше. — Вижу, не нравлюсь вам такой? — смахивал Гажо с погон невидимые пылинки.

— Ты служишь немцам?

— Немцам, дядя Янко. Иначе нельзя. Многие теперь им служат. И вы тоже на них работаете. Так с Дуная и не ушли?

— Не ушли, — сказала мать, — как та хромая уточка, которая не успела за остальными. Помнишь? Все время нас с ней сравниваю. Только вместо Марека у нас

Милко. Марек нам прислал уже два письма. У него все хорошо. Ну, ты лучше рассказывай! Как ты жив-то остался? Ни слуху ни духу... Как тебе удалось спастись?

Гажо повесил на гвоздь шинель и, прежде чем начал рассказывать, выпил стаканчик палинки, да и как же не выпить, когда такая встреча!

— Легко удалось, — начал он. — Дунай меня покрутил немного, ну а потом я пристал к берегу.

— А немец?

— С ним я хватил горя.

— Долго держался?

— Долго.

— А как на порогах?

— Удержался. Когда тонешь, за бритву удержишься, вы же знаете.

— А зачем ты веревку на шлюпке перерезал? Зачем ты вообще в шлюпку полез?

Вопросы сыпались один за другим.

— Как увидел, что немец за шлюпку успел схватиться, — рассказывал Гажо, — я испугался. Что будет, если вернется на палубу? Вдруг ему в голову придет, что я нарочно его сбросил? Пристрелит еще, бешеный. Или тот, его напарник... Он же мог увидеть, как все было, так? А лощманы чью сторону возьмут? За немцев они или за меня? Но я же не нарочно его скинул. Сам не знаю, как все получилось. Я хотел только автомат у него отнять, чтобы он не дразнил сербов. Я разве хотел ему зла? Вы же меня знаете. Как-то петуху нужно было голову рубить, и то я просил, хозяйюшка, чтобы вы это сделали. Помните?

— Было раз, помню, — кивнула головой мать.

— Ну что с немцем делать? Меня аж трясло, — про должал Гажо. — Вы, верно, помните, что на запястье у него был паук. Рана. Ну, думаю, врежу по пауку — и отстанет. Я и бросился в шлюпку. Думаю, возьму весло и тресну. Хвать я весло со дна... Но одно дело думать, а другое — делать. На самом-то деле — живой человек перед вами.

— Я решил, ты его ударишь. Ударишь и вернешься на баржу, — сказал отец.

— Да я же говорю, что второго немца боялся. Но главное, я представил себе, как пальцы ему отсеку. Я раз видел отрубленные пальцы. Где-то на нижнем Дунае было. Залезли воры на баржу и стали пилить замки в трюме. Вдруг рулевой идет. Они давай прыгать в баркасы, а он как трахнет веслом по краю, так все пальцы одному и оттяпал. Вспомнил я про эти пальцы, и выпало из рук весло.

— А немцы что делают? — вздохнула мать. — Вспомнил бы, что мы в Оршове видели! А тут тоже, сказывают! От Королевского дворца до моста кровь текла. Сава вся красная была. Страшное дело!

— Ну вот видите! А я по пальцам не мог ударить. Смотрю на него, как на того петуха: знаю, надо его кончать, только, думаю, пусть лучше кто другой, а не я.

«Хильфе, хильфе! На помощь!» — зубами стучит. Думаю: «Черт тебе помощник! Я тебя спасу, а ты меня за это шлепнешь», Тяжко мне было, в голове — неразбериха. Я и перерезал веревку, пойду, думаю, к сербам, пусть они его судят. В такую минуту вряд ли сделаешь что другое. Сделаешь только то, что сидит внутри.

«Хильфе, хильфе, хильфе...» — зудел немец в уши.

«Швейге! — кричу ему. — Замолчи! Лезь в шлюпку и молчи! Лезь, слышишь?»

Он влез. Как услышал, что я говорю по-немецки, у него словно сил прибавилось. Перевалялся в шлюпку и чуть ее не перевернул. Сидит на дне, как мокрая курица, и бормочет, бормочет: «Данке, камарат!» Мол, спасибо, друг! «Черт тебе, — думаю, — друг, а не я. Он тебе эту шлюпку послал». А ему говорю: «Только шевельнись! Сразу в воду слетишь, честное слово!»

У Текии я подгрел к берегу, ищу где пристать...

— Прямо в Текию надо было, — прервала его мать. — Там хороший народ. Раз меня со «славы» до полуночи не отпускали, а отец с Марекком думали, что я утонула. Там бы тебе нечего было бояться.

— Да в чьих руках она тогда была, Текия? — возразил Гажо. — Немцы там или сербы? Я же не знал, поэтому решил причалить, где нет никого. А скоро и сербы пришли. Конечно, вооруженные.

Потом Гажо рассказывал, как сербские партизаны упростили его надеть немецкую форму, чтобы сказать солдатом, который упал с баржи. Немцы долго проверяли, кто он такой, и наконец поверили, потом отправили в тыловую часть. Гажо поддерживал связь с партизанами, передавал им разные сведения, а это было куда значительнее его невольной службы врагу. В этом качестве он и пришел теперь к своим старым друзьям.

— После тебя у нас был матрос, которого мучили кошмары, — вспоминали в свою очередь Кралики. — Мы сначала думали, что он сумасшедший, а потом поняли, что прикидывается: на Дунае боялся остаться и фронта тоже боялся. Мы его больше месяца терпели. Сейчас у нас новый матрос — Филип Даниел. Молодой совсем, ты его не знаешь. Осенью женился, а весной и жену возьмет сюда. Веселее будет. И еще Крачмер тебе посылает привет. Он тоже не смог уйти с Дуная. Ушли только жена с девочкой. Мы с ним в Вуковаре встретились. Немцы как раз тогда гнали пленных сербов, много, тысяч пять.

Кралики все хотели рассказать старому знакомому.

— В Вуковаре? — спросил Гажо.

— Да, где у Бати фабрика, у нашего фабриканта.

— А то я не знаю, где Вуковар! У Бати там еще и аэродром. Пять тысяч, говорите?

— Не меньше пяти. И все — молоденькие ребята. Мы их близко видели. Их по берегу вели. В Германию гнали, на работы. Все немецкие порты полны сербов. А нас сербы разгружали и немцы, те, что отказались воевать. Бедные, с ног валились от голода. Даже траву им не позволяли есть, не давали сорвать. А если им кто-нибудь из речников даст еды, сразу арестовывали. Мы им миски оставляли в трюме. Крошили все только на всякий случай. Если бы придрались, мы бы сказали, что это собаке. Бедные, ели руками, а в глазах благодарность, как будто им не знаю что делаешь. Ну, а если кого-нибудь застанет у миски надсмотрщик, отгонит и изобьет. Но хуже всего немцы обращаются со своими, с теми, кто не хочет воевать, — продолжал отец. — На барже у Габовчика такие разгружали кукурузу, и один из них ухватил зернышко. Надсмотрщик увидел и тут же его застрелил. Габовчик сам видел. За одно зернышко убили человека! Да еще своего. Немец немца убил.

— А что он может поделать? И у него семья, — заступился Гажо за немецкого надсмотрщика. — Приказ есть приказ. Он не застрелит, его застрелят. Здесь тоже немцы со своими строже, чем с чужими. Ничего не простят!

— У нас две твои рубашки, — перевела разговор мать. Она сразу же и принесла выстиранные и аккуратно сложенные рубашки. — А чемоданчик у Марека.

— Черт с ним, с чемоданчиком, да и с тряпками тоже, — сказал Гажо. — Всего такого теперь достану вагон. В чемоданчике, правда, есть у меня кое-какие бумаги, но мне они сейчас не нужны. Вот мамину фотографию я бы взял.

— Не было там никаких бумаг, — удивилась мать. — И фотографии не было никакой.

— Плохо смотрели, хозяйка.

— Как же плохо? Я правду говорю. Верно, отец? Мы все высыпали на стол.

— В другом месте нужно было искать, — смеялся Гажо. — В чемодане двойное дно.

— Двойное дно?

— Вот вы и не нашли ничего. Когда-нибудь я за ним приду.

— Адрес запиши.

— Зачем он мне? Я вас на Дунае без адреса нашел, а дома и подавно отыщетесь. Мне и того довольно, что знаю, в каком вы городе.

Гажо приходил часто, почти каждый день, и Краликам казалось, что длинные зимние недели побежали быстрее. Гажо снова стал как бы членом команды, только в списках не значился.

9

Как-то Гажо принес известие, что лед на Дунае тронулся. Вернулся из Белграда рулевой соседнего судна и тоже об этом сказал. Раз лед пошел, значит, скоро в путь. Еще немного, и до свидания, зимний порт!

Кралики смотрели на Королевский мост, который соединял Земун с Белградом. Его отражение на поверхности Савы смазывало течение, и казалось, что мост сотрясается и дрожит. За мостом был виден Королевский дворец. И хоть ничем он не напоминал братиславскую «табуретку», Кралики все время думали только о ней. Снова представлялась она им такой, какой видели ее в последний раз, когда в прошлом году проплывали мимо. Братиславский замок поднимался из кипени желто-зеленых зарослей, а игла на башне храма святого Мартина пронзала высокое небо... и сердце. Низкое солнце всеми красками расцветивало Дунай, желтая сменялась оранжевой, а потом и красной, спины волн были темно-коричневые, а тень от опоры моста — черна, как дорога. Когда солнце выглянуло из-за опоры, блеск его ослепил Краликов. Таким и остался в их памяти братиславский Дунай, такой жила в их памяти Братислава. Теперь они увидят, как родной город вырастет навстречу из-за деревьев, по-зимнему голых... Но вдруг на деревьях будет уже свежая зелень? Трудно так долго ждать. Очень уж хочется поскорее подняться на свой берег и съездить хоть ненадолго домой. И Гажо сказал, что тоже с радостью бы отправился с ними.

Утром у входа в зимнюю пристань появился катер и стал разбивать лед. До полудня он освободил весь вход, а к вечеру был уже недалеко от того места, где стояла баржа 6714. И хоть суда еще сковывал лед, все же вид открытой воды обнадеживал речников. Скоро в путь! Даже фигуры немецких патрулей на берегах и на мосту не нагоняли уже тоску. Скоро в путь! И патрули перестанут действовать на нервы.

— Вы теперь немцам нужны, — кивнул Гажо на будку охраны, у которой в это время сменялись часовые. — За зиму они прикончили все запасы. Скоро вас выпустят на Дунай. Говорят, немцам скоро пришлют подкрепление. «Город Вена», говорят, придет.

— «Город Вена»? — удивился отец, когда Гажо назвал самый большой на Дунае пассажирский пароход.

— Одни офицеры приедут. Здесь будет какое-то торжество. Все немцы шепчутся: «Город Вена» придет, «Город Вена»... Завтра или послезавтра будет здесь.

— Постой, — вспомнил о чем-то отец. — На этом пароходе теперь Яно Копчан. Помнишь, из-за него тебя перевели к нам. Потом он попал на «Город Вена». В прошлом году мы его видели в Линце.

Отец думал, что сообщает Гажо новость, однако Гажо об этом знал.

— Он там первый рулевой, — сказал Гажо. — Далеко пошел.

— Ты его знаешь? — удивился отец.

Гажо таинственно улыбнулся.

— Только он теперь не Яно, а Ганс, — сообщил отец все, что знал о Копчане. — Да, его там Гансом называли. Ганс так Ганс. Долго мы не разговаривали. Не о чем было.

— Ты боишься встретиться с ним? — Мать пыталась разгадать мысли Гажо. — Он мог бы тебя узнать?

— Вряд ли, — сказал Гажо. — С такими, как я, Ганс Копчан не захочет встречаться. Говорю вам, он теперь большой господин.

— Но все же лучше тебе с ним не встречаться.

— Что я, крыса, чтоб мне таиться? — протестовал Гажо. — Ну и встретимся. Скажу: ты немец и я немец.

Гажо старался казаться веселым и беззаботным. Он часто поглядывал на высокую башню, там отрабатывали прыжки парашютисты, и притворялся, что они занимают его больше, чем Копчан. Тон, которым он произносил имя своего врага, был какой-то неопределенный. То матери казалось, что Гажо собирается свести с Копчаном старые счеты, то, что он боится встречи.

— У него нет никаких доказательств против меня, — говорил Гажо о Копчане. — И тогда на пароходе их не было, потому что я ни в чем не замешан. Только Тотта предостерег, что его в Братиславе хотят предать гестапо. Тотт собирал какую-то информацию о судах и командах, какие команды за немцев, а какие настроены против, и сообщал все это кому следует. Тотт был коммунистом, но об этом на пароходе знал только я, мы жили в одной каюте. В Будапеште я сказал Тотту, что на него уже донесли и что ему не следует возвращаться на судно. Он и не вернулся. Только попросил меня, чтобы я вынул из чемодана кое-какие бумаги. Ему не хотелось оставлять их, чтобы не мстили семье. А чемодан, был с двойным дном, вот и я такой же себе сделал. Немцы ни о чем не догадались, поэтому ничего против меня не имели, кроме того, пожалуй, что я не хотел называться немцем, хоть у меня мать — немка.

— Это те бумаги, которые увез в чемодане Марек? — спросил отец.

— Да, — сказал Гажо. — Но теперь они никому не нужны. Не до них.

Весть о приходе парохода «Город Вена» немцы держали в секрете, но все же она разнеслась повсюду. Это было видно хотя бы по тому, что матросы все чаще появлялись в рубке, а некоторые выходили даже на плотину, которая отделяла зимнюю пристань от Савы, и смотрели на устье, где должен был появиться посланец Дуная. Два дня длилось ожидание, и два дня на палубах и на берегу чувствовалось скрытое напряжение, однако звук паровой трубы разнесся над Савой только поздно вечером.

— Неужели он? — недоверчиво спросила мать. Она была уже в постели. — Подходит? Выйдем посмотреть?

— Пошли, — сказал отец, который тоже уже собирался ложиться.

Они быстро оделись, мать накинула на себя одеяло, и оба отправились в рубку. Пристань была освещена довольно скупо. На мосту горело лишь несколько тусклых фонарей, которые отражались в воде, и отражение было похоже на беззубый гребень. Пароход еще не подошел, но на плотине было много любопытных. Стало быть, пароход уже близко.

— И мы бы могли пойти на плотину, — сказал отец. — Пошли? Успеем.

— Да отсюда увидим, — отказалась мать. — Вдруг Милко проснется? И отсюда хорошо видно.

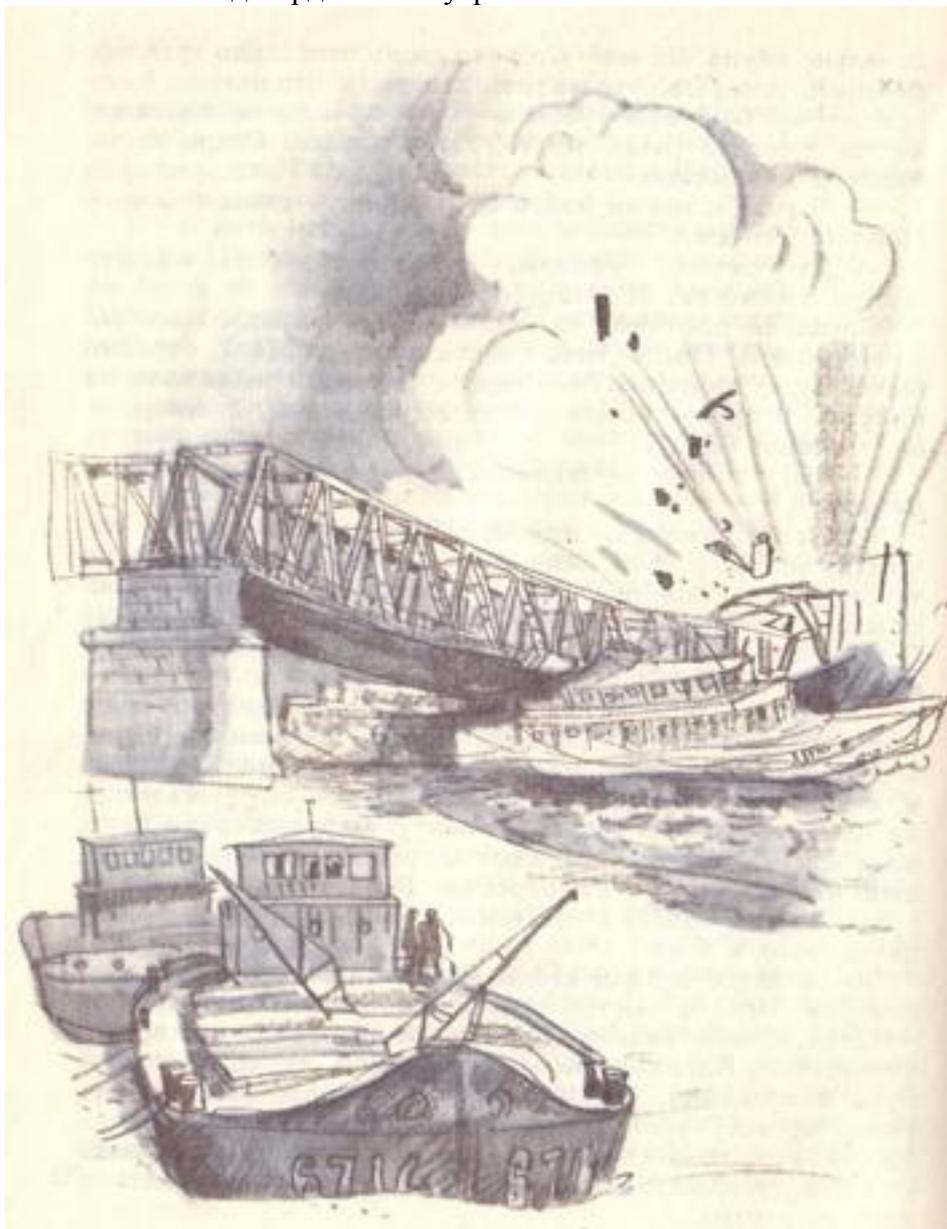
Когда за плотинкой появился белый пароход, все заволновались. После месяцев ледяной тюрьмы отрадна была такая картина. Все больше речников выходило на палубы. В другое время все давно бы спали, а теперь — вон сколько народу!

— «Штадт Вин», — шепотом прочитала мать. — «Город Вена».

Она заволновалась при этом так, словно читала открытку из дома. Ведь Вена недалеко от Братиславы, а на таком расстоянии она почти Братислава. Пароход проплывал мимо нее и теперь привез Краликам привет из Братиславы. Хоть и маленькая радость, а радость. Из подобных утех построен весь мир речников.

Пароход «Город Вена» торжественно входил Под арку моста, словно в триумфальные ворота. На высокие белые борта упала тень от моста. Она постепенно двигалась к середине парохода, и казалось, что мост надевает на пароход черную траурную ленту. Вдруг посреди парохода лента остановилась. Мост задрожал и, ровно отсеченный от опор, упал на пароход. Грохот взрыва еще не пронесся над Савой, а отсеченная часть моста уже вдавила пароход в воду.

Речники не верили своим глазам: не может же пароход так легко и быстро исчезнуть. Им хотелось думать, что это ночное видение. В ночной тьме, бывает, всякое мерещится. Пароход снова появится и продолжит свой путь к пристани. Вон и военный оркестр. Может быть даже, оркестр уже начал играть торжественный марш. Никто не верил своим глазам, но недостающая часть моста подтверждала суровую действительность. Подтвердило ее и утро.

В дальнейшем о пароходе и его пассажирах, из которых никто не спасся, ходили только догадки.

— Поднимут его?

— Может быть, после войны, но не теперь. Кто его сейчас будет вытаскивать?

Поставят красный бакен, и готово. Сколько людей на нем было?

— Больше четырехсот.

— А я слышал, что только двести пятьдесят.

— Тоже немало. Двести пятьдесят человек... и так просто пошли на дно.

Точного числа жертв никто не узнал. Когда на берегах появились солдаты, речники разошлись по каютам. Так медведь снова лезет в свою берлогу, когда проснется по весне слишком рано.

Дорога по Дунаю была наконец свободна, но от зимней пристани ни одно судно пока не отошло. Речники тоже не сходили на берег, считали, что лучше обойтись остатками своих запасов, чем подвергаться строжайшим проверкам.

Через два дня после того, как утонул пароход «Город Вена», на баржу пришел Гажо.

— Нужна ваша помощь, дядя Янко, — насел он на отца, даже не объяснив, о чем речь. — Нужно вывезти хотя бы двоих. Берега заняли немцы, вы знаете. Обрыскали все углы. Хотя бы двоих вывезите! Ночью они придут к вам на баржу. Спрячьте их!

— Кого прятать? — испугался отец. — Тех, кто взорвал мост?

— Нет, — сказал Гажо. — В порту есть много других, которым грозит беда. Сейчас всех хватают по малейшему подозрению. Вам нужно спрятать двоих. На других судах тоже прячут. Помогите! Я уже обещал.

— Ты с ума сошел?! — Отец даже слышать об этом не хотел. — Прячь их, если ты обещал, а от нас отстань! Не втягивай нас! На баржах тоже проверки. Никого не буду ни прятать, ни вывозить. Никого, никого! Золотом осыпь, не буду!

— Вы должны, дядя Янко! Должны! Схватят их — вместе с семьями расстреляют!

— У меня, что ли, нет семьи? — отговаривался отец. — А моя семья? Ее разве не расстреляют? Я сказал, и довольно. Оставь меня в покое! У меня тоже семья.

— Не найдут их у вас, дядя Янко. За досками спрячутся, их там никто искать не станет. Вывезите только из порта. Они первой же ночью уйдут. Как только встанете на якорь, они уйдут так же незаметно, как и придут. Возьмете их?

— У меня уже мальчишка говорить начинает. Он может проговориться, — сказал отец уже более спокойно и подошел к ребенку, который смотрел на них из манежа.

В эту минуту Кралик был убежден, что даже годовалый ребенок в этой ситуации может принести несчастье. Потом он вопросительно посмотрел на жену. Она молчала и даже взглядом не отвечала ему. Он взял сына на руки и изменившимся голосом вдруг спросил, когда придут эти люди.

— После одиннадцати, — тихо ответил Гажо. — Я знал, что вы не откажетесь им помочь, дядя Янко.

— Пусть поосторожнее будут! — Отец понемногу приходил в себя. — Видеть их не должен никто. Даже Филип... Лучше, чтобы и он не видел. Если у него будет свет, пусть подождет. Он подолгу сидит над книгами.

— Они придут по льду, — сказал Гажо. — Между баржами темно. Немцы у вас уже искали?

— Искали. Четверо их было. Вежливые. Потопали тут и ушли.

— Может быть, и не придут больше, — вслух рассуждал Гажо. — А если придут, за доски глядеть не станут. Не могут же они разобрать все баржи на части? Ждите часов в одиннадцать! Если больше не увидимся, счастливого вам пути! А за бумагами я еще приду! — попробовал он шутить. — Счастливого пути! Привет Мареку!

— Только бы увидеть его! — сказал отец.

— Почему же не увидите, дядя Янко? Только осторожнее будьте, когда эти к вам придут. А главное, не волнуйтесь! Счастливого пути!

Но ночью Гажо появился снова. Уже не в военной форме, а в штатском. Костюм был чуть маловат для него. Гажо пришел вместе с одним из тех людей, кого нужно было тайно вывезти из порта.

Человек, которого он привел, был худой и весь такой скрюченный, словно никак не мог распрямиться после двухдневного сидения под кучей досок, где прятался. Его товарищ никак не хотел уходить из порта, не простившись с семьей. Он надеялся, что в форме Гажо сумеет проскользнуть мимо охраны, а Гажо, в его одежде, подождет на барже.

Отец был недоволен тем, что снова на барже будет шумно, несмотря на то, что Гажо и серб прокрались тихо, как тени. Только отцу все слышались шум, плеск и треск. Он отвел их в нижнюю каюту, в которой заранее завесил одеялом иллюминаторы, зажег фонарь и показал пришельцу место, где можно спрятаться и как оно открывается и маскируется. Ему, конечно, хотелось, чтобы они сразу же спрятались, но он промолчал. Только разложил откидную койку и предложил сесть.

С нетерпением ждали второго пассажира. Гажо договорился, что он стукнет по борту баржи рукой. Ждали, ждали этого стука, но только сердце стучало в груди. Тишина стояла мертвая. Сэрба все не было. Они уже начали волноваться, не попался ли он немецкому патрулю.

— А может быть, прощанье с семьей — это только предлог... — недоумевал Гажо. — Пришел домой и рад. Не хочется небось уходить.

Пришедший с ним только плечами пожимал. Может быть, он и знал что-нибудь о намерениях своего приятеля, но сказать не хотел, а может быть, тоже ничего не знал.

Время шло. Гажо уже давно пора было возвращаться в часть, но без формы он не мог появиться на берегу. Видно, придется лезть за доски вместо серба. И на рассвете Гажо пришлось это сделать.

— Знаете, не очень-то это и плохо, — сказал Гажо. — Я не раз говорил, что с удовольствием избавлюсь от военной формы. А он вот взял да избавил. Вылез я из формы, как слепой из крапивы. Только тесноват, — щупал Гажо натянутый на плечах пиджак. — Я же вам говорил, что с удовольствием отсюда уеду с вами. Вот так и получается. Больше и желать нечего.

Отцу это все очень понравилось. Ему хотелось этого сразу, как только Гажо с сербом пришли на баржу. Знакомый под палубой все же лучше, казалось ему, чем двое чужих. Он как бы половину опасности передавал теперь Гажо, и на душе становилось легче.

— Только бы тот шалопай не попался, — сказал Гажо. — Коли он дома, пускай сидит! Мне-то все равно — тут я или там. Я всюду дома, и нигде мне не дом. Вы хорошо там наверху закрыли, дядя Янко? Не хватает, чтобы нас захватили врасплох!

11

С тех пор как Рудо пошел работать, Марек был почти все время один. Только выходные дни они проводили вместе, но с приходом весны выходных у Рудо становилось все меньше. По весне каменщику сидеть некогда: всем нужно что-нибудь пристраивать да чинить, и Рудо был нарасхват. Однажды в воскресенье Рудо штукатурил дом лесничего Кучеры и взял с собой Марека. Дом лесничего стоял в поле. Когда Марек смотрел на него из своего сада, а оттуда его было хорошо видно, казалось, что дом совсем плохой, но внутри дом был полон мягкой мебели, картин и фарфора. Такие красивые вещи Марек видел на аукционах, но лесничего Кучеры он там никогда не встречал. Теперь лесничему захотелось, чтобы и снаружи его дом выглядел хорошо. В следующее воскресенье Рудо снова звал Марека вместе с собой, но Марек сказал, что лучше пойдет с ребятами на станцию.

Ребята ходили встречать поезда. За крону они носили пассажирам чемоданы домой. Между ними была установлена очередь, но обычно за чемодан хватался самый сильный. Всё, что зарабатывали, ребята приносили домой, но кое-что все-таки оставалось на конфеты, и тогда обычно шли в сарай к Голчекам. Марек побывал там два раза. В первый раз, когда отдал ребятам проволоку от приемника, чтобы они сделали себе телефон. Во второй раз, когда ребятам стало известно, что отец Голчеков погиб в концлагере. Лойзо говорил, что это дело рук Кучеры.

Кучера вынюхал, что Голчек распространяет листовки. Когда к Голчекам нагрянули с обыском, Микинко и Лацо видели отца в последний раз. Марек не знал, что такое листовки. А Лойзо, хоть в учебе Марек его и догнал (Лойзо был второгодник), о таких вещах знал. Марек хотел спросить его о листовках, но не успел, потому что сделал большую ошибку. Он заступился за Ясика-мясика.

Ясик-мясик — это младший из братьев Голчеков. «Ясиком» его звали потому, что так он звал своего старшего брата, а «мясиком» у него был мячик. Вообще-то малыша звали Микинко, но даже старший брат ни разу не осмелился назвать его так при ребятах, ребята бы его засмеяли.

— Ясиком его не зовите, — заступился за Микинко Марек. И это была ошибка.
— И мясиком его тоже не зовите! У него отца нет.

— А у тебя есть? — набросился на него Лойзо Крнач.

— Есть, — ответил Марек.

— Кукиш есть! — кричал Лойзо. — А чего же с ним не живешь, чего ж ты у бабки с дедом?

— Потому что в школу хожу, — объяснял Марек.

— Кукиш — в школу! У Ясика-мясика нет отца, и у тебя нету. И вообще заглохни, а то сопля была зеленая, будет красная!

Лойзо так разорался, словно Марек был виноват, что Голчеки потеряли отца. Он дал Микинко палку и толкнул его к Мареку.

— Ясик, врежь ему!

Микинко послушался. Марек ушел из сарая, а ребята насмешливо кричали ему вслед:

— Маленького испугался!

На станции Марек не мешал ребятам. К чемоданам он не рвался и конкурентом им не был, а на станцию ходил потому, что любил смотреть, как приходят поезда. Ведь каждый поезд мог привезти к нему папу, маму и братика, которого он не видел почти год. С той поры, как Лойзо сказал ему, что нет у него отца, Марек особенно нетерпеливо ждал родителей и всегда волновался, когда к перрону подходили поезда, из вагонов выходили люди и постепенно расходились.

Марек поглядывал, как пассажиры сходят по ступенькам вагонов, как ребята выхватывают из их рук чемоданы, но не многие разрешали нести свою кладь. Вот Лойзо сумел пробиться к огромному чемодану и гордо вышагивает за его хозяином. Крону получит, а то и две.

В тот момент, когда Лойзо поравнялся с Марekom, к Мареку подошла пожилая женщина и стала совать ему в руки маленький и легонький совсем чемоданчик. Она выбрала мальчика поменьше, видно, хотела порадовать его.

— Извините, я не... — смутился Марек и спрятал руки за спину. — Я тут только так...

Он хотел сказать, что встречает родителей, но Лойзо приостановился и шепнул ему, кивнув на свой чемоданище:

— Бери, бери! Мне этот недалеко тащить...

Марек хотел возразить, но Лойзо пригрозил ему кулаком. Тогда Марек взял чемодан и пошел рядом с Лойзо, точно так же, как рядом шли хозяева чемоданов. Вскоре их догнали ребята, которым нечего было нести. Каждый бы с удовольствием взял У Марекa чемодан, но Лойзо не разрешал, потому что оба чемодана считал своими. И от нечего делать ребята стали смеяться над Марekom:

— Смотри, несет!

— Хе-хе!

— Тащит как миленький!

— Не тяжело тебе?

— Матрос, а при чемодане!

«Ну вот, когда сами отхватят чемодан, так гордятся, чуть ли не геройством это считают, а надо мной смеются», — думал Марек.

— Согнулся, гляди, в три погибели!

Среди ребят были оба Голчеки. Микинко все время звал старшего брата домой:

— Ясик, пошли!

— Не пойду.

— Посему?

— Потому.

Раньше на шаг не могли отойти от дома, теперь — пожалуйста. Отца нет — иди, куда хочешь.

Марек почувствовал, что у него горят уши. Красные небось, как маки. Он представил себе, что сказала бы Габа, если бы увидела его сейчас. Она бы выхватила чемодан и поставила бы его на дорогу. «Ему не нужно подрабатывать, как вам, оборванцы! — кричала бы она во все горло. — Пошли, Марек, домой! Брось ты их!»

Не успел он избавиться от мысли о Габе, как сразу же ему показалось, что пожилая женщина, чей чемодан он нес, — Цтирадова бабушка. Марек не знал, почему ему так показалось, но избавиться от этого ощущения уже не мог. Не чемодан был тяжел, но представить себе, что Цтирад выйдет навстречу бабушке и увидит, что он, его сосед по парте, несет ее чемодан, было так тоскливо, что ноги не хотели идти. Особенно униженным он себя чувствовал потому, что боялся Лойзовых кулаков. Хоть бы на улице фонари не горели! Когда Марек проходил под фонарем, он смотрел в землю. Скорее бы Лойзо отдал свой чемодан и взял у него этот.

Лойзо, наверно, был знаком с владельцем чемодана. В конце Железнодорожной улицы он его отдал и получил деньги. Но у Марека чемодан не взял, как обещал, а пошел вместе с другими ребятами. И опять все смеялись над Марekom.

В эту минуту Марек их возненавидел. До сих пор он их просто не любил, а теперь ненавидел. Насмешки ребят раздували его ненависть, как ветер раздувает костер. Теперь уши и щеки у него горели скорее от ненависти, чем от стыда.

Марек стал думать, что сделал бы на его месте Цтирад, его идеал? Цтирад поставил бы чемодан перед Лойзо и приготовился бы к драке. А может быть, он гордо бы произнес, как обычно говорит в таких случаях: это с вашей стороны подлость, ребята, но я вас прощаю, потому что мне не нужно подрабатывать, как вам. Марек не мог драться, но и простить обиду он тоже не мог. Обида была велика, и он ненавидел ребят, но продолжал нести чемодан.

— Ясик, пошли! — слышалось за спиной.

— Сейчас нельзя.

— Посему?

— Потому.

Лацо Голчек хотел видеть чужое несчастье, чтобы свое не казалось таким тяжелым.

Марек пронес чемодан почти через весь город. Он не глядел на дома и на пешеходов, глядел только на ноги владелицы чемодана, на ноги, которые, словно ножницы, отстригали полоски от бесконечно длинной пешеходной ленты. Сквозь слезы эта лента казалась ручьем. Мальчик старался думать, что это его собственный чемодан, и тогда становилось немного легче.

Он несет свой чемоданчик по мелкому ручейку. Ручеек приведет его к Вагу, а Ваг — к Дунаю. Там, где Ваг впадает в Дунай, он будет ждать на берегу свою баржу.

«Откуда ты взялся, Марек?» — крикнет отец с палубы.

«Вас жду», — отзовется он.

Отец спустит на воду шлюпку и приплывет. Потом они быстро догонят баржу. Белое пятнышко впереди станет цифрами 6714, маленькие фигурки на палубе превратятся в маму и Милко. Они с отцом поднимутся на палубу и опять будут все вместе. И пойдут

вверх по течению к Братиславе, и нисколько им не будет жаль, что там снова нет остановки. Зачем она им? Ведь они все вместе!

Марек размечтался, и ему стало казаться, что он и в самом деле бежит по палубе и вместе с отцом и Гажо вылавливает бревна.

«Гажо, смотри, какая штука! — показывает Марек на полено. — Дотянешься?»

«Надо дотянуться! Искупаюсь, а дотянусь!» — говорит Гажо и крючком подтягивает полено к барже. Потом Гажо пытается воткнуть в полено железное острие, но у него ничего не получается. Он все не попадает или тычет в край, полено крутится и отплывает.

«Чего в Дунай тычешь? Что он тебе сделал?» — смеется отец.

«Я багор мочу, — отвечает находчивый Гажо. — Чтобы легче воткнулся».

Марек улыбнулся. Отчего же и не улыбнуться, если он на барже? Хорошо!

— Спасибо. — Голос владелицы чемодана прервал мысли Марека. — Я уже дома.

Тяжело было возвращаться с палубы на землю, даже от приветливого взгляда доброй женщины не сделалось легче.

— Держи! — подала она блестящую монету в пять крон. — Небось нелегко было.

Носильщик испугался. Он снова спрятал руки за спину, чтобы женщина не смогла сунуть в них монету. Марека и женщину обступили ребята.

— Спасибо, я не... я только... — Марек не знал, что и сказать. Ему хотелось убежать, но любопытные вокруг стесняли его.

— Ясик, пошли! — сказал Микинко.

— Подожди, узнаем, что он будет делать.

Женщина удивилась. Ей, видно, еще не встречался такой глупый носильщик, и она никак не могла понять, почему он не берет деньги.

— Да возьми! — протягивала она монету.

— Нет.

Марек был не в силах сделать то, что на его месте, без сомнения, сделал бы каждый мальчик. Он не мог преодолеть невидимую стену, которая отделяла его от других ребят, чтобы стать такими, как они. Может быть, ребята только этого и ждали. Может быть, им нужно было доказательство, что он свой.

— Нет, — повторял Марек в страхе.

Марек так и не стал для ребят своим. Еще выше выросла между ними стена, из-за которой он мучился.

— Не хочешь? — спросила женщина и хотела убрать деньги.

Но Лойзо Крнач не растерялся:

— Давайте мне! Мы ему отдадим.

Он выхватил монету и убежал в темноту. За ним побежали и остальные.

Марек не отважился даже поднять глаза. Он попрощался и, пристыженный, отправился домой.

12

Марек ложился спать, а в это время в братиславском порту пристала баржа 6714. Может быть, это случилось немного раньше или чуть позже, но все-таки примерно в это время, потому что последним ночным поездом приехали в родительский дом отец и мать Марека.

— Марек, Марушко! — сквозь сон услышал он родные голоса. — Проснись, Марек! Это мы!

— Мама! Папа! — Марек вскочил с постели и обнял мать и отца. — Вы приехали? Вы надолго?

— Нет, не надолго. Утром нам нужно на баржу. Дальше плывем.

— Какая баржа? — вмешалась бабушка. — Целый год не видели ребенка — и снова бежать?

— Если бы это от нас зависело, мы бы тут навсегда остались. Но от нас ничто не зависит. Утром отплываем. И Милко на барже. За ним матрос с женой приглядывают. Бедная, первый день на барже, а ей — дитя в руки.

— Что же вы не привезли его показать? — с укоризной говорил Марек.

— Не может же он всю ночь быть в дороге. Не выспится, да еще и простудится, глядишь, — наперебой говорили отец и мать. — Еще увидишь его! В другой раз вместе приедем. И надолго. Наиграетесь еще. Смотри, что мы тебе привезли! — Им хотелось порадовать Марека подарками, они вынимали из сумки свертки и всем раздавали по одному, а Мареку — больше всех. — Это все мы под елку для тебя клали, Марек. Фуфаечки, конечно, сейчас ни к чему, но зато осенью без забот.

И, наконец, ему вручили самый ценный подарок. Маленькую коробочку.

— Что в ней?

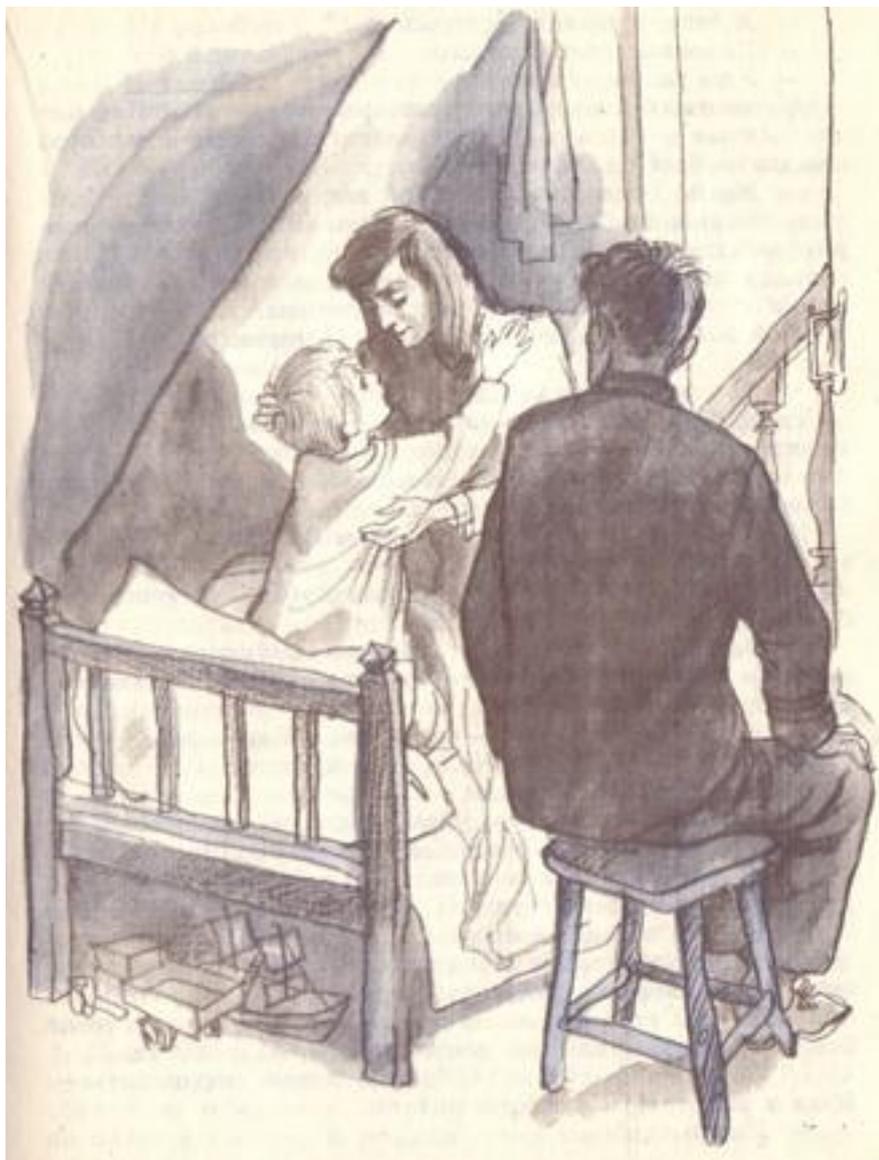
— Угадай!

— Не знаю.

— Ну послушай!

— Часы?

— Угадал!

Мать с отцом открыли коробочку и надели на руку Марека часы.

— А теперь угадай, который час?

— Половина двенадцатого.

— Уже разбираешься?

Марек глядел на стрелки, которые отсчитывали самые счастливые его минуты, самое радостное время с тех пор, как он не был на барже.

— Могли бы и Милко с собой взять. Какой он?

— Большой. Лепечет, ходить пытается. Да ты его скоро увидишь. В июне баржу ставят на ремонт. Наша очередь подходит. Доски в трюме будут менять. Зимой пирит на них лежал, вот они и сгнили. А потом тебя с собой возьмем. На все каникулы. Потерпи пока. Потерпишь?

— Потерплю, — радовался Марек.

Родители снова уложили сына в постель, а сами легли на кушетку. Даже раздеваться не стали. Зачем? Спать теперь некогда, скоро поезд. Когда мать и отец целовали Марека на прощание, он уже спал.

Если бы не часики, Марек утром не поверил бы, что все это — не чудесный сон. Но сны исчезают бесследно, а родители были здесь! Были! Он все думал, где теперь их баржа. Наверное, в Вене.

— Одевайся! — подгоняла Марека бабушка. — И так не рано бужу, раз ты ночью вставал. Поторапливайся, чтобы не опоздать в школу.

— Когда они уехали? — спрашивал Марек.

— Еще до света. Не хотели тебя будить.

— Лучше бы разбудили!

Мальчик посмотрел на часы. Было начало восьмого. Подходят, наверное, к Вене. Смотрят уже небось на венское колесо. Если Милко спит, могли бы его разбудить, пускай знает путь по Дунаю!

— Что ты не одеваешься?

Бабушка посадила Марека на край стола и стала помогать ему одеваться, как бывало вначале, когда он только приехал. Два года без малого минуло с той поры. Время бежит. Марек приложил часы к уху. Здорово тикают!

— Послушай! — Он и бабушку хотел порадовать. — Я их в школу возьму. Хорошо?

— Разобьешь!

— Не разобью.

— Я же знаю.

— А где же я их покажу ребятам?

— В окно покажешь. Да и отвлекаться будешь в школе. Оставь-ка ты их лучше дома!

Когда ребята свистнули ему с улицы, Марек сделал вид, что не слышит. Он подождал, пока они уйдут, и пошел в школу один, словно боялся, что мальчишки лишат его радости и испортят настроение. Марек и в школе никому не говорил про часы. Очень хотелось похвастаться, но он выдержал до большой перемены. Только тогда Марек шепнул соседу:

— А у меня часы!

— Какие часы? — спросил Цтирад.

— Красивые. Ночью папа с мамой ко мне приезжали и привезли. — Он заметил, как у приятеля растет любопытство. — А как они блестят! Как серебряные.

— У меня тоже есть часы, — сказал Цтирад, помолчав. — Настоящие! Они тикают.

— И мои тикают, — сказал Марек и сильно пожалел, что послушался бабушку и оставил часы дома. Нечего было слушаться. — Я хотел взять их в школу. Ну да после обеда принесу. Покажу тебе.

На последнем уроке учительница сказала, что городской театральный кружок дает вечером спектакль. Кто хочет, может пойти. Она тут же принесла билеты. Два билета бесплатно получили ученики из бедных семей, а остальные должны были их купить. Деньги можно отдать после обеда или на другой день. Большинство ребят покупало самые дешевые билеты, на последние ряды. Цтирад купил два билета на первый ряд, один для себя, а другой для матери. Марек считал, что он должен и в театре сидеть рядом со своим соседом по парте, поэтому и он купил себе самый дорогой билет. Бабушка ничего не скажет, родители оставили ей на такие расходы двести крон.

Как только Марек пришел домой, он сразу же застегнул на руке металлический браслет с часами. Даже обедал он через силу. Марек попросил у бабушки деньги на билет и записал в тетрадку свои расходы. Очень хотелось скорее в класс. Перерыв на обед обычно проходит быстро, а вот сегодня время тянулось ужасно долго. Когда Марек выходил из дома, он прикрыл часы рукавом, чтобы ребята их не увидели по дороге. Первым их должен увидеть Цтирад. А потом остальные.

В классе Марек с нетерпением ждал Цтирада и незаметно нащупывал бугорок под рукавом, прикладывал его к уху, но сердце билось громче часов, и он испугался: вдруг часы встали? Наконец Марек увидел, что Цтирад вошел в класс и направился прямо к парте. Марек не успел и рта раскрыть, а Цтирад уже все понял.

— Посмотри мои! — протянул он руку.

Марек взглянул на часы Цтирада и обрадовался. Большое круглое стекло на часах было потертое, а металлический корпус весь исцарапан. Сразу видно, что их уже носил кто-то взрослый. А у Марека часы сияли, они были совсем новенькие. Марек и Цтирад выставили руки и стали сравнивать Свои часы, и тут их обступили ребята и разом заговорили:

— У Марека Кралика часы.

— Враки!

— Правда, правда!

— Откуда?

— Идите смотреть! Покажи, Марек!

На Цтирада с его часами никто не обращал внимания.

— Ты смотри, правда у Марека часы!

— Они идут?

— Конечно, идут.

— Даже секундная стрелка есть. Который час?

— Без пятнадцати три. Не видишь?

— У меня тоже есть часы, — Цтирад пытался обратить на себя внимание. — У меня они раньше были, чем у Марека Кралика.

— Старье у тебя! — посмеялся Лойзо. — Это отца твоего часы.

— Нет, мои, — сказал Цтирад. — Честное слово, мои!

— А что же ты их не носил?

— Я не хотел, — сказал Цтирад и, обидевшись, поджал губы.

Марек понял, что ему завидно.

Все решили, что у Марека часы лучше, и Цтирад вынужден был это признать.

— Да, красивее, — сказал он, а в душе никак не мог согласиться с поражением.

Цтирад никогда не проигрывал и проигрывать не умел. Он смущенно смотрел, как от одного мальчика к другому движется рука Марека и как у всех глаза горят от восторга. Цтирад попытался спасти положение: — Позволь! — И он приложил к своему уху часы Марека. Послушал немного, а потом сказал, скривив рот: — Да, твои красивые, но ход у моих благороднее.

Весь класс замер, словно он произнес заклинание. Марек только вертел головой, беспомощно заглядывал в лица, скажите, мол, что мои... Лицо Цтирада было белым от зависти, Марек еще не видел приятеля таким.

Тут подскочил Лойзо, как всегда самый быстрый, и изо всех сил ударил Цтирада кулаком в лицо.

— Держи, ваше благородие! — И пошел на свое место, бормоча: — Господский щенок!

Все остальные тоже разошлись по своим местам...

Марек смотрел, как Цтирад прижимает платок к разбитой губе. Раньше от вида крови ему становилось плохо, но теперь он почувствовал облегчение. Самым справедливым теперь ему казался Лойзо Крнач. Одним ударом он стер все свои былые грехи. А Цтирад все стоял и стоял, словно ничего не понимая. В таком положении и застала его учительница.

— Что случилось, Теплицкий? — Она заметила разбитую губу, которая опухла, посинела и стала похожа на зрелую сливу. И хоть Цтирад не плакал, ему должно было быть очень больно. — Кто это сделал? Скажи! Кто?

Цтирад уставился на Лойзо, как бы молча предлагая ему признаться. Но Лойзо и не собирался этого делать. Тем более, что он чувствовал себя победителем.

Однако остался верен себе и тот, кто сегодня потерпел поражение.

— Извините, я просто упал,— тряхнул Цтирад своей сливой.— Упал и ударился об угол парты. Разрешите мне пойти домой, чтобы привести себя в порядок.

Все вздохнули: не выдал! В конце концов, этого от него и ждали.

Все бы сразу забылось, если бы через некоторое время ребята не увидели, как от директора выходит отец Цтирада. Ребята решили, что Цтирад дома обо всем рассказал и господин Теплицкий явился жаловаться. Лойзо мигом скрылся. Нечего ждать, пока его вызовет директор и накажет палкой.

Марек в это время был в коридоре. Он видел, как директор пожимал Теплицкому руку.

— О чем они говорили? — спросил Лойзо, когда Марек его догнал.

— Не знаю,— ответил Марек.

— Завтра под брюки подушку подложи,— посоветовал Дежо.

— Если мне попадет, и ему попадет,— храбрился Лойзо.

— А тебе еще достанется,— сказал Дежо Хорват.

— И ему еще попадет, но так, что до смерти не забудет.

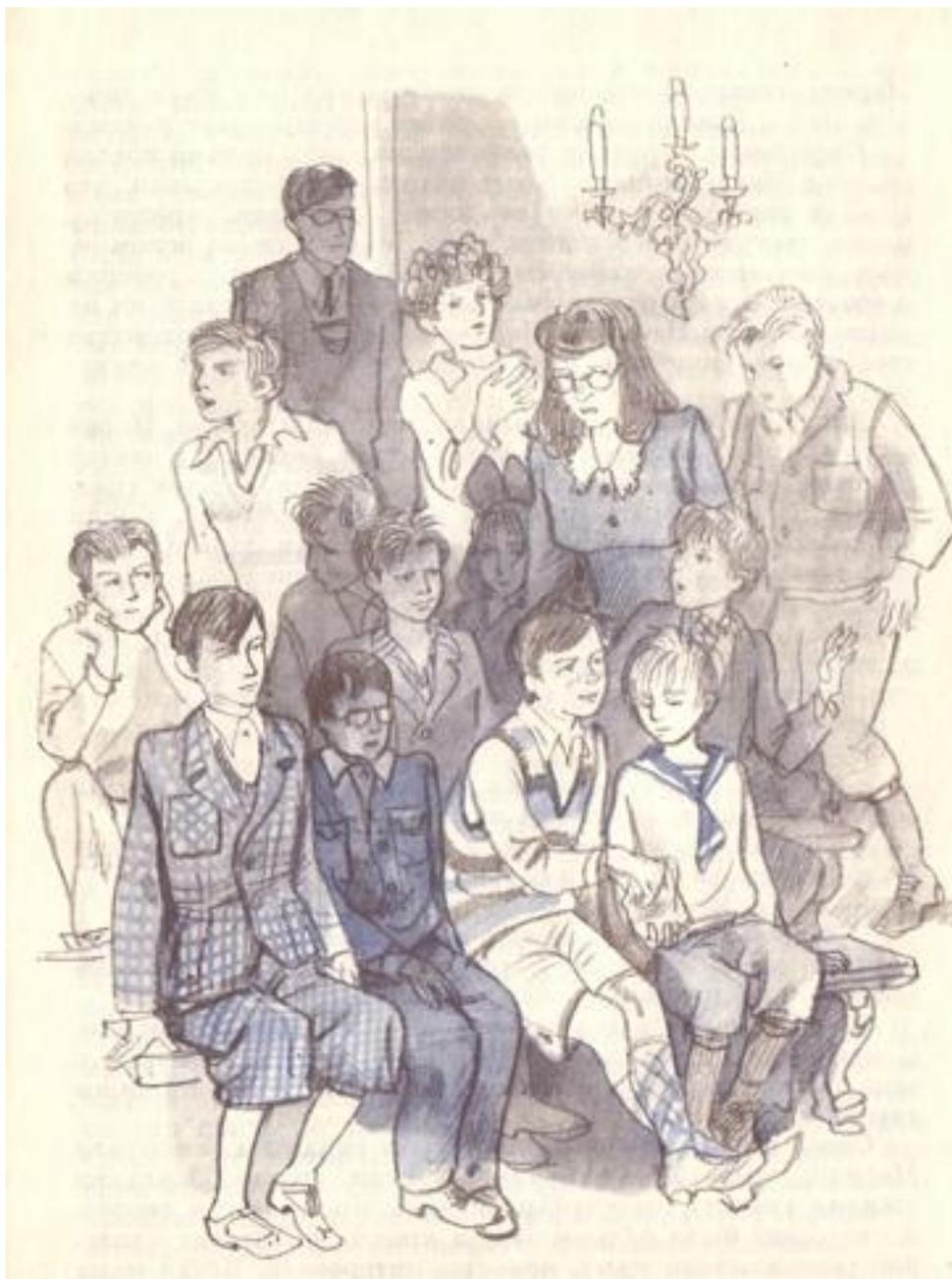
13

В театр ребята пошли прямо из сарая. При входе от билетов оторвали контрольную полоску, у Марека — голубую, у мальчиков — белую. Из-за своего голубого билета Марек должен был идти через весь зал между рядами кресел. Чтобы он побыстрее нашел свое место, доброжелательный Лойзо подставил ему подножку: половину зала Марек летел и едва не шлепнулся. Хорошо, народу было немного, стыдиться некого. Цтирада тоже пока не было. В первом ряду Марек сидел один, словно в поле куст. Он оглядывался, поджидая Цтирада, но глаза невольно искали ребят, с которыми он пришел. Ребята толкались и хохотали. Лойзо огрел шапкой Лацо Голчека, а когда младший брат заступился, тому тоже, досталось. Подошла контролерша и сказала, что, если они не утихомятятся, их сейчас выведут из зала.

Рядом с Мареком заняли свои места сестры Галовы с матерью. Он их иногда видел в школьном дворе, но никогда с ними не разговаривал и сейчас не знал, что бы им такое сказать, только чувствовал, как опять горят уши. Мареку казалось, что ребята смеются над ним из-за девочек. Они и правда смеялись, только кто его знает почему.

Постепенно передние ряды заполнялись, однако кресла рядом с Мареком были пусты. Марек уже подумывал, что Цтирад не придет. «Слива», видно, виновата: проросла, корни пустила и держит его дома. Мареку снова вспомнилось, как несправедливо поступил Цтирад, когда говорил о его часах, и он решил сидеть молча и не отвечать ни на

какие вопросы Цтирада. Получалось, что Марек отомстит своему обидчику тем, что сам будет мучиться от одиночества.

Вдруг у него из рук выпала шапка, и, когда Марек ее поднимал, он заметил, как блестят ботинки у сестер Галовых, и невольно сравнил их со своими — очень грязными. Не дело сидеть в театре в таких ботинках, а если уж и сидеть, то не в первых рядах. Марек спрятал ноги под сиденье, и к тоске одиночества постепенно прибавилась противная боль в ногах.

После звонка притушили свет, но первый ряд, как нарочно, оставался освещен. Марек оглянулся и увидел, что Лойзо Крнач машет ему рукой. Марек встал и пошел к ребятам.

— Чего?

— Садись сюда, — сказал Лойзо. Он словно читал мысли Марека и хотел ему помочь.

— Куда? Здесь же все занято. — Марек взглянул на переполненную скамью.

— А ну-ка! — Лойзо растолкал соседей.

И Марек вдруг с радостью обнаружил, что эта скамья намного удобнее мягкого кресла в первом ряду. Ребята потеснились, и для него нашлось место.

Цтирад вошел в зал только перед последним звонком. С ним была служанка. Он не увидел Марека на месте и, ища его, оглядывал зал. Но тут погасили свет и поднялся занавес.

Сцена выглядела точно так, как ее однажды описывала Мареку мама. Только артисты были другие. Мальчик ожидал увидеть принцев, прекрасных принцесс и дворец, но на сцене была бедная изба и крестьяне. Пьеса, о которой рассказывала мама, конечно, интересней. Когда мама училась в школе, она участвовала в постановках и все пьесы знала наизусть. Больше всего Мареку нравилось слушать пьесу о Зоре и Славоне. Он так хорошо ее помнил, что, когда мама рассказывала, мог некоторые реплики говорить за Славоня. Марек знал, на каком месте мама остановится и начнет вспоминать, как она должна была играть Зору, спасительницу принца Славоня, и богатая одноклассница обещала одолжить ей платье, потому что мамины родители не могли выкидывать деньги «на глупость». Мама очень радовалась, что будет играть, но Зору она так и не сыграла. Перед самым началом спектакля одноклассница вдруг заявила, что платье для Зоры она маме не даст, а даст ей платье для Гойды, которая была Славоню врагом. Богачка вздумала играть Зору сама. Учительница, которая с ними репетировала, вынуждена была согласиться и поменять роли девочек в самый последний момент. На этом месте Марек очень жалел маму, ему было горько так же, как ей, и конец пьесы совсем его не занимал, потому что мамин рассказ был ему милее и ближе.

«С тобой, Марек, этого не случится, — говорила мама. — Для того мы с отцом и плаваем по Дунаю, чтобы у тебя было все».

«И костюм принца?» — спросил Марек.

«И костюм, если потребуется», — сказала мама.

До сего дня Марек так и думал, что родители сделают для него все, что ему захочется. Он приложил к уху часы, и их тиканье как бы приблизило его к матери и отцу.

И вдруг Мареку показалось, что давний спор о том, кому играть Зору, происходил между его мамой и мамой Цтирада. Он знал, что это неправда, что госпожа Теплицкая не могла ходить в школу вместе с мамой, что она старше, ведь у Цтирада уже старший брат в армии. Но мысль о споре между ними никак не шла из головы. Марек чувствовал, как душа его наполняется горечью, словно опять звучит история тех лет, когда мама была молода. Эту историю Марек принес с Дуная, и, пока она сама не вспомнилась, он ее не вспоминал, но горечь ее отзывалась теперь в тиканье часов, и Цтирад эту горечь, наверно, услышал, если понял, чем разнятся их часы.

Раздался шорох. Это Дежо Хорват открыл бумажный пакетик с конфетами и стал оделять ими ребят. Марек видел, как взяли конфеты Лацо, Микинко и Стано. Потом Дежо Хорват протянул пакетик и Мареку:

— Бери!

— Я? — испугался Марек. — Он сначала подумал, что Дежо сыграет с ним злую шутку: он потянется за конфетой, а Дежо Отдернет руку.

— Бери, пока дают, — сказал Лойзо и сам взял три конфеты.

Марек взял из пакетика маленькую конфету, положил ее в рот и почувствовал приятный ментоловый вкус, от которого как-то легче становилось дышать. Лойзо уже съел свои конфеты, а Марек свою сэкономил, вот осталась от нее тоненькая пластинка, которой, казалось, можно порезать язык — такая она тоненькая, а потом и она растаяла, но вкус во рту не исчез.

Когда зажгли свет и зрители стали расходиться, Марек заметил, что к ним направляется Цтирад, а следом идет служанка.

— Гляди! — тронул он Лойзо.

— Пусть идет, — сказал нерешительно Лойзо. — Сейчас и служанке достанется.

Служанка оставила Цтирада с ребятами и ушла. Марек ожидал, что Цтирад его спросит, почему он не сидел на своем месте, но он пришел совсем не за этим.

— Прости, Марек, что я неудачно выразился о твоих часах, — начал он со своей характерной прямоотой. — Не сердись, прошу. Это я от зависти. — Он подал руку удивленному Мареку, и Марек принял ее. — Не сердись?

— Нет, — обманул Марек, потому что от удивления растерялся.

— Отцу я должен был сказать правду, — продолжал Цтирад. — Он меня не одобрил. Он сказал, что Крнач ударил меня по справедливости и чтобы мы помирились. Я не в обиде на тебя, Лойзо.

Он протянул руку Лойзо Крначу, но Лойзо страшно раскашлялся. Только когда они выходили из зала, Цтирад заговорил о том, что Марек ожидал услышать вначале.

— Ты почему не сидел впереди? — спросил он тихонько.

Марек пожал плечами.

— Напрасно только выбросил деньги, — сказал Цтирад. — Твоему отцу они нелегко достаются, а ты их выбрасываешь.

Марек опустил глаза. Он не ожидал этого от Цтирада. Пусть бы об этом сказал кто-нибудь другой, ведь у самого Цтирада денег всегда хватало. Он сразу вспомнил о родителях, о том, как мама говорила, что из-за денег им приходится жить врозь. Как бы он на Цтирада ни сердился, но тот был прав. И снова Марек почувствовал превосходство Цтирада, которого не удалось ему избежать, как хотелось. Денег ему действительно было жаль.

На улице Цтирада ждала коляска. В нее был запряжен тот самый вороной конь, который зимой возил сани.

— Садись, пожалуйста, Марек, — неожиданно предложил Цтирад. — Мы тебя подвезем.

Тут и служанка подросла и тоже стала приглашать Марека. При этом она улыбалась так же приветливо, как тогда, когда подавала пирожные.

— Но мне же в другую сторону, — удивился Марек.

Он решил, что его хотят довезти только до дома Теплицких, но Цтирад продолжал уговаривать:

— Нам все равно, как ехать. Подъедем сначала к твоему дому. И отец велел тебя отвезти.

— Ну иди, — подтолкнул Лойзо Марека к коляске и кивнул головой ребятам.

Улица быстро пустела. Перед театром осталась только коляска Теплицких. Марек смотрел, как уходят ребята, и вдруг сказал:

— Нет, я пойду с ними, — и побежал догонять ребят.

14

Вторую неделю баржа была на ремонте, и семья Краликов жила в родительском доме. Рано утром отец уходил на работу, а к вечеру возвращался и все-таки успел за это время починить хлев и сделать новую лестницу на чердак. А на колодце появилась новая ручка и новый вал, на который наматывалась цепь.

— Да посиди ты, Янко, — твердила бабушка. — Отдохни! Рудо бы сделал или дедушка... Присядь на минуту!

— Минута не табуретка, на нее не сядешь! Задержишь ее, а она выскочит, и ты — шлеп! — смеялся отец.

— Да он и на барже не сидит сложа руки, — говорила мама. — Все возится. А по хозяйству и правда много работы. Если бы отцу не грозил фронт, мы бы ушли с Дуная...

— Я тебя от войны избавлю, милоч, — вмешался Рудо. — Притворись глухим, как я. Глухих на фронт не посылают.

— Это не известно, — сказала мама. — Уж как-нибудь потерпим. Глядишь, и война кончится.

— Кончится, только вас до тех пор рыбы съедят.

Поскольку советы Рудо не пользовались успехом, он принялся за Марека:

— А Марека мы к вам на баржу не пустим. Да он и не пойдет. Правда, тут лучше, Марек? Скажи им, что ты остаешься. Что тебе торчать на барже? Да еще сейчас, когда на Дунае стреляют. Не пойдешь, и весь сказ.

— Нет, пойду!

— Теперь не стреляют, — помогла Мареку мама. — По крайней мере, в нас. У нас с немцами договор, и они не ходят на наши баржи. А их нет, и стрелять не в кого.

— А мины на Дунае? — сказал Рудо.

— Нет их уже, — сердился Марек. — Все вытащили.

— Нет, не все. Вот когда Дунай через сито процедят, тогда мы тебя отпустим. Ты сейчас у нас, поэтому решать будем мы.

На другой день Рудо принес Мареку новую тетрадь. Марек сначала не понял, зачем она, потому что занятия в школе уже кончались.

— Будешь вести судовой журнал, — объяснил Рудо. — На всех кораблях есть судовые журналы. В них записывают, где были, что видели, что случилось. Все моряки обязательно ведут судовые журналы.

Марек обрадовался. Он взял перо и написал на первой странице большими буквами: «Судовой журнал». Поскорее бы отремонтировали их баржу!

— Скоро ремонт кончится? — спросил он отца, когда встречал его с поезда.

— Если хочешь, поехали завтра вместе, увидишь. Ведь вы завтра не учитесь. Сумеешь рано встать?

— Конечно, встану.

15

И вот Марек снова на палубе, где он вырос. Ничто тут без него не изменилось, только в нижней каюте появилась детская кроватка. А постель Марека выглядела так, словно он встал только сегодня утром. Белые простыни прикрыты зеленоватым одеялом, и одинокий иллюминатор все там же — возле подушки. Только на постели Мареку стало низковато: если вскочить, как прежде, можно удариться. Это нужно учесть на будущее, чтобы не набить шишку.

Марек с отцом осмотрели баржу, чтобы узнать, что уже сделано ремонтниками. В первом трюме рабочие укладывали новые доски на железные ребра, а во втором эти ребра красили. В двух других трюмах старые доски были свалены кучами. Между полужаржавевшими ребрами блестел пирит, который просыпался сквозь щели. Марек набрал его полные карманы, чтобы вечером показать ребятам. Они наверняка подумают, что это золото. Можно обменять его на что-нибудь ценное. Дежо Хорват, наверное, пулю не пожалеет.

В свободную минуту отец делал манеж для Милко. Доски он выпросил у кладовщика. На многих баржах были такие манежи. Обычно их делали между бортом и стеной каюты. Манеж напоминал поставленные на ребро лесенки. По нему всегда можно узнать, есть ли на судне дети. А Марек рос без манежа, и это приятно поднимало его в собственных глазах.

— Когда я был маленький, ты ведь манеж не делал? Правда? — спросил он отца. — Ты ведь не боялся, что я упаду в Дунай, правда?

— Нет. Тебя нам было не жалко, — смеялся отец.

— Да я и не ходил на край палубы. Я всегда знал, до какого места можно ходить.

— Правда, — согласился отец. — Наклони-ка голову, проверим решетку. Не широка ли?

— У Милко голова меньше.

— Прибьем планки почаще. Возьми карандаш и отмечай. Я буду мерять, а ты ставь черточки.

— На минах много пароходов подорвалось? — спросил Марек о том, что не выходило у него из головы с первого вечера, когда родители рассказывали о последнем своем путешествии.

— С весны — три, — сказал отец. — Две баржи и «Мотор-два».

— Винтовой буксир?

— Да. Даже трубы над водой не осталось. Меня при этом, правда, не было, но в Земуне я видел, как ушел под воду пароход «Город Вена». От него тоже ничего не осталось.

Когда-то Марек видел, как тонет баржа, поэтому он мог представить себе, как тонул пароход. Разница небольшая. Но о минах он знал совсем мало.

— А почему же мину не обошли?

— Ее еще надо заметить, — сказал отец. — Над водой плавает только щуп, а саму мину не видно. А щуп толщиной в палец, поди разгляди на Дунае.

— Я бы заметил, — сказал Марек. — Я бы багром ее оттолкнул.

— Заденешь щуп, и взрыв!

— А нужно осторожненько, — настаивал Марек. — Я бы до него не дотронулся.

— Щуп-то не один! Ты думаешь, таких умников как ты, не нашлось? Мина вся в щупах — над водой и под водой. Она как ежик. Лучше с ней не встречаться. Который час?

Марек посмотрел на часы:

— Два часа.

— Снеси инструмент в каюту, а я подмету. Поехали домой.

— Уже?

— Баржа тебе еще надоест. Я маме обещал, что приедем пораньше. Дома дел куча.

16

Под кучей дел отец имел в виду покупку участка. Эта мысль пришла в голову маме, как и все в конце концов, что изменяло жизнь семьи. Отец согласился, и сразу же решили покупку не откладывать надолго. Потому и ходила вчера мать к Ямриху. Договорились, что сегодня она придет вместе с отцом посмотреть участок. Откладывать больше некуда: отложишь на завтра, а там в плавание пора — и будет поздно. В таких делах мать всегда тверда.

Ямрих уже ждал их. Он провел Краликов по длинному крестьянскому двору, потом через гумно вывел в поле, на котором желтел налившийся ячмень. Они прошли по меже до самого края ячменного поля — там была размечена улица. У неровной полевой дороги уже строились два дома. На остальных участках, кроме садов, ничего не было. Люди не хотели строиться, ждали, когда кончатся тревожные военные времена.

— Сколько земли вам нужно? — повернулся Ямрих к ячменному полю. — Вот до камня было бы хорошо, чтобы и сад у вас был. Берите до камня, ровно пятьсот саженьей.

— Зачем нам такой большой сад? — сказал отец. — Хватит и половины. Триста саженьей нам хватит.

— Как хотите, — сказал Ямрих. — Только на вашем месте я бы взял до камня. Подумайте о будущем. Ну триста так триста. Мне же лучше. Я бы и это не продал сейчас, когда война кончается. Уж только вам. Уберу ячмень, забьем колья и огораживайте. Осенью можете яблони посадить и груши. Обязательно посадите!

— Кто знает, где мы осенью будем... — вздохнула мать.

— Дед с Рудо посадят, — сказал Ямрих. — У них время.

Мать взяла Марека за руку, повернула его лицом к полю и сказала:

— Тут будет наш дом.

Марек смотрел на ячмень, по которому волнами ходил теплый ветер, и ему казалось, что из волн появляется труба, крыша, стены и окна, весь дом... Он выросал совсем не так, как обычно растут дома, но радости от того было не меньше, потому что Марек держал за руку мать.

— Какие волны! — показал он на ячмень. — Как вода. И шумит, как вода, правда?

— Но под этими волнами — твердая земля, — сказала мать.

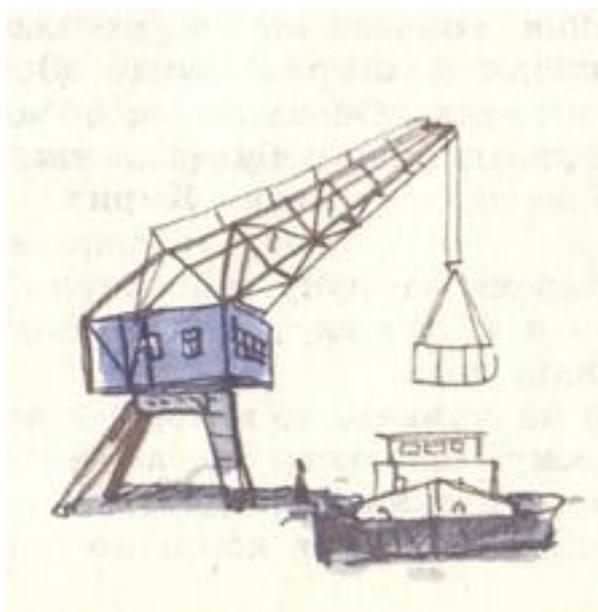
Она мечтала о собственном доме долгие годы, поэтому на все у нее был готов ответ. Робкие надежды теперь сменились уверенностью в том, что наконец-то у нее будет собственная земля под ногами. И так не хотелось матери уходить с этой земли! Неохотно брела она назад по меже. Вот так же неохотно пройдет она по доске на баржу, и земля опять отступит — все дальше и дальше.

— А строить когда начнем? — спросил Марек.

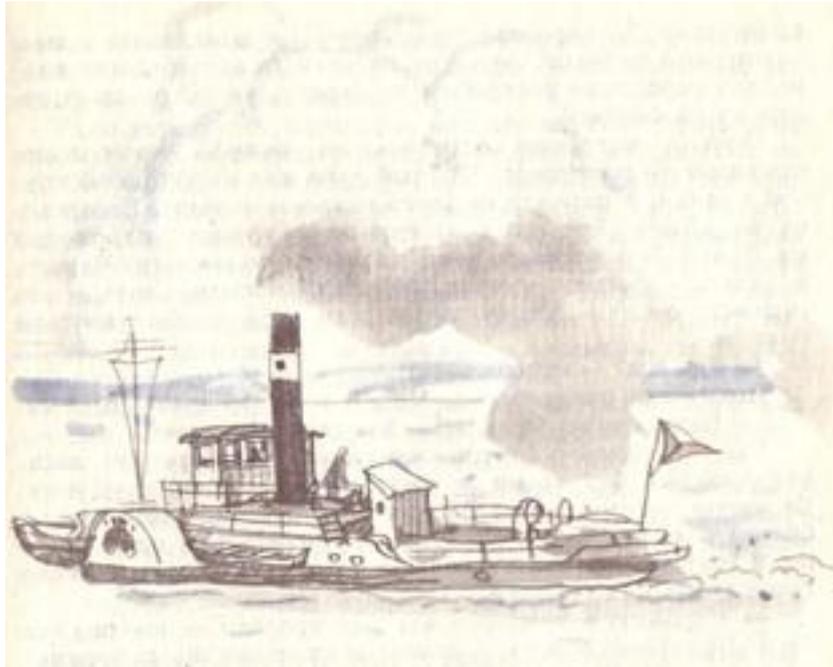
— После войны, — сказала мать. Она оглянулась на ячменные волны, в которых, казалось, утонула ее уверенность. — После войны, бог даст!

Марек хотел спросить, когда придет время после войны, однако он отлично знал, что мать в ответ только пожмет плечами.

Через несколько дней баржу починили и отбуксировали в порт. До каникул оставалось еще полмесяца, и Марек очень боялся, что родители опять не возьмут его с собой. Обещаниям он уже не верил. Дунай во время войны обманчив. Матери пришлось сходить в школу и упросить учительницу и директора, чтобы Марека отпустили на каникулы уже сейчас.

Часть IV. БЕРЕГА

1

Подошел катер и светом просигналил пароходу остановиться. Он сделал рондо неподалеку от барж, потом вернулся к пароходу и недолго постоял с ним борт в борт. Наверное, шли какие-то переговоры. Как только катер отошел, пароход затрубил, и каравану было приказано бросать якоря. День еще не кончился, было еще достаточно светло, чтобы продолжать плавание, но слишком темно, чтобы можно было увидеть, что случилось, почему караван остановился раньше времени.

Вдали виднелись силуэты еще двух караванов, они тоже стояли на якоре, — видимо, и в самом деле что-то произошло. За караванами можно было разглядеть и пассажирский пароход, но точно ли это был пароход или виднелись городские постройки на берегу, на таком расстоянии не разберешь.

Отец с матросом остались на палубе, но больше приказов не поступало. Черный дым над паровой трубой пропал, и пароход от этого казался меньше. Назывался он «Дые». Это один из самых маленьких пароходов на Дунае. В верховьях реки он тянул только две баржи, а здесь — целых шесть. Моряки посмеивались, что и дымит он так сильно только для того, чтобы казаться больше.

— Где мы? — спросил матрос.

Пока отец раздумывал, Марек тоже об этом спросил.

— Недалеко от Орехова, — предположил отец.

Уже несколько часов тянулись по берегам леса, разделенные большими и маленькими рукавами Дуная. За этими лесами, казалось, нет никаких деревень, только болота и озера. Все вокруг было удивительно однообразно, и только по щитам с названиями городов можно было понять, где находишься.

— Корабию в Румынии мы уже прошли, — повернулся отец к правому берегу, а потом стал медленно поворачиваться к левому берегу. — Теперь должно быть Орехово в Болгарии. Если вон те огоньки не от пассажирского парохода, значит, это Орехово.

— Неужели уголь кончился? — снова посмотрел матрос на пароход.

— У всех, что ли? — кивнул отец на силуэты пароходов впереди и, видно, счел разговор оконченным. — Приходите к нам в каюту! — пригласил он матроса, увидев в

дверях каюты Елену, а вернее, половину Елены, потому что двери были очень низкие. — Керосин нужно экономить,— добавил в шутку отец.

— Может быть, и придем, — пообещал матрос и пошел к жене.

Елену Кралики видели очень редко. Во время плавания она боялась ходить по палубе, а после плавания было уже не до гостей. Обычно она показывалась только в дверях, как сегодня. Когда ее муж стоял у руля, она могла вот так полдня простоять, глядя на рубку. Из-за ее робости никто не мог познакомиться с ней поближе, поэтому звали ее пани Елена.

Рано утром отец поднялся, как всегда, без будильника, потому что у настоящего речника будильник сидит в голове. Он оделся, а поскольку пароходной сирены все еще не было, снова прилег не раздеваясь и стал ждать. Порой отец поглядывал на будильник. В это время они всегда были уже в пути. Кралик вспомнил, при каких обстоятельствах вчера остановились. Неужели снова на Дунае появились мины? Сколько их еще будет? Несколькими минами не остановишь ни немцев, ни Дунай, от них только неприятности речникам.

Между тем проснулась и мать. Она склонилась над детской постелькой и вдруг заметила мужа.

— Еще стоим? — удивленно спросила она.

— Наверное, проспали там, на пароходе, — уклончиво сказал отец, чтобы ее не беспокоить. — Пойду взгляну.

— Лежи, лежи! Прогудит, когда нужно будет. Без нас не тронутся.

— Пойду, — решил отец. — А то спина болит от лежанья.

Он поднялся по ступенькам вверх и снял со стойки таз, чтобы умыться на палубе. Когда он посмотрел на пароход, ему показалось, что все там еще спят. Три каравана впереди тоже не трогались с места. Самый дальний, тот, что вчера не был виден, теперь вырисовывался сквозь дымку.

Когда отец взгляделся, он увидел, что перед третьим караваном высятся редкие мостовые опоры, но самого моста не было. Тогда отец взял бинокль и вышел из рубки. В местах, где уже исчезла утренняя дымка, между опорами вырисовывалась часть моста. Она торчала из воды на метр или на два. Только крайняя опора удерживала половину моста. Получалось так, что дорога по мосту вела с берега прямо в воду. Значит, он не ошибся — это Орехово. Из тумана начали появляться очертания самых высоких зданий на берегу. Отец хотел позвать жену, но увидел, что она уже на палубе.

— Мост взорвали.

— А вдруг там люди были? — испуганно зашептала мать.

Из рубки на соседней барже спустился матрос, постоял, показал на взорванный мост и с возмущением погрозил кулаком.

— Бандиты. Сербы... — произнес он по-немецки.

Он или не знал, где они находятся, или еще не успел понять, что в последнее время не только сербы воюют на Дунае против немцев.

— Это скорее болгары, — показал отец на левый берег. — Или румыны, — показал он на правый берег. — Сербы... нет. Сербия выше по течению.

— Бандиты,— настаивал матрос. — Всех стрелять! — добавил он на ломаном чешском языке, чтобы его лучше поняли. Матрос погрозил кулаком и скрылся в каюте. Других чешских слов, кроме «всех стрелять!», он, видимо, не знал.

Рулевой на соседней барже вышел на палубу позже, словно дожидался, чтобы матрос ушел. Встретившись взглядом с отцом, он только рукой махнул, что могло означать: черт с ним, с мостом, но и черт с ними, с болгарами, и с румынами, и с матросом, которого это огорчило, а также пошли к черту все немцы, да и я тоже. Жест рулевого мог означать что угодно, и, чтобы его ни о чем не спросили, он ушел.

Соседняя баржа называлась «Бавария». В последнее время это название встречалось повсюду. Вниз по течению Кралики везли ящики, на которых было крупно

написано: «Бавария». Когда потихоньку вскрыли один, то увидели коробки, тоже с надписью «Бавария». В коробках были упаковки с надписью «Бавария», а в упаковках — лекарство. Было, может быть, сто тысяч, а может быть, миллион таких упаковок. В Румынии их перегружали в вагоны, и вагоны везли их дальше и дальше, наверное, на русский фронт — спасать от смерти немецких солдат. Сколько таких барж задержал этот мост, сколько товаров с надписью «Бавария»! Как же тут не сердиться матросу с баржи того же названия?

2

Перед обедом у моста начали расчищать проход для судов и взрывать остатки моста. Какое-то время у моста наблюдалось движение, шныряли катера, видно, закладывали взрывчатку. Потом катера отошли к берегу, и между опорами начали вздыматься столбы воды. По их высоте можно было определить силу взрыва. Треск чередовался с гулом, так что дрожали палубы судов и берега. Сразу после взрывов катера снова направлялись к мосту, потом опять повторялись взрывы.

Речникам было уже не до моста, потому что на поверхности реки появилась оглушенная взрывами рыба. Некоторые даже спустили шлюпки и вылавливали ее, а другие бегали по палубе с сетками, всячески пытаясь дотянуться до рыбы.

Отец тоже взялся за сеть, но Дунай никак не хотел помочь Краликам. Мимо плыла только мелочь, потому что крупную рыбу выловили уже впереди. Вот бы спустить шлюпку, тогда можно было бы поживиться, но отцу делать этого не хотелось, да и не с кем было. Матроса пани Елена не отпускала, а одному страшновато, несмотря на то что течения почти не видно.

Волнение Марек, с которым он следил за движением у моста, постепенно сменялось чувством жалости и даже безнадежности. Столько рыбы, а достать нельзя! Дунай, пригони к нам рыбу, ты же нам не чужой! Ну хотя бы такую, как тот сазан, которого мы с Гажо поймали! Для Милко! Большую рыбу он еще не видел. Посмотри, как он высовывает голову через борт. Дунай! Пошли нам рыбу, пожалуйста! Милко с ней играть будет.

Но жадина Дунай угнал всю рыбу, и Марек снова стал ждать взрывов. В Братиславе, помнится, им везло больше. Там они вылавливали апельсины, наловили целую корзину и таз. Марек никогда столько апельсинов не видел. И все хорошие, только несколько штук подгнило, но и их можно есть, если срезать гниль.

«Видишь, Марек, как тебе Дунай рад, — говорил отец в Братиславе. — Апельсины тебе послал, наверное, соскучился, долго тебя не видел».

«Откуда их столько?» — спрашивал Марек.

«Вон в седьмом складе сгнили, — показал отец на склад под мостом. — А теперь их высыпали в Дунай в твою честь».

«Неужели нарочно? — удивлялся Марек. — Столько апельсинов. Жалко!»

«А что ж с ними делать?»

«Раздать», — соображал Марек.

«А кто потом хорошие купит? — объяснял отец. — Люди наедятся подгнивших, а хорошие не раскупят. И они сгниют».

Хоть отец все очень понятно объяснял, но понять это Марек все равно не мог, потому что у него перед глазами стоял Лойзо Крнач, который съел апельсин вместе с кожурой. Мальчишкам с их улицы хороши были бы и подгнившие апельсины. Речники тоже едят подгнившие, и ничего.

«Посмотри, какой красивый! — показал Марек на большущий апельсин. — Поймай его, папа, он наверняка хороший».

Много тогда плавало апельсинов, все речники себе наловили так же, как сейчас ловят рыб, но отцу с Марекком сегодня не везло. Вот если бы тут был Гажо, то наверняка

спустили бы шлюпку, а Лойзо так бы и прыгнул за рыбой в воду. Постепенно Марек убеждался, что в жизни речников воспоминания занимают очень большое место. Никто и ничто на воде не забывается.

Он решил попросить пани Елену, чтобы она отпустила мужа. Вот начнутся взрывы, и он пойдет к ней. Катера уже долго кружились у моста. Матрос на барже «Бавария» тоже смотрел на мост. Он что-то сказал Мареку по-немецки, но Марек его не понял, потому что слова его были не те, которые обычно употребляли речники в разговоре.

Рядом с якорной цепью проплыла пустая бутылка, она ткнулась в борт и поплыла вдоль него. На какой-то миг бутылка застряла между баржами, там по воде плыли ветки. Марек шел за бутылкой вдоль борта и вдруг увидел большую темную спину рыбы.

— Рыба! — закричал он. — Большая рыба!

Рыба исчезла под водой, но потом вынырнула в другом месте. За это время Марек пережил сущие муки. Было ясно, что рыба оглушена и что ее вот-вот унесет течением. Нужно было спешить. Марек быстро сбегал за сачком и ловко подхватил рыбу. Она едва прошла в обруч. Но вытащить сачок на палубу он не смог.

— Папа, рыба! Рыба! — кричал мальчик изо всех сил. — Помогите мне, где вы?

Он только теперь понял, какая большая рыба ему попалась, такая большая, что едва умещалась в пространстве между баржами. Марек даже понял, что это карп. Но сачок казался все тяжелее, он тянул Марека вниз, и мальчик удерживал его из последних сил.

— Папа, быстрее, а то не удержу! Уплывет!

Первой выскочила на палубу мама. Как увидела, что делает Марек, сразу же закричала:

— Брось сачок, а то утащит!

— Не брошу! Пришли папу.

— Отец, иди скорее сюда! — стукнула она в стекло. — Быстро! Где ты?

— Что случилось? — испугался отец, как будто Марек уже упал в воду.

Он подбежал к сыну и вытащил сачок с рыбой на палубу.

Карп оказался великаном, но вместо благодарности на голову рыбака посыпались укоры.

— Совсем одурел! — кричала на него мать. На рыбу она даже не посмотрела. — Ведь ты мог упасть между баржами.

— Зато поймал, — сиял от гордости Марек и не слушал, что говорит мать. — Сколько в ней? Наверное, побольше того сазана. Давайте взвесим!

— Я тебе взвешу! — оттаскивала его от рыбы мать. — Такого тебе взвешу, что всю жизнь будешь помнить! Ты почему не позвал отца?

— Да ее чуть не унесло, — сказал Марек.

— Тебя могло вместе с ней утянуть! Плевать мне на твою рыбу! Я ее и есть не стану. Марш в каюту! Сиди и читай! Или пиши! Мы тебя на две недели раньше из школы взяли и обещали учительнице, что ты будешь заниматься. А ты тут за рыбами гоняешься!

Своим криком мать хотела заглушить испуг. Самым разумным в такую минуту было ее послушаться. Милко поглаживал рукой рыбу и кричал: «Иба, иба!» Отец громыхал корытом и ведром. Наверное, поднимает ведро с водой и наливает в корыто. Положит рыбу, куда нужно, и все будет в порядке. Как только мама кончит кричать, можно будет снова вернуться на палубу. Всегда так.

Марек вынул из сумки судовой журнал, присел к откидному столику и стал писать. В журнале было не много исписанных страниц. Сначала записи делались регулярно, как он и предполагал. Тут были названия городов, через которые проплывала баржа, но потом мальчик подумал, что названия городов есть и на карте, и перестал их записывать. Он стал писать только даты, а города решил пометить когда-нибудь потом, может быть дома. У Габы тоже есть карта. Но о рыбе Марек решил записать сразу. Он

подчеркнул число красным, а потом написал: «Я поймал рыбу. Весила... кг». Вес он запишет, когда рыбу взвесят. Он посидел еще в каюте, а потом тихонько вернулся к рыбе.

— Это рыба, Милко!

— Иба, иба!

— Карп. Во какой хвост!

Милко шлепал руками по воде в корыте, радовался, несмотря на то что рыба лежала на боку. Чего бы сейчас Марек не дал за то, чтобы она ожила! Живая рыба могла быть в корыте до конца каникул, а эту сразу нужно очистить и съесть. А жаль!

Он снова вспомнил мальчиков с улицы. Вот бы видели они, как он держал сачок! Надо будет припрятать пару чешуек и плавничок с хвоста, чтобы ребята наверняка поверили. Пузырь тоже надо высушить, если он не лопнул. Отец говорил, что у всех глушеных рыб лопаются пузырь. У этой, может быть, уцелел. Не видит же отец насквозь.

3

Прошло два дня, пока разбирали взорванный мост. За это время у моста с обеих сторон скопилось множество судов под самыми разными флагами. Стоял тут французский пароход «Париж», необычная форма которого, особенно его высота, вызывали усмешку у речников. С французским судном на Дунае Кралики впервые встретились в Сульне, как раз у нулевого километра, где стоит величественная православная церковь, поэтому нечаянно называли француза «плавучей церковью». Неподалеку стояли суда «Йозеф Валлнер» и «Мария Валлнер», которые принадлежали частной компании, а не дунайскому картелю. В промежутке между «Валлнерами» и «плавучей церковью» был и словацкий флаг. Там стоял один из трех дунайских «братьев»: или «Штур», или «Мойзес», или «Ваянский». Вот только какой именно — прочитать было никак нельзя, не разберешь. Но смотреть хотелось только на флаг, особенно когда ветер разворачивал его полностью. Все-таки земляки!

Глушеной рыбы становилось все меньше, видно, кончались дунайские запасы. Речники видели из рубок, как солдаты строят понтонный мост. Вместо понтонов подтянули к мосту пустые баржи с ближайших пристаней. После того как по новому мосту промаршировали несколько военных колонн, стали пропускать суда, а четыре баржи отвели в сторону.

Над Дунаем разносились гудки нетерпеливых пароходов, между которыми шныряли катера с регулировщиками. Через несколько часов подошла очередь каравана, который тянула маленькая «Дые». Когда проходили старый мост, все осматривали железные траверсы, развороченные страшной силой, которой может гордиться только взрывчатка. Потом проходили понтонный мост, а выше по течению под немецким флагом стоял на якоре старый сербский пароход. И снова, как и много раз до этого, Кралики ломали себе язык, не могли прочитать название парохода «Ускок» — «Ускок» или «Уцкок»... Читали, разгадывали название старого ветерана и вдруг нечаянно взглянули на палубу.

Там в окружении солдат стоял человек в форме речного капитана. Это он взорвал мост — сообщал репродуктор сразу на нескольких придунайских языках. Рядом с капитаном стояли несколько его товарищей, которых немцы поймали в румынских лесах. Капитана держали под прицелами четырех автоматов.

— Господи боже! Как его изуродовали! — в ужасе сказала мать, когда они проходили вблизи.

Узкий проход в понтонном мосту заставил баржу проплыть совсем рядом с пароходом-ветераном, и Кралики увидели, что у капитана обрублены руки, а сквозь повязки на руках сочится кровь. Руки обрубили только что, видно, как раз перед тем, как пропустить суда. Этим, без сомнения, пытались запугать речников. Матрос на соседней барже стоял при этом по стойке «смирно» и салютовал.

— Милко, ты видел? — спросил Марек младшего брата, у которого только глаза выглядывали из-за борта. — Ты видел? У него отрубили руки.

Милко показал свои первые зубки и весело хлопнул в ладоши. Он-то это воспринимал как представление.

— Что он, глупенький, понимает? — сказала мать и взяла малыша на руки.

С соседней баржи послышалась ругань.

— Цум штойер! — кричал рулевой матросу. — К рулю!

Матрос не послушался и остался на палубе, вдобавок он стал кричать и грозить рулевому. Потом снова встал по стойке «смирно» и поднял руку.

— Сумасшедший, — прошептала мать и пошла в каюту, чтобы его не видеть. — Вот сумасшедший! Пошли, Марек! Пошли отсюда!

— Я еще посмотрю, — сказал Марек и поднялся к отцу в рубку.

Выше ветерана «Ускока», или «Уцкока», через Дунай были натянуты рыбацкие сети, в которые ловили мины. В сетях тоже был проделан проход. Новые и новые суда проходили сквозь эти три прохода, и пароходные трубы оставляли на низком небе черные траурные ленты.

4

Когда проплывали пороги, караван разделили на три части. Три баржи тянул «Сватоплук», две — немцы, а одну взяла себе «Дые», но и с одной баржей она никак не поспевала за другими. Когда в Молдаве караван снова перестраивался, «Дые» с последней баржей туда еще не пришла.

Отец помогал немецкому рулевому укладывать на корме канат. Потом он скрутил трос, подал ему и, подыскивая немецкие слова, сказал, что дальше они пойдут рядом.

— Да, да... — закивал головой немец.

Потом он стал объяснять отцу, что кто-то из лоцманов забыл перчатки в рубке. Отец сначала не понял его, поэтому немец жестами показал, как натягивают перчатки. Мать смотрела на них из каюты и думала, что они разговаривают о капитане, который взорвал мост.

— Что он тебе говорил? — спросила она отца, когда тот вошел в каюту.

— Ничего, — сказал отец. — Кто-то забыл у него перчатки, а он не знает, куда их деть. Я сказал, чтобы взял себе, на свадьбу пригодятся.

— Он ведь женатый, — сказала мать. — Он говорил, что у него ребенок есть.

— Ну и что? Он и так ничего не понял. У него такое чудное наречие, что не всякий немец его поймет.

— Я думала, он говорил про того капитана, которому руки отрубили.

— Зачем? — нервно спросил отец. — Ты только об этом и думаешь.

— Да, — призналась мать. — Он так и стоит у меня перед глазами. И когда ты был за рулем, и когда канат укладывал, я все думала об этом и думала. Не могу понять, как можно кому-нибудь отрубить руки. Что делать человеку без рук? Лучше бы совсем убили. А он стоял, как будто ему все нипочем. Спокойный, словно все сделал в жизни, что мог...

— Знал, на что идет, когда взрывал, — сказал отец. — Да мы видели вещи и пострашнее.

— Но это было почти на наших глазах. Непросто такое забыть. Есть теперь о чем рассказать, Марек. Ты уж, верно, и пожалел, что с нами поехал. Сидел бы ты себе дома и ничего бы такого не знал. Это не для детей.

— Ну хватит! — сказал отец. — Словами не сможешь. Укладывай лучше детей.

— Рано еще, — возразил ему Марек.

Они вышли с отцом на палубу: не идет ли «Дые» с последней баржей. Видно, где-нибудь застряла. Утро придется ждать ее, а может, их заберет другой пароход.

Смеркалось, и берега незаметно чернели. На сербском берегу ничего нельзя было разглядеть. У румынского белел только пассажирский пароход «Святой Геллерт». Он был значительно выше других судов, а в темноте и подавно казался двухэтажным домом. Повсюду мерцали светлячки фонарей. На барже Краликов тоже зажгли фонарь. «Дые» уже не придет.

Утром «Святой Геллерт» вывел на свободное место угольную баржу. Ну и смешно! Роскошный пароход и старая баржа, на которой высились горы угля. В мирное время невозможны были такие контрасты.

К общему удивлению, «Святой Геллерт» не ушел от каравана. Он подал трос судну, которое стояло рядом с угольной баржей. Все знали, что это значит.

— Мама, ты знаешь, кто нас поведет? — влетел Марек в каюту. — «Святой Геллерт»! Ты только посмотри, нас уже прицепляют.

Он радовался, что их потянет прекрасный пароход, который только и делал раньше, что возил господ на прогулки. Теперь и они, речники, тоже господа! Марек быстро съел завтрак и побежал в рубку, чтобы полюбоваться на пароход с высоты.

Пока отец и матрос возились с якорем, Марек держал в руках штурвал, и ему казалось, что он управляет баржей. Марек поворачивал штурвал вправо и влево, чтобы баржа не отклонилась от курса, и смотрел на командный мостик, чтобы не пропустить ни один сигнал. За этим занятием его и застал отец.

— Я смогу удержать штурвал, — сказал маленький юнга. — Только позволь, увидишь, что удержу.

— В другой раз, Марек. Сейчас ветер. Смотри, как дым относит от парохода.

Марек смотрел, как ветер срывает дым и несет его к берегу.

— Гроза будет? — спросил он отца.

— Да нет! Туч не видно. Покачает только, как на качелях, зато бесплатно.

Когда позади остались последние холмы на берегу и караван вышел на открытые просторы под Бизиашем, к качке прибавились удары боковых волн. Некоторые волны переваливались через палубу, а некоторые разбивались о борт судна, и тогда фонтаны воды взлетали вверх. На палубу вышел матрос. Он знал, что одному человеку в такую погоду трудно удержать штурвал, поэтому решил помочь отцу.

— Черти женятся, — пошутил матрос и взялся за штурвал с другой стороны.

— Тут всегда ветер. Только теперь у него есть во что дуть, — кивнул отец на пассажирский пароход перед караваном. — Этот святой при сильном ветре и один еле тащится, а тут еще баржи.

— Вы видели флаг в Градиште? — спросил матрос. — Все еще сербский. И внизплыли, тоже был сербский. Долго они держатся.

— За это время его могли пару раз поменять, — сказал отец.

— Чудной городок! С начала войны все время меняют флаги. И не надоело этим сербам воевать за один город?! Там уж, наверно, камня на камне не осталось. И немцы тоже... Зачем им развалины? Флаг поднять? Только и всего?

Матрос был непривычно разговорчив. В иное время за неделю столько не наговорит, сколько теперь. При каждой новой волне замолкает, а потом вновь продолжает, из чего можно было понять, что он просто боится ветра и говорит, чтобы не думать об опасности.

Бизиаш проходили почти в девять. Этот город лежит на границе между румынским и сербским берегом. Выше по течению оба берега были сербские. Правда, насколько это точно, никто не знает, потому что в географию часто вмешивается история. А что такое история? Войны, борьба, то есть постоянное изменение границ. В войне сербов с немцами история меняла географию, и речники, чтобы хоть немного разбираться в своих дорогах, попросту разделили все на два флага или — еще проще — плавали сообразно старой географии и истории, то есть между сербскими берегами. При хорошей погоде им было не до этих мыслей, но теперь дул сильный ветер, а кому грозит

кораблекрушение, тому небезразличны берега и люди, с которыми, может быть, придется встретиться.

Речники каравана, который шел за «Святым Геллертом», особенно забеспокоились, когда Дунай повернул на запад и судам пришлось идти прямо против ветра, сила которого все возрастала. В борьбе с двумя стихиями — течением и ветром — моторы парохода лишь удерживали караван на одном месте. До обеда суда совсем не продвинулись вперед, стояли так прочно, словно были на якоре.

Навстречу каравану пароходы не шли, а летели, а те два, что обогнали караван, с ветром справлялись гораздо легче, чем «Святой Геллерт». Мимо прошла и маленькая «Дые», которая тянула четыре баржи. В то время, когда она метр за метром обгоняла баржу Краликов, мать вместе с Милко поднялась в рубку. Вместе с мужчинами она очень жалела, что их не оставили в Молдаве дожидаться, когда придет «Дые». Ветер не дул в нее с такой силой. Она была низенькая незаметная «работница». «Святой Геллерт» сделали для забавы, чтобы возить господ на прогулки, и, когда Дунай превратил его в «работника», великолепная высота парохода стала для него обременительна.

Все, что раньше украшало пассажирский пароход, теперь таило в себе опасность. Караван стал игрушкой в руках стихии. Волны переваливались через палубу. Из глаз

вдруг исчезала половина палубы, а когда она появлялась снова, на ней не было кладки дров, курятника вместе с курами или бревна, которое недавно вытащили из воды и сушили на дрова.

С угольной баржи вдруг слизнуло спасательную шлюпку. И она теперь вертикально торчала из воды между судами во втором ряду.

В передней каюте от удара волны раздался такой треск, что пани Елена выскочила на палубу. Она побежала к рубке, на что никогда не отваживалась даже при хорошей погоде. В это время навалилась волна, и пани Елена ухватилась за кронштейн, обняла его и не выпускала из рук даже тогда, когда волна уже умчалась прочь.

— Держись, Елена! — испуганно закричал ее муж. — Удержите штурвал? — спросил он отца и, не ожидая ответа, побежал к жене.

Из рубки было видно, что пани Елена никак не хочет оторвать руки от кронштейна. Пока матрос ее оттягивал, через них перевалилось несколько волн. В рубку они вбежали мокрые с головы до ног.

— Я здесь последний день, — тряслась от страха пани Елена. — Если я это переживу, уйду на берег и еду домой. Пешком пойду! Я здесь последний день и жалею, что попала сюда. Я уж думала, что пробило борт и мы тонем, такой был треск.

— Да шлюпку сорвало и бросило между баржами, — успокаивал ее матрос, который был взволнован не меньше жены. — Шлюпку сорвало, и больше ничего. Вон там она, посмотри! Чего бояться? Как же может деревянная шлюпка пробить борт?

— Ты же сказал, что сразу вернешься, когда уходил, — со слезами выговаривала Елена мужу. — Зачем ты оставил меня одну? Я чуть с ума не сошла. Да я уже сумасшедшая! Почему ты не вернулся?

— Я думал, что ветер вот-вот перестанет. При таком ветре у штурвала должны стоять двое. Успокойся, Елена! Все хорошо! Если выдержит угольная баржа, все будет хорошо. Пожелай ей удачи! От нее зависит наша судьба.

Ненароком он упомянул самую большую опасность для всего каравана — открытую угольную баржу. Отец хорошо знал об этом, он чаще поглядывал на угольную баржу, чем на «Святого Геллерта». Волны, которые скатывались с угольной баржи, были значительно меньше тех, которые на нее налетали, потому что вода затекала в трюм. Всякий раз, когда баржа выныривала из воды, у отца проносилась в голове мысль о «чуде». Чудо, что она удержалась на воде, что все живы. Угольная баржа была промежуточным звеном между остальными баржами и пароходом. Если она потонет, все баржи потянутся следом за ней или разобьются о берега. Отец хорошо это понимал, но вслух не говорил, чтобы не накликать зла. Угольной баржи боялись все, но вместе с тем и надеялись на нее: если выдержит она, значит, выдержат все.

— А почему мы не возвращаемся, если не можем идти вперед? — спросила пани Елена, глядя на «Святого Геллерта». Она понемногу успокаивалась. — Отошли бы в тихое место, откуда вышли...

— Тогда надо разворачиваться, — сказал матрос.

— Ну и пусть развернется! Почему он не может? Пусть делает что хочет, только бы остаться живыми. Клянусь, я здесь в последний раз.

— При такой погоде он не может развернуться, — объяснял муж. — Да и угольная баржа не даст. Он делает то, что нужно. Удерживает нас в середине течения, и все. Ветер утихнет, пойдем дальше. Должен же он утихнуть! Только бы угольная баржа выдержала! Уж кажется, и не всплывет, а всплывает, молодчина! Как ей удастся, а?

— Она же наполовину из дерева, — говорил отец. — Если бы она была как мы, давно бы утонула с таким грузом. Она из дерева, даже борта, видать, деревянные. Железом она только обита, потому и держится.

— Я чуть с ума не сошла, когда в каюте все зашаталось, забегало, покатилося... Да я уже без ума! — причитала пани Елена. — Выскочила, неизвестно зачем, только бы убежать. Не помню даже, как за кронштейн уцепилась, совсем с ума сошла...

Застрявшую шлюпку выбросило на палубу соседнего судна и понесло. Казалось, что она разнесет каюту рулевого, но вдруг шлюпка зацепилась за столбик, повернулась и свесилась через борт. Шлюпка качалась вместе с баржей, как детская качалка. Все смотрели на нее, хоть и безразлично было, унесет ее или она удержится. Одного борта у нее не было, и починить ее было невозможно. Вдруг волна швырнула шлюпку на баржу Краликов, а вместо нее унесла часть детского манежа и корыто. Этой же волной открыло дверь каюты.

— Подержите-ка! — Отец оставил штурвал своему помощнику и пошел закрывать дверь.

— Не ходи, — встала на его пути мать.

— Нас затопит!

— Ну и пусть! Вычерпаем воду. Не ходи!

— Взгляни! — показал он на волну, которая заливала их каюту. — Надо!

Он сбежал вниз, заглянул в дверь каюты и закрыл ее. Но в рубку вернулся не сразу. Отец хотел сделать то, о чем думал уже давно, только при матери не решался сказать. Он выждал удобный момент, подбежал к кронштейну, под которым была их шлюпка, подсунул под шлюпку трос и поднял ее на метр над палубой.

— Ты тоже сходишь с ума? — ругалась мать, когда он вернулся. — Во мне ни кровинки не было, так я боялась!

— Нашу шлюпку не отдадим, — защищался отец. — Еще пригодится.

— Не сяду в нее, даже будь она золотая, — сказала мать. — И детей не дам, — прижала она к себе младшего сына, которого не спускала с рук. — Куда в такую погоду в шлюпке?

— Вот тебе! — крикнул отец в сторону шлюпки. Под ней как раз переваливалась волна. — Достала?

Казалось, он улыбается. Марек был в этом уверен. В душе он держал сторону отца.

— Залило твою плиту, — вспомнил отец то, что увидел в каюте.

— Там в духовке — пирог, — бессильно сказала мать. — Как раз сегодня я вздумала печь пирог. Теперь от него ничего не осталось. А я мак молола.

Она увидела, что пани Елена молится. Мать тоже стала молиться, но постепенно сбилась на совсем другие слова.

— Это наказание за руки того капитана, — обращалась она к Дунаю. — За отрубленные руки ты наказываешь нас, Дунай! Немец салютовал злодеям, а это нельзя простить. Из-за немца и мы терпим. — Она смотрела на руки отца, на руки матроса и мысленно видела руки всех речников на всех штурвалах, руки, которые были единственной надеждой в трудные времена. — Ты ветер наслал на нас, Дунай, чтобы знали мы, что значат руки для человека, чтобы знал об этом и тот, кто салютовал. Пусть откроются его глаза, пусть поймет он всю тяжесть своей вины и глубину чужого горя.

5

По борту был остров, который называли по имени дунайского ветра Кошава. По острову было видно, на сколько караван продвинулся вперед. Несколько часов баржа Краликов находилась на уровне острова, а если смотреть на течение, то казалось, что она плывет с ним наперегонки. Только спустя некоторое время, после обеда уже, начали обгонять остров, потому что менялся ветер. Постепенно он принялся дуть в борт барже, а на повороте стал подгонять караван, и, благодаря высоте «Святого Геллерта», ветер помогал каравану идти против течения. Палуба угольной баржи была почти вровень с водой, но груз она все же держала, потому что была деревянная.

Прошли несколько километров. Солнце стояло еще высоко, но «Святой Геллерт» завел караван в широкую бухту и дал сигнал бросить якоря. Ветер сюда не долетал, и, если бы не было облаков, которые неслись по небу, как рваные паруса, можно было подумать, что непогода утихла.

Бухта казалась совсем глухой, словно ни одно судно здесь никогда не бывало. На самом деле следы людей покрыла высокая вода. Уровень воды в Дунае не снижался почти два года, и речники шутили, что немцам не удастся завоевать Балканы, поэтому они решили залить их водой.

Однако речникам некогда было осматривать берега. Все занялись своими каютами.

Печка валялась на полу. Вода и сажа сделали свое дело. Отец поставил печку на место, а мать вытаскивала из духовки комья намокшего недопеченного пирога. Пальцы у ней слипались. Она уж и не знала, плакать ей над этим пирогом или смеяться.

— Рыбам его? — спросил Марек.

— Давай! Куда же еще? — согласился отец. — Пусть хоть они наедятся. Только спроси, любят ли они пирог с маком?

— Ставь трубу, — сказала мама, — затоплю плиту и сварю гуляш. Милко уснул голодный, — посмотрела она на диван, где спал малыш. — Новый манеж надо построить, а то придется без конца держать его за руку, Марек, не упали с палубы!

Мать хотела сразу же привести все в порядок, только не знала, за что взяться сначала.

Отец принес ведро и тряпку.

— Надо йоду выносить, — поглядел он в нижнюю каюту. — Совок нужен, им воду хорошо черпать. Ну и залило нас! Хоть на лодке плавай! Марек, страшно было?

— Немножко, — признался Марек. — Да и ты боялся. Только больше всех боялись мама и пани Елена.

— Я боялся? — удивился отец. — Вот еще! Речникам ветра бояться нечего. И воды тоже.

— Боялся! — смеялся Марек. — Даже молиться начал.

— Ты спал, что ли? Тебе приснилось.

— Мама, правда, папа молился?

— Да, — подтвердила мать.

— Тогда и ты спала, — весело говорил отец. — Я не старуха, чтобы молиться.

— Молился, молился! И подбородком тряс.

— Это от голода. Я представил себе, что у меня во рту колбаса, и делал вид, что жую.

Страх сменило веселье.

Отец подбирал совком воду с пола и выливал ее в ведро. Ведро он подавал Мареку, и Марек бегал с ним на палубу. Палуба подсохла, и вода оставляла на ней черные языки. Дунай тоже утихомирился. Он блестел, как стекло, и закатное солнце расцвечивало его всеми красками. Дунаю теперь не хотелось показывать свою силу, а речникам не хотелось ни просить его о спасенье, ни проклинать. Они вернули Дунаю его воду, и не было между ними обид. Из каюты доносился запах гуляша. Казалось, что скоро этот трудный день уйдет в прошлое, что сегодня ничего уже не может случиться... но вдруг раздался оглушительный пушечный выстрел.

Бухта отозвалась громким эхом. Из прибрежных кустов выплыло с десятков рыбацких баркасов.

— Господи! Партизану! — вскрикнула мать.

В испуге она схватила с дивана спящего Милко, а другой рукой подхватила руку Марека, чтобы оба сына были с ней рядом.

Отец вышел на палубу.

Баркасы быстро приближались к каравану. В каждом из них стояли два человека с ружьями или автоматами, а остальные гребли. На одной лодке, по-видимому командирской, в руках у партизана, кроме автомата, был громкоговоритель, и он что-то говорил в него по-венгерски, обращаясь к «Святому Геллерту».

— Что он говорит? — тянул Марек отца за рукав.

— Чтобы мы сдались, — переводила мать. — А то нас потопят.

— Не нас, — поправил ее отец. — Пароход хотят потопить, пароход должен сдаться.

— Что мы им сделали? — повернулась мать к пани Елене и матросу. Они тоже вышли на палубу. — Не могут нас оставить в покое! Мало мы за день натерпелись.

— Тебе бы только причитать, — повернулся отец к матери. — Уведи детей! Жди в каюте!

— Нет! — сказал Марек и взял отца за руку. — Я с тобой!

Марек считал баркасы. Насчитал десять, а потом двенадцать, никак нельзя было сосчитать точно, потому что баркасы все время двигались, окружая караван со всех сторон.

Но вот баркасы остановились, громкоговоритель замолчал, и в бухте установилась напряженная тишина.

Речники стояли на палубах и смотрели на «Святого Геллерта». Теперь все зависело от того, что решит капитан. Капитан и солдаты, которые сопровождают караван.

— Надо было плыть дальше, — сказал отец, помолчав. — Времени хватало. Чего лезть в дыру, как крыса?

— Куда в такой ветер плыть? — спорил с ним матрос. — Мы так радовались, что выбрались наконец.

— Ветер почти утих, а потом его и вовсе не было. Посмотрите на флаг, обвис совсем, — показал отец на мачту «Святого Геллерта». — Надо было дальше идти.

— Это только в бухте, — настаивал матрос. — На реке еще дует.

— Все равно надо было идти. — Отец вдруг решил отказаться от того, что годами было принято на Дунае. — Самое страшное уже позади.

— Молчи, — сказала мать. — Филип прав. Мы все радовались остановке. А когда же в каютах прибраться? Детям в воде, что ли, спать?

Перебранка была совсем безосновательная. Отец стоял на своем только потому, что появлением партизан вывело его из себя и ему хотелось на чем-нибудь отыграться. Если бы матрос утверждал обратное, он бы говорил то, на чем настаивал матрос. Но как только на палубе «Святого Геллерта» обозначилось движение, о перебранке забылось, и все напряженно смотрели туда, откуда должно было прийти решение.

Солдаты и команда собрались на палубе. К пароходу подошел командирский баркас, которому, видимо, дали сигнал. Остальные баркасы остались на своих местах. Течение было слабое, почти не видное, и, чтобы держаться на одном месте, достаточно было погрузить в воду, весла.

— Как вы думаете, они сдадутся? — спрашивала пани Елена. — А если нет?

— Сдадутся, — сказал отец. — Ничего другого не остается. Пушка стреляла. Наверняка они под прицелом. Да вот и сдаются! — показал он на мачту парохода.

Венгерский флаг на «Святом Геллерте» побежал вниз, а вместо него поднялось белое полотнище. Ветер взметнул его, показал, что оно действительно с двух сторон белое, и флаг повис. Баркасы сразу пришли в движение. К каждой барже подошло по баркасу, а остальные направились к пароходу. С каждого баркаса на баржи поднимались по два или три партизана и направлялись к речникам, которые группами стояли на палубах. Немец на соседней с Краликами барже держал над головой белый платок. Он, видно, считал себя представителем целой Германской империи, к которому пришел на переговоры неприятель.

На судно 6714 поднялись двое. Одному из них, низкорослому бородачу, было лет тридцать. Брился он, наверно, тогда же, когда и стригся, поэтому выглядел как ежик. Второй был выше ростом, побрит, на голове у него надета фуражка железнодорожника. Это делало его похожим на офицера. Он выступал в роли парламентаря.

— Добар дан, брат! — сказал он, когда подошел поближе. — Добрый день, брат! — Отцу и Филипу он подал руку, а детям и женщинам только кивнул. — Мы сербские партизаны. Воюем против фашистов. Нам нужно кое-что из вещей, а купить нигде не можем. Поэтому мы решили к вам обратиться. Есть у вас что-нибудь для продажи?

Отец с Филипом переглянулись. Будут они покупать! Заберут, и все! Только, к счастью, не у нас, потому что тайник за досками вам не найти, а остальное не многого стоит.

— Мы везем кукурузу, — сказал отец. — Но трюмы закрыты и опломбированы. — Он показал на замки и пломбы.

«Ежик» подошел к рубке, обошел ее кругом и вернулся. Показалось, что он сейчас войдет в каюту, но он даже в дверь не заглянул. Может быть, стеснялся женщин, а может быть, ему мешало сознание того, что он на неприятельском судне, или думал, что ничего не найдет.

— Имате ли петрол? — спросил партизан, похожий на офицера.

— Керосин? — повернулся отец к матери, словно спрашивал разрешения торговать. — Керосин есть. Немного. Одна канистра, — показал он один палец.

— Мы купим, — сказал серб. — Принеси.

Отец вытащил из-под рубки канистру керосина. Он хотел было дать им другую, которая была наполовину пуста, но побоялся: вдруг проверят? Он подал канистру «ежику». Раз молчит, значит, он тут за носильщика.

— Двадцать пять литров, — сообщил отец.

«Офицер» кивнул.

— Что еще есть? Оружие, снаряжение?

— Откуда у нас? — Отец говорил правду. — Вот табак есть, — быстро добавил он, чтобы сербы не стали осматривать баржу. — Табак. Доган. Понимаешь?

— Доган купим. Принеси! — сказал партизан.

Отец пошел в нижнюю каюту, и с ним Марек. Отец отодвинул доску в стене и вытащил две коробки табаку, который приготовил для дедушки. Остальной табак оставил на месте. Поколебался, не убрать ли одну коробку назад, ведь табак болгарский, хоть и дешевый, но не сделал этого, потому что в Братиславе из порта ему легче будет вынести две коробки, чем три. Отец взял две коробки и отнес их «ежику». Тот понюхал табак и одобрительно улыбнулся.

— Больше ничего нет? — спросил «офицер» и повернулся к Филипу, как бы говоря, что это и его касается.

— Ничего, — сказал отец. — Только сливовица. Цуйка. Одну бутылку дам. Хочешь?

— Цуйку? — засмеялся серб. Он явно обрадовался, что речник знает название домашней водки. — Цуйку сам пей на здоровье, брат! У нас ее много.

Взаимное недоверие в это время совсем пропало. Партизан оглянулся на другие суда, не собираются ли его товарищи на берег. Пожалуй, пока нет. Он погладил Марека по голове и спросил, как его зовут.

— Марек.

— Марек? — переспросил серб.

— Кралик, — сказал Марек и быстро добавил: — А еще у нас соль есть.

— Соль? — оживился парламентар.

— Зачем им соль? — сказала мать и, смеясь, повернулась к партизану. — И ему торговать хочется, — показала она на мальчика. — Соль хочет продать.

— Соль — это со, — перевел отец.

— Соль - со? — Сербский партизан обрадовался. — Соль - со нам очень нужна. Купим.

— Вам нужна соль? — удивилась мать, что им нужна такая обычная вещь.

— Сколько у вас соли?

— Полную лодку насыпем, — убеждал отец. — Посмотрите! — подвел он сербов к угольному ящику и открыл крышку. — Вам и не увезти.

— Со! — заглянул в ящик «офицер», словно клад нашел. — Смотри! — показывал он рукой «ежику». — Сюда! Быстро! — позвал он товарищей с соседней баржи, которым у немцев, видно, ничего не удалось раздобыть. — Идите помогать.

Когда все налюбовались на соль и перестали удивляться, партизан снова повернулся к отцу:

— Сколько соли продашь?

— Бери всю! Зачем она мне? — смеялся отец. Он дал знак партизанам в лодке, чтобы те подошли поближе.

Партизан сказал им об этом по-сербски.

— Вот рады! — повернулся отец к женщинам. — Хорошо еще, что мы соль не выбросили в Дунай. Я сколько раз собирался. Хорошо, не успел. Вот она и пригодилась.

Он вытаскивал из ящика комья каменной соли. Сербы с Филипом передавали их в баркас. Куча в середине баркаса росла, а в ящике соль почти не убавлялась. Пришлось позвать баркас от соседнего судна, который так и стоял пустой.

Когда всю соль погрузили, партизан подошел к отцу и сказал:

— Пойдешь с нами.

— Куда? — удивился отец. Он уж думал, что все это скоро кончится.

— В штаб. За деньгами.

— За какими деньгами? — вмешалась мать. — Он эту соль хотел в Дунай выбросить. А керосин мы получаем. Берите так!

— Он должен пойти с нами, — повторил партизан. — Это приказ комиссара. Каждого мужчину вести в штаб. Ничего не случится, не бойся! Он вернется.

«Ежик» подал партизану в баркасе канистру с керосином, а табак из рук не выпустил, так с ним и сел в баркас. Другие партизаны вели команду соседнего судна. Немецкий матрос руку опустил, но белый платок все еще держал наготове. Он шел рядом с рулевым. С тех пор как они поссорились у трех проходов, их никто вместе не видел. Партизан, который шел за ними, держал их под прицелом, и это перепугало мать и Елену.

Мать схватила отца за руку и пыталась упротить сербов.

— Не пущу! У него двое детей! — показывала она на мальчиков. — Оставьте его по-хорошему. Мы целый день плыли против ветра. Ему отдохнуть надо.

— Это приказ!

— А что мне сделают, если я не пойду? — спросил отец перед тем, как спуститься в лодку.

— Ты должен.

Партизан, похожий на офицера, сошел в лодку последним. Он оглянулся, встретился глазами с матерью и снова начал ей говорить, что отец вернется, что ничего плохого не случится. Отец тоже пытался ее успокоить. Серб уперся рукой в борт баржи и хотел уже баркас оттолкнуть, но Марек вырвался у матери и спрыгнул в баркас к отцу.

— Я с тобой.

— Не смей! — сказал отец и попытался поднять его назад, на палубу. — Останься с мамой!

— Нет, я с тобой! — настойчиво повторял Марек. Он словно прилип к отцу. — С мамой останется Милко и пани Елена. А я с тобой!

— Приказ только для мужчин, — сказал партизан.

— Я тоже мужчина! — не сдавался Марек.

— Ну, если ты мужчина, поехали! — Сербский партизан изо всех сил оттолкнул баркас от баржи.

6

Груженные баркасы приближались к берегу и пропадали из виду, словно под ними раскрывалась земля. За бухтой, в которой остановился караван, была еще одна бухта, а между ними — мыс, заросший густым высоким кустарником и деревьями. Почти весь мыс был покрыт водой, поэтому казалось, что баркасы каким-то таинственным образом исчезают в кустах. Именно в этой второй бухте и прятались рыбацкие баркасы. Без такого тайного пристанища трудно обойтись партизанам.

Здесь уже причалило несколько баркасов из тех, что стояли вокруг «Святого Геллерта». Они привезли солдат и железные бочки с керосином и мазутом. Человек восемь солдат, кучкой стоявших у леса, охраняли только два партизана. Бочки выкатили на берег, и порожные баркасы вернулись к каравану.

Отец, Марек и матрос Филип вышли на берег. Им приказали остаться у баркасов и ждать, пока принесут какую-то бумагу. Отец не совсем понял этот приказ, но послушался, потому что другие речники тоже ждали чего-то.

Мареку очень хотелось заглянуть в баркас, у которого останавливались почти все партизаны. Шаг за шагом он отходил от отца поближе к баркасу. Оттуда передавали на берег автоматы, несколько ружей и ящички, в которых наверняка были боеприпасы, потому что обращались с ними с особой осторожностью. Все это складывали на телегу. Марек заметил, что солдаты с парохода косятся на оружие. Может быть, ему только показалось, что они косятся? Он ждал, не попытаются ли они захватить оружие, потому что на четверых солдат приходился всего один партизан. Марек даже боялся, вдруг начнется стрельба, но солдаты повернулись к телеге спиной и закурили.

К команде болгарской баржи подошел мальчик лет десяти. В одной руке была у него тетрадка, а в другой карандаш. Сербский партизан показал рукой на полные джутовые мешки, которые привезли с болгарской баржи, посчитал их пальцем и стал диктовать мальчику. Перед тем как начать писать, мальчик посплюнявил карандаш, и на его губах появилось фиолетовое пятно, словно он нарисовал себе фиолетовый зуб. Мальчик перешел потом к команде с угольной баржи, пририсовал себе еще один зуб и двинулся дальше — к баркасам с солью. Тут он нарисовал себе сразу два зуба. Исписанную бумажку он отдал сербу, а тот, не прочитав, протянул ее отцу.

На листе был номер баржи и перечень взятых оттуда вещей.

— Ну вот и заплатили, — сказал отец и показал листок Филипу. — Держи, Марек, на память.

— Не так! — сказал партизан. Он взял у Марек листок и сунул его отцу в карман. — Это справка. Комиссар выдаст тебе деньги.

После этого партизаны начали переносить соль из баркасов на вторую телегу. Одни несли большие куски перед собой, обняв их руками, другие поднимали над головой. Когда перенесли уже половину, возница решил подогнать телегу прямо к баркасу. Те, что носили соль, стали на него кричать, почему он не сделал этого сразу, но он только смеялся.

На других лодках привезли команду «Святого Геллерта». Капитану, пока он был в лодке, связали руки, но, как только он вышел на берег, партизан с громкоговорителем сразу же развязал его. На последних двух баркасах опять привезли железные бочки. Их с трудом выгрузили и подкатили к тем, что уже стояли на берегу.

Речники думали, что теперь их отпустят, потому что партизанам нужно было переправлять товары дальше. Однако партизан с громкоговорителем повторил приказ комиссара о том, что все речники должны идти с ними.

— Наверное, бояться, что мы баркасы потопим или бочки увезем. Они их тут оставляют, — сказал Филип отцу.

Отец снова хотел протестовать, чтобы его с мальчиком отпустили на баржу, плевать, мол, ему на их баркасы и бочки, но молчала команда с парохода, молчали солдаты, поэтому и отец только ворчал, но делал то же, что и другие.

Марек все время оглядывался, не увидит ли он сквозь заросли свою баржу, но только раз ему удалось разглядеть кусок чужой палубы. Потом Марек увидел ослепительную, золотую дорогу к солнцу — отражение солнца на поверхности воды, и эта дорога вместе с огромной солнечной точкой была похожа на перевернутый восклицательный знак.

7

Чем дальше они отходили от Дуная, тем более редким становился лес. Иногда можно было увидеть всю колонну сразу. Впереди — телеги, за ними тянулась команда «Святого Геллерта», потом шли партизаны, солдаты и снова партизаны. Остальные, переговариваясь, шагали за ними. Если бы у партизан не было автоматов, они бы ничем не отличались от остальных.

Иногда Марек переставал замечать их присутствие. Он чувствовал себя на берегу так, словно был на прогулке, снова появился в нем интерес к земле, на которой все кажется новым для речника. Временами он сходил с дороги и пробирался чащей. И тут ему вздумалось нечто такое, что на судне и в голову прийти не могло. Он попросил у отца нож.

— Зачем тебе?

— Прут срежу. Для себя и для Милко. Надо же ему что-нибудь принести. Ведь ветки такие длинные и прямые...

— Зачем они вам?

— На удочки.

— Срежешь на обратном пути. Чего таскать зря? — сказал отец. — Дай-ка мне руку, а то потеряешься, мама меня без тебя и на баржу не пустит.

Марек шел рядом с отцом. Очень ему хотелось сделать удочку. На палубе такие прутья не растут, и Дунай не пригонит их к борту. Он сразу, как всегда в таких случаях, когда отец ему в чем-нибудь отказывал, вспомнил Гажо. Гажо не поленился бы таскать удочки с собой.

— А вдруг там будет Гажо? — повернулся Марек к отцу. — Он ведь может там быть? Правда?

— Где? — не понял отец.

— Там, куда нас ведут, — сказал Марек. — У комиссара.

— А что ему там делать?

— Ты же сказал, что он остался в Сербии, значит, мы можем встретиться. Или нет? Можем, раз он остался...

— Сколько воды с тех пор утекло в Дунае! — сказал отец. — Где он теперь? Может, дома.

— В Чехии?

— Зачем в Чехии, если Гажо словак? В Чехии у него мама.

— Ну, а где же тогда? Отца у него нет...

— Смотри-ка лучше под ноги, — сказал отец, потому что как раз в это время споткнулся.

— Может быть, он все-таки здесь, — мечтал Марек.

Он вспомнил, как прятали Гажо за досками, как ночью вместе с сербом уплыл он с баржи на берег. Почему бы ему не быть здесь? Раз они увиделись в Земуне, значит, можно и здесь повстречаться. Весь остаток пути мальчик думал о Гажо.

В помещение, где все должны были ждать комиссара, вели четыре или пять ступенек. Оно было похоже на трактир. Всюду стояли кувшины и стаканы и крепко пахло вином. Но вместе с тем его можно было назвать и погребком, потому что сидели тут прямо на бочках или на толстых досках. Большие бочки были столами. Настоящий стол там был только один, но зато длинный, словно несколько столов. Ножки его были сделаны из толстых поленьев, а столешница из тех же строганых толстых досок. Крепкий был стол. Помещение могло быть и сараем — стены были увешаны хомутами и седлами, а в углу стояли тележные колеса. Ну а в этот вечер тут была приемная комиссара.

Команду и солдат с парохода усадили за большой стол. Остальные расселись где попало и пытались разговаривать с сербами. Когда за соседним столом узнали, что отец и матрос — словаки, им дали вина и предложили выпить. После этого не так страшен был приход комиссара. Только Марек остался недоволен, потому что Гажо они так и не встретили.

Кто-то крикнул, что идет комиссар, и все повернулись к входу.

Комиссар появился в дверях, и на язык запросилось слово «великан». Для того чтобы встать в полный рост, ему пришлось сойти на две ступеньки вниз. Еще более высоким его делала папаха с блестящим значком, но и без нее он был необыкновенно высок. У него были широкие плечи и огромные руки — как у медведя лапы.

— Добро вече! — сказал комиссар. — Добрый вечер!

Пока трактирщик зажигал керосиновые лампы, комиссар стоял на ступеньке, словно давал возможность присутствующим рассмотреть свою могучую фигуру, и от этого в помещении чувствовалось необыкновенное напряжение. Он, видно, хорошо знал, что, как только начнет говорить, первое впечатление о нем сразу же изменится в лучшую сторону. Голос у него был довольно низкий, но все же слышалось в нем нечто такое, что пристало бы скорее доброй маме в большой семье, чем ему, командиру.

— Венгр? — подошел он к капитану со «Святого Геллерта» и подал ему руку.

Капитан кивнул и стал представлять команду. С каждым комиссар здоровался за руку. Он не спешил, и неторопливость была ему к лицу. Точно так же он поздоровался и с солдатами.

— Мы никого не обидим, — сказал комиссар. — Вы нам не враги. Вы на службе, поэтому у вас оружие и вы воюете. Мы тоже теперь солдаты. Наши враги только фашисты. Кто хочет, может остаться у нас и бить фашистов.

Один из солдат повторял его слова по-венгерски.

Потом комиссар вместе с партизаном, у которого на Дунае был громкоговоритель, подошел к речникам и у каждого спрашивал, кто он такой. Он подал руку болгарам, румынам, а потом подошел к немцам.

— Ты кто? — спросил он рулевого.

— ...дойче, — представился рулевой. — Немец.

— Грман, — сказал комиссар и подал ему руку.

Вместо «герман» он говорил «грман», но немец не осмелился его поправить.

— Фашист?

— Нет, нет, замотал головой немец.

— Хорошо, — сказал комиссар и повернулся к матросу: — Ты кто?

— Герман, — сказал матрос.

— Грман, — поправил его комиссар. — Фашист?

Матрос отрицательно покачал головой.

— Хорошо, — сказал комиссар и подошел к словацкой команде.

Марек думал, что он обратится к отцу, но комиссар пальцем показал на мальчика:

— Ты кто?

— Словак, — сказал Марек.

— Словак? — Комиссар сделал вид, что не понял: — Что такое словак?

— Словак, — взялся объяснять Филип. — Словакия — придунайское государство. Город Братислава.

— Знаю, — прервал его комиссар. — Чехословакия.

— Да, да, — кивал головой Филип.

— Чехословакия, — повторил комиссар, и это слово прозвучало у него как приказ. Он снова повернулся к Мареку: — Ты не словак, а чехословак! Кто ты?

— Чехословак, — ответил Марек.

— Так! — довольно сказал комиссар и подал ему руку. Потом подал руку отцу: — Тоже чехословак?

— Чехословак, — ответил отец.

— Так же отрекомендовался и Филип:

— Чехословак.

— Хорошо, — сказал комиссар и пошел к другим.

— Это уже бывало, — объяснял отец Филипу. — Сербы не признают словаков, а только чехословаков. И Словакию не признают.

— Знаю, — ответил матрос. — Вместе слышали. Помните, мы вывозили одного из Земуна? Он тоже так говорил.

— Почему не признают? — спросил Марек.

— Да признают, — сказал отец. — Но только как чехословаков, потому что Словакию отделили немцы. Перед войной была Чехословакия, а сербы не признают немецкие нововведения. Сербы немцам не сдались. Они их не боятся.

— Мы бы тоже не боялись, — открылся наконец Филип. — Только нас мало.

— Сербов тоже мало, а не сдались.

— Сербов больше.

— Все же намного меньше, чем немцев. И оружия у них столько нет. Уж такой они народ. Ни за что не сдадутся, лучше погибнут.

Отец стал рассказывать о партизане, которого они везли вместе с Гажо. Марек гордился отцом, хоть мама и сказала как-то, что отец тогда очень трусил. Но Марек не мог и мысли допустить, что отец боялся перевозить партизана. Какой мальчик подумает так о своем отце? Был бы тут Гажо, он бы сказал правду. А может, здесь кто-нибудь знает о Гажо? Что, если спросить? Комиссар может знать, иначе не относился бы к ним по-дружески.

С каждой минутой Марек все больше восхищался комиссаром, приписывал ему все хорошее, что только могло прийти в голову, а как только комиссар приказал обменять справки, написанные мальчиком с фиолетовыми зубами, на деньги, ко всему хорошему в комиссаре Марек прибавил и справедливость. Филип, правда, сказал, что такая справедливость — это политика, но незнакомое слово не сбilo Марека с толку. Он верит тому, что видит. Плевать ему на слова, которые ничего не говорят.

С деньгами можно было идти в магазин. Комиссар приказал, чтобы открыли все магазины. Когда отец, Марек и матрос вернулись с покупками, в помещении уже было

весело, потому что многие речники решили тут же потратить деньги. Серб, который угощал их вином, сказал, что два солдата со «Святого Геллерта» перешли к партизанам. Солдат несколько поубавилось, видно, он говорил правду.

Перед немцами с «Баварии» стояло блюдо с жареным мясом. Отец спросил, где они его купили.

— Там, — показал рулевой в угол.

Вскоре и перед ними поставили блюдо с мясом и буханку хлеба. Отец взялся за хлеб, а в это время немецкий рулевой вскочил и, как сумасшедший, выбежал вон. Речники переглядывались, ничего не понимая. За ним следом сорвались два партизана. Один из них был «ежик», который приходил к Краликам на судно. Стояла напряженная тишина, и вдруг с улицы в эту тишину ворвалась автоматная очередь. Вернулся «ежик» и сказал:

— Герман капут. Немца убили.

— Война, — спокойно сказал комиссар. — Почему он нам не поверил? Хорошо, — сказал он «ежику» и взял в руки кувшин.

Всех словно обдало ледяной водой. Взгляды невольно обратились в сторону немецкого матроса, рядом с которым опустело место. Лицо его было белее мела, он хотел что-то сказать, но только вытянул над головой руку с белым платком. Все поняли, что он не в себе, и вскоре о немцах забыли.

Однако его соседям было не так легко забыть немецкого рулевого.

— Нервы у него сдали, — сказал отец и подал Мареку кусок хлеба. — Возьми мясо!

— Не хочу, — сказал Марек.

— Почему?

— Так. — Он посмотрел на немца.

— Мне что-то тоже не хочется, — признался Филип. — Давайте завернем его и возьмем с собой.

Увидев, что болгары и румыны встали и собираются уходить, они тоже поднялись.

8

Речников сопровождали два партизана. Один был все тот же «ежик», только теперь он надел папаху, как у комиссара, правда, без значка. Дорогой почти не разговаривали, хоть партизаны и пытались начать разговор. Марек убеждал себя, что немца застрелил не «ежик», а другой партизан, которого тут, к счастью, не было. Так он «ежика» все-таки меньше боялся.

Партизаны догадывались, почему с ними не хотят разговаривать, они раза три возвращались к случившемуся и говорили, что все в порядке, что не надо расстраиваться, но речники их поняли по-своему.

«Для вас все в порядке, — думали они, — а у нас теперь нет соседа. Рулевой же не виноват в том, что творят немецкие солдаты в Сербии. Зачем мстить невинному? Если у кого-нибудь сдадут нервы, значит, нужно его убить? Рулевой был тихий хороший человек. Вот матрос — другое дело. Если бы убили матроса, можно было бы найти оправдание. Вон как легко отказался он от своего фашизма! Хотя у него, чувствуется, было кое-что в прошлом, а у рулевого ничего, в этом можно поклясться».

Речники косились на своих проводников и не могли им простить... Пусть партизаны по-своему правы, но по-своему правы и речники. Пусть пострадает тот, кто виновен, а иначе всем нужно бояться. Поскорей бы на свою палубу, чтобы больше не видеть этих проводников!

— Женщинам об этом пока говорить не будем, — сказал отец, когда они садились в баркас. — Завтра скажем, когда увидят, что его нет, и станут расспрашивать.

— Правильно, — согласился Филип. — Ничего не скажем. Елена не уснет, если узнает, что случилось. С плохой вестью спешить нечего.

— И ты, Марек, помалкивай, ладно?

Обратно они плыли дольше, потому что обогнули весь мыс. Мать с Еленой сидели на крышке трюма, закутавшись в одеяла. Они все время молчали, чтобы не прослушать всплески весел. Глаза по ночам хуже служат, чем уши. Но с баркаса их силуэты были видны хорошо. Когда баркас вышел из тени, силуэты встали.

— Ждут нас, — сказал отец. — Крикни им, Марек!

— Что?

— Что едем.

— Сам кричи, — сказал Марек. У него стянуло горло. Не мог он кричать.

Но первой крикнула мать:

— Это вы?

— Мы, — ответил отец. — Ждете нас? Почему не спите?

— Да какой тут сон! Сидим как на иголках. Вы целы?

— Целы, — коротко ответил отец.

Баркас остановился. Мама подала Мареку руку, помогла ему подняться на палубу и обняла. Потом поднялся на палубу отец с большой соломенной сумкой.

— Что это у вас? — удивилась мать.

— Покупки, — сказал отец. — За все уплатили, как и обещали. Больше всего нам дали за соль. Даже сумку пришлось купить. А Милко спит?

— Как сурок. И вы, слава богу, вернулись!

Проводники пожелали Краликам доброй ночи и поплыли к другим судам. Марек провожал их глазами, радовался, что избавились от них наконец, и с каждым звуком весла ему становилось легче. Вместе с тем все сильнее рвалась с языка тайна, о которой он обещал не говорить.

— Где же вы были? — спрашивала пани Елена. — Рассказывайте, чего молчите?

— В деревне, — ответил Филип. — Или в городе? Наверное, это был маленький городок.

Мать с Еленой облегченно вздохнули. Они сразу забыли о том, что уже поздно, им хотелось поговорить.

— Ну, а как это место называлось? Были, и сами не знаете где. Наверное, хорошо вам было, не скучали небось!

Если молчат мужчины, говорят женщины.

— Никогда еще мне не было так страшно, — призналась пани Елена.

— А мне раз было и пострашнее, — сказала мать. — В Земуне, когда на барже у нас были те двое. Немцы всю баржу обыскали, и мы уже думали, что Марека больше не увидим. А еще на порогах, когда в Казане отцепили баржу со взрывчаткой. Правда, отец? Как эта дорога называлась, под которую поставили баржу?

— Траянова.

— Да, сербы поставили под Траянову дорогу баржу со взрывчаткой и хотели Казане взорвать, чтобы остановить движение по Дунаю. А ущелье узкое, всего метров полтора шириной. Вот плывем мы по нему и думаем: сейчас взорвемся! Слава богу, что Марека тогда с нами не было!

— А взорвали ущелье? — спросила пани Елена.

— Да нет, — продолжала мать. — Сербы убрали баржу. Ведь плохо было бы не только немцам. Половину Сербии могло затопить. Потом сербы у Железных Ворот хотели перегородить канал. Три баржи с камнями там потопили. Но плохо получилось. Баржи завалились набок, и проход все равно остался. В этой Сербии чего только не бывает! А теперь уже не только в Сербии. Видели капитана с обрубленными руками? Это в Болгарии. Все на Дунае переменялось. Все, все. Когда мы сюда пришли, тут рай был, а теперь с ума сойти можно.

— Мне не доводилось переживать такое, — сказала пани Елена, — только сегодня. Зато Филип многое пережил, — прижалась она к мужу. — Как начнет рассказывать, у меня мурашки по коже. Когда немцы напали на Сербию, он зимовал в Нови-Саде. Там раздали людям топоры и, велели высекать проруби, а потом... расскажи, Филип! Далеко это было от вашей баржи? Метров пятьдесят, да?

— Лучше не вспоминать! — сказал матрос. — Да еще при ребенке. Это не для него.

— Марек тоже повидал достаточно, — кивнула мать. — Услышать не так страшно, как видеть. Он много видел. Правда, сынок?

— Не приведи бог еще пережить такое... — вздохнул Филип.

— Молчи! — пани Елена закрыла ему ладонью рот. — Не накличь беду!

— Вы думаете, что у нас дома будет беда? — тихо спросила мать.

— И дома и здесь, — ответил Филип. — Один раз фронт перескочил через нас, но в другой раз уже не перескочит.

— Вам-то что! — вздохнула мать. Матрос коснулся тех ее мыслей, которые она скрывала сама от себя. — Вам легче. У вас нет детей. Я только одного боюсь. Я боюсь, что, когда придет беда, мы не будем вместе.

Марек не в силах был слушать дальше. Он бросился матери на шею и расплакался.

— Что с тобой, Марек? — успокаивала она сына.

— Ничего, ничего...

— Что с ним вдруг?

Отец знал, что с ним.

— Рулевого застрелили, — сказал он и показал на соседнюю баржу.

— Того? Немца? — испугалась мать. — Когда? Мы не слышали. Правда, пани Елена?

— Не было выстрелов, — подтвердила пани Елена.

— Вы и не могли услышать, — сказал отец. — Это было за несколько километров отсюда. Сидели мы в трактире. У немца нервы не выдержали, он и побежал. Двое выскочили за ним. Потом стало слышно стрельбу.

— И сказали, что немцу капут, — закончил Филип. — Мы потом и есть не могли.

— Когда же это случилось? — удивлялись женщины. — Ведь он недавно был здесь.

— Не матрос, — сказал отец. — Рулевой, а не матрос. Тот, что постарше. Да и матроса здесь быть не могло. Мы раньше него ушли от сербов.

— Я разве не отличу рулевого от матроса? — сказала мать. — Говорю вам, был здесь рулевой.

— Незадолго до вас, — добавила пани Елена.

— Это привидение, — сказал отец. — Или вам приснилось.

— Нет, мы видели ясно. Мы с ним даже разговаривали. Рулевой взял какие-то свои вещи, и его увезли на берег. Он еще нас просил, чтобы мы никому об этом не говорили.

— Так вот оно что! — догадался отец. — А я все думаю: не может быть, чтобы сербы могли его так легко застрелить. Он решил остаться у партизан, только чтобы никто не знал, а главное, матрос. Как поругались они, рулевой от матроса, как от черта, шарахался. Даже как-то говорил мне, что матрос хочет донести на него в Германии и что он боится за семью. Немец против немца!

— А мы сразу — капут! — сказал Филип. — Слышишь, Марек? Хорошо, что мы мясо захватили с собой. Ну-ка, достань его! Давайте помянем немца, хоть он и жив. А?

— Давайте, — сказал отец. — Пойдемте все к нам! Мы ведь еще и не познакомились толком.

— Зачем в каюту? — отказался Филип. — И тут хорошо. В рот себе, что ли, мясом не попадем? Ну и немец! Так нас провести!

— За это мы устроим ему поминки, — смеялся отец. — Мясa не хватит, примемся за окорок.

— Вы и окорок принесли? — удивилась мать.

— Копченый.

— Копченый?

— Да, и еще много чего! Полная сумка. Пойду фонарь принесу.

9

Речники никогда не скажут: «Сейчас приедем в Эстергом», но: «Сейчас придет Эстергом. Ушла Братислава, и придет Эстергом. Потом придет Комарно. После Комарно придет Братислава...» Словно они стоят, а все идет мимо: от моря до Регенсбурга и обратно. Речникам нравится этот самообман. Приятно думать, что они стоят, а все идет мимо. Хорошо, когда твой бродячий дом стоит крепко. Капля самообмана помогает преодолеть страх и неуверенность, рождает цель и энтузиазм.

Перед самым окончанием плавания, когда уже должен был прийти Эстергом, у Милко вдруг поднялась температура. Мать боялась оставаться с ним на барже и решила, что из Братиславы вместе с обоими детьми она поедет домой. Вспомнились Крачмеры, их погибший ребенок, и ясно было, что рейс или два отец должен проделать один. Это займет только несколько недель.

Однако несколько недель растянулись на несколько месяцев, сначала осенних, потом зимних, а потом зацвели сады.

Мать вспоминала свои предчувствия:

— Я так и думала. Так я и предполагала. Правда, Марек? Помнишь, я говорила?

Но перед тем как зацвели сады, должен был растаять лед, а суда — покинуть зимние пристани. Отец зимовал в Галаце и, судя по всему, мог скоро приехать. Мать сложила вещи, чтобы мигом суметь собраться, но все-таки ей казалось, что отец не приедет.

Еще осенью Рудо достал где-то доски и построил на участке сарай. Весной там вырыли колодец, навозили щебень, поставили опалубку для фундамента. Стало ясно, как будет выглядеть их собственный дом. В плане он казался несколько иным, а главное, меньше. Теперь стали видны действительные его размеры, а также расположение комнат, оставалось представить себе стены и крышу.

— Не слишком ли он для нас большой? — переходила мать из одной комнаты в другую. — Мне кажется, он великоват.

— Какой большой, что ты! Привыкла жить в каморке на барже! — говорил Рудо. — Тут одна комната, тут вторая, тут прихожая, здесь кухня, а вот кладовая. В прихожей можно стеночку поставить, и еще одна комната получится для Марека и Милко. Пусть вдвоем живут. У нас не было своей комнаты, пусть хоть у них будет. Конечно, сделаем стенку. Марек, марш из кладовки!

— Из какой кладовки?

— Да ты же в кладовке стоишь! Посмотрите на него! Торчит в кладовке, и никак его оттуда не вытащишь. Всю колбасу съел!

— Не ел я!

— Всю съел! Где она? Покажи! Не покажешь, потому что всю съел. В кладовке пусто!

— В ней и стен пока нет! — смеялся Марек.

— Какие стены? Фундамента еще нет, а ему стены подавай! Тоже мне, траливали! Дом строят с фундамента. Под кладовкой будет погреб.

— И погреб? — испугалась мама. — Его и в плане нет!

— План — планом, но мы его сделаем. Строить так строить. Или все, или ничего. Сначала будем рыть погреб. Приедет хозяин, сделаем навес. Да мы и без него управимся. Доски у нас есть, а столбы у Вага напилим. Там много деревьев. Под домом должен быть погреб, чтобы в саду вам не пришлось рыть кротовые норы.

Рудо строил как будто для себя. Он не желал понимать, что сестре хотелось дожидаться мужа, хотелось, чтобы муж решал, что и как строить. Ведь это его трудом заработаны деньги на дом. Муж плавал, муж стоял у штурвала...

— Поставим фундамент,— настаивал на своем Рудо.— И будем ждать твоего мужа. Пусть поторопится! Его дом строим, не мой. Я на вашей стройке только отдохну. Кровь уймется. На моей работе кровь у кого хочешь закипит. И как же ей не кипеть, когда видишь, как обращаются с заключенными. Упадет человек, а конвоиры схватят за руки, за ноги и отнесут, как мешок картошки. Сегодня еще один упал, охранники пнули его, видят, не притворяется, и унесли. В желудок бы заглянули, а не пинали! Но с едой трудно, а пинков на всех хватает. А ты видишь все, а вести себя должен как глухой да слепой. Я бы всех этих конвоиров поубивал. Муху не обижу, а их бы поубивал! Для них заключенный не человек! Тот, что сегодня упал, говорят, доктор был, а они его ногами. Звери! Ты куда воду льешь, Марек? Весь цемент смоем. Осторожнее! Если бы так все делали, то бросали бы щебень прямо в яму.

— Дай сюда, я сделаю,— выхватывала мать ведро у Марек.

— Держи лучше Милко за руку,— сказал Рудо.— Да, а где он? Милко, где ты? Ба-а, да он по колени в бетоне! Милко, иди сюда! — вытаскивал Рудо малыша из бетона.— Иди-ка ты с ним домой, сестренка! Пока умоешь его, до полуночи провозишься. Мы с Марексом доделаем. Лей, Марек! Ну вот видишь, умеешь! Умеешь, когда хочешь! Так, так... Хватит! Тащи тачку! Он доктор, а его ногами! Тут за последнего пропойцу заступишься, потому что и ему больно! А конвоиры... Никак из головы нейдет. Коммунист он, вот они его и...

Марек живо представил себе все, что рассказывал Рудо. Он иногда носил ему обед в концлагерь, где Рудо работал. Один знакомый пускал его через проходную. В лагере Марек видел и заключенных. Они работали в бараках, похожих на огромные клетки. Рудо всем видом своим показывал, что до заключенных ему нет никакого дела. Но часто он закуривал сигарету и бросал ее, почти целую, в клетку. Заключенные радостно поднимали ее с земли, словно она из золота.

— Ты совсем целые бросаешь,— сказал Марек.

— Что? — притворялся Рудо, будто не слышит.

— Зачем выбрасываешь целые сигареты?

— Не слышу! Дома скажешь, а тут подталкивай!

Дома он Мареку объяснил, что недокурные сигареты он нарочно бросает заключенным. Если бросит целую, то заметит конвоир. Кто-то раз дал заключенному целую сигарету и тоже очутился за решеткой. Делать добро здесь следует осторожно. Очень легко самому стать лагерным заключенным.

10

Летом на участок завезли кирпич и песок и приготовили известь. Хотели доски купить на крышу и потолок, но дерева в магазине не было.

— В Словакии дерева, оказывается, мало! — сердился Рудо. — Куда ни глянь, всюду лес. Что с ним только делают?

Но стройку Рудо не начинал, послушался сестру. Да и какая работа, если над головой — целые тучи бомбардировщиков? Когда одни люди разрушают, разве могут другие строить?

Рудо и Марек лежали в саду, смотрели в небо и считали самолеты, но не по одному считали, а целыми звеньями, по одному бы они не успели, так быстро пролетали самолеты. Да и разве можно пересчитать ворон в стае?

Самое последнее, что они сделали на участке до того, как подошла линия фронта, было убежище. Навес над погребом покрыли толстым слоем глины. Чем толще слой, тем труднее будет бомбе его пробить. Другое убежище выкопали дома, в саду. На этом настоял дедушка. Говорил, если не успеет перебежать улицу, спрячемся дома. Это убежище было меньше и менее надежное, поэтому звали его запасным.

— Ахтунг, ахтунг! Внимание, внимание! Над нашей территорией — американские самолеты... — Это Лойзо изображал радио. Он сидел за забором и сообщал миру новости о перемещении бомбардировщиков. — Старая калоша, тяжела ей ноша...

— Лезь к нам в убежище! — кричал ему Рудо. — Скинут бомбу на твою глупую башку, узнаешь!

— А на вашу не скинут?

— Нет!
— А почему на мою, а не на вашу?
— Мы им ничего не сделали!
— Смотрите, бросили станиоль! — показывал пальцем Лойзо. — Марек, идем собирать!

— Зачем он?
— На елку!

Марек принес нитки станиоля, в поле их было много. Он бы и больше притащил, но лесничий прогнал их с хозяйского поля. Голчеки набрали целый моток, но никому не дали. Кому хочется делиться такой редкостью?

— А зачем его бросают? — спросил Марек у Рудо.

— Чтобы радиоволны не проходили.

— Из-за станиоля?

— Да. Чтобы люди не поняли, где самолеты и куда летят. Чтобы спрятаться не успели.

— Милко, не рви, — гнал Марек брата от станиоля. — На елку нечего будет вешать. Мама, скажи ему, чтобы не рвал. Пусть сам себе наберет! Ну скажи ему!

Мать молчала, потому что не радовал ее станиоль, и даже от рождественской елки она не ждала никакой радости. Кто знает, вернется ли отец, а без него праздник не в праздник.

— Вы уже давно не виделись? — как-то спросил ее Рудо.

— В конце августа будет год.

— А когда было последнее письмо?

— В мае. Июнь, июль, август, — считала она на пальцах. — Уже три месяца. А написал он его еще в марте. Полгода, выходит, нет вестей.

— Надо узнать в дирекции, — советовал Рудо. — Там должны знать, где баржи. Но если бы с ним что случилось, его зарплату перестали бы тебе присылать.

— Поеду узнаю, — сказала мать. — Еще пару дней подожду и поеду.

— Нечего ждать. Поезжай! Прямо в дирекцию. Кому же и ехать, как не жене? Бери Марека и поезжай, пока у него каникулы. Там должны знать. Вдруг он что-нибудь передал? Они ведь к тебе не приедут.

Чего только не придумывал Рудо, чтобы убедить сестру! И наконец она согласилась. Это был единственный способ узнать что-нибудь об отце. С вечера она все приготовила, а рано утром вместе с Марекком поехала в Братиславу.

11

Принявший их чиновник Дунайского пароходства был пожилой очень симпатичный и услужливый человек. Он усадил их в мягкие кресла, чтобы удобнее было ждать, пока отыщется нужная запись. Потом ушел в другой кабинет эту запись проверить, а вернулся, слегка улыбаясь, но в то же время и слегка беспокоясь, как примут известие мать и сын.

— Плохого я вам не скажу, госпожа Краликова, но и ничего хорошего тоже, — начал он. — Баржа номер 6714 осталась за линией фронта, где-то в нижнем течении Дуная, в Галаце или Брэиле. Где-то там ее отрезали русские войска. Но вы не бойтесь! Там много барж и пароходов, и ваш муж не одинок.

— Русские войска? — спросила мать и невольно вскочила. Она и сама не знала, обрадовалась она словам «русские войска» или вдруг испугалась. — Так он уже у русских? А жив он? Жив?

— Ну конечно, жив, госпожа Краликова! — убеждал ее чиновник. — О потопленных судах у нас известно довольно точно. Да и уйти можно с тонущей баржи. С

судном 6714 все в порядке, однако вернуться ваш муж сможет, только когда немецкие войска вернут свою территорию. Вы меня понимаете? Взгляните на карту!

Он разложил на столе карту Дуная, потому что ему показалось, что женщина не совсем поняла его.

— Вот здесь мы, тут — баржа с вашим мужем, а где-то посередине, здесь или даже ближе к нам, — он нарисовал на карте поперечную линию, — проходит линия фронта. Как только она будет здесь, за спиной у вашего мужа, суда снова пойдут по Дунаю, как и раньше. Больше я, к сожалению, ничего сказать не могу. Мы и сами больше не знаем. Поймите меня, пожалуйста, правильно!

Потом он сделал нечто такое, что мать должна была понять без слов. На линию фронта он поставил ребром ладонь и стал двигать ее в направлении, обратном тому, о котором говорил. Он передвинул ладонь к верховьям Дуная и остановил там, где Дунай

берет свое начало. При этом он втянул голову в плечи, словно хотел сказать, что и это возможно, но говорить об этом нельзя, особенно в этих стенах.

Мать кивнула, что ей все понятно, и вздохнула:

— Только бы он был жив!

— Да жив он, госпожа Краликова! Нужно ждать. Все ждут. У меня сын на фронте, и я тоже ничего о нем не знаю. Все ждут, и ничего не поделаешь. Такое время.

Это был действительно симпатичный человек, поэтому они поверили ему. Он дал Мареку на прощание две фотографии. На одной был пароход «Т. Г. Масарик», на другой «Дые» тянула через Братиславу две баржи. По чехословацким флагам на судах можно было понять, что это еще довоенные фотографии. «Дые» была Мареку особенно близка и мила, однако ему хотелось, чтобы она тянула их баржу, и видеть ее не на фотографии, а с берега, по которому они с матерью долго ходили после того, как вышли из дирекции порта.

Они шли по берегу и не отрывали глаз от воды. Дунай, передай отцу наш привет, скажи ему, как мы ждем! Только тебе, Дунай, дано пройти через линию фронта... Мать и Марек долго не отходили от реки, с ней годами была связана вся их жизнь и работа, а теперь она связывала их с отцом.

Дунай связывал их с отцом, и даже сам речной господь бог не мог помочь им сейчас. А они? Что могли сделать они? Стоять на берегу доброй старой реки и смотреть, как бежит-убегает необозримый и мутный поток.

12

Последняя военная осень была для учеников иногда и приятна. Все чаще директор школы им говорил, чтобы они завтра не приносили в школу учебники, а брали с собой лопаты, потому что нужно копать окопы. Даже если он ничего не приказывал, учебу то и дело прерывала сирена и вся школа отработывала «тревогу». И это казалось лучше сидения за партой.

Однако все эти приятные события отравляли Мареку две неприятности.

Первая заключалась в том, что к бабушке и дедушке постоянно ходили какие-то люди и все время спрашивали, куда делся Рудо. Среди них был и лесничий Кучера. Несмотря на то, что Кучера сосед и можно было ждать от него доброго отношения или помощи, вел он себя не по-соседски. То, что он почитал за добро, было для них большим злом, и наоборот. Польза от знакомства ограничилась только тем, что лесничий вел переговоры за всех остальных.

— Если вы не знаете, где ваш сын, Зёмкова, мы вам скажем. К бунтовщикам ушел! С этими бандитами заодно! всю жизнь ничем путным не занимался, а теперь дождался своего светлого дня. Небось ворует ваш сыночек. Или разбоем занялся.

— К каким бунтовщикам? Он глухой как пень, — изо всех сил ругала бабушка Рудо, потому что сейчас это было самое умное. — Его и на войну не взяли. Он себя-то не слышит!

Дедушка спрятался от «гостей» в угол сада, хотя мог бы для солидности поддакивать бабушке.

— Для армии он глухой, а как восстание, так слышит лучше всех, — настаивал на своем лесничий. — Не первый день знакомы, Земкова.

— Вот как раз поэтому вы и должны знать, что он поехал в Германию искать работу. Он был там два раза, а теперь снова поехал. Еще до вашего восстания собрался.

— Не наше, а его восстание.

— Вот видите, перед восстанием. Сами только что сказали, — сбивала бабушка лесничего с толку. — Не знаю, чье оно, ваше или его, но перед восстанием его никто не искал. А теперь он вдруг всем понадобился. Бог его знает, где он теперь...

— Они из концлагеря освобождали заключенных, когда началось восстание. Ну вот что. Если покажется, случаем, вы нам скажите. Чем скорее, тем лучше для вас и для него.

Вторая неприятность, которая страшно огорчала Марека, заключалась в том, что уже очень давно он не видел отца. Мальчик постоянно думал о линии фронта, которая их разделяла, и она казалась ему то бурной рекой, через которую нет моста, то полоской горячей земли, на которой огонь гудит до самых небес, а иногда он представлял себе линию фронта как огромную стену, на которую с одной стороны давят немцы, а с другой жмут русские, и стена никак не поддается.

Марек копал окопы, длинные и глубокие ямы, и думал о линии фронта. Скоро линией фронта станут и эти окопы. Окопы остановят русские танки, так им объяснял смысл работы директор. Немцы подорвут русские танки и передвинут линию фронта туда, где отец. И тогда он вернется домой. Но может случиться, как шепчутся все вокруг, что русские перенесут линию фронта прямо в Берлин, и тогда отец вернется...

Марек не разбирался в военных делах, он только бросал лопатой глину, как и другие ученики, потому что учением было тогда рытье окопов, и после учения старательные ученики получали от директора пакетики с конфетами, а ленивые должны были копать еще целый час.

— Кто лучше всех работал? — спросил директор.

— Лойзо Крнач! — кричали ему.

— А кто хуже всех?

— Цтирад Теплицкий. У него барские руки, ему только на рояле брэнчать, лучше бы служанку сюда послал вместо себя!

Вот наконец и Лойзо Крнач стал хорошим. Самые плохие вчера стали самыми хорошими сегодня, и наоборот. Не все решали даже результаты работы, все зависело от того, на чьей стороне большинство ребят.

Но тем не менее Марек обнаружил в отношениях ребят некую особенность. Пока Цтирад носил на рукаве черную ленточку в память о погибшем на фронте брате, ребята относились к нему хорошо. К тому же Цтирад говорил, что брат пошел на войну против своей воли, что он не хотел воевать, и ребята сочувствовали ему. Но как только Цтирад перестал носить черную ленточку и радостно сообщил, что брат его жив, что он в плену у русских, доброе отношение ребят сразу пропало, словно все завидовали Цтираду, что брат его остался жив.

Расположение мальчишек, казалось, лежит на весах, и то, что снимается с одной чаши, сразу же кладется на другую. Пока Цтирад носил траур, и Мареку было с ребятами легче, он сразу это заметил. Марек и сам частенько перекладывал свое расположение с одной на другую чашу. То, что было заложено в нем самом, помогло открыть подобное у всех ребят.

— Цтираду Теплицкому сегодня простим, — решил директор. — Но в следующий раз работать нужно лучше. Нашей родине нужны старательные люди. Лопаты на плечо!

— У меня лом. Его куда?

— Тоже на плечо! Что петь будем?

— «Хороши сыны у вас, матери-словачки!»

— Только громче! Как солдаты поют.

Когда отрабатывали «тревогу», в убежище горели фонари, похожие на корабельный фонарь, который Марек привез с Дуная. Когда мальчик смотрел на эти фонари, ему казалось, что перед ним фонарь с той тонущей баржи, вместе с которой утонула белая собачка. Ребята рассказывали о налетах и бомбардировщиках всякие ужасы, а Марек был уверен в душе: пока горит фонарь, нечего бояться. Фонарь рождал в душе уверенность, и бревенчатые стены убежища казались Мареку неприступными. Столько дерева ни одна бомба не прошибет.

Фонари в убежище напоминали о барже. Вот, казалось ему, сидит под таким фонарем отец, сидит и думает о своих. «Что там, за линией фронта? — мысленно спрашивал Марек отца. — Какие они, русские? Бояться их или не бояться? Ты это уже знаешь, отец. Здесь разное про них говорят, но и про немцев и партизан тоже толкуют разное». Однако их Марек уже видел, а вот русских ни разу не встречал. А может, встречал? На Дунае русские были? Что-то не припоминается. Какие они, русские? На многие вопросы Марек уже знает ответ, но этот, главный, остается пока без ответа. А важно знать, какие они, потому что у русских — отец, и линия фронта все ближе и ближе.

13

Однажды вечером, под самый Новый год, кто-то тихо стукнул в окно. Дед, бабушка и Марек с мамой сидели в передней комнате, как и в другие праздничные вечера. Сразу же погасили свет и отогнули одеяло, которым было закрыто окно. Сначала подумали, что это Рудо. На улице стемнело, а мужчина был очень высокий. Дедушка пошел открывать, но, к огромному удивлению Марека, в комнату вошел не Рудо, а тот, кого и во сне не приснится ждать, — Гажо.

— Гажо! — бросился Марек на шею матросу, словно сам отец вернулся домой. — Гажо, что ты тут делаешь?

— Ты зачем ему тыкаешь? — сердился дедушка. — Он же старше!

Друзья переглянулись и захохотали. Когда-то то же самое сказано было отцом Марека. Как все повторяется!

— Валяй, Марек! — повторил Гажо старый ответ. — Мы, матросы, одна семья. Мы все на «ты».

Все улыбнулись его словам, только Гажо и Марек знали: они-то смеются потому, что у них общая тайна. С этой минуты Гажо стал одним из членов семьи Краликов.

— Я поехал к матери, — рассказывал Гажо, — но в Чехию меня не пустили. Ну, думаю, надо вас навестить, если уж еду мимо.

— Как ты нас отыскал? — удивлялась мать.

— Кто хочет, тот найдет. А что с дядей Янко, хозяйюшка?

— Он в Румынии остался, за линией фронта, вместе с баржей, — сказала мать. — В Дунайском пароходстве больше ничего мне сказать не могли.

— Так он у русских? Это хорошо. Фронт пройдет, и вернется ваш муж. У нас тоже есть русские.

— У вас? А ты где, если и русские там?

— Где зимой медведи спят.

— В горах?

Гажо кивнул.

— И Рудо наш где-то там, — сказала мать. — Ты его не видел? Как ушел, никаких вестей.

— Чего ты задаешь глупые вопросы? — сердился дедушка. — Если и встретил... Они же не знакомы.

— Как же не знакомы? — удивилась мать.

— Знакомы, — подтвердил Гажо. — Мы в Линце по-знакомились.

— В Пассау, — поправила его мать.

— Да, да, в Пассау. Его тогда из-за перца хотели забрать. Ну да, в Пассау. Как вчера было. Если увижу его, скажу, что был у вас. Но одного вашего земляка я видел под Брезно — Якуба Бойнанского. Он говорил, что вас знает. Убежал из тюрьмы прямо в горы. Участвовал в восстании. Якуб Бойнанский. Вы его знаете?

— Конечно, знаем, — сказала мать. — И жену его знаем. У него четыре мальчика. С одним Марек учится. Он и у нас, кажется, был. Правда, Марек?

— И я у Бойнанских был, — сказал Марек. — Его зовут Драгуш.

Марек не забыл, как Драгуш встал вместо него в угол. Теперь представился случай отплатить ему добром.

— Я скажу ему, что его отец в партизанах, — предложил Марек.

— Ничего не говори! — сказала мать. — Он, может быть, знает. Я сама поговорю с его матерью, как увижу.

А ты держи язык за зубами. Нечего детей в это впутывать.

— Почему? — спросил Марек.

Ему очень хотелось обрадовать Драгуша.

— Слушай, что тебе говорят, — сказал Мареку Гажо. — Да, пока я не забыл, принеси-ка мой чемоданчик. Возьму кое-что.

— А там ничего нет, — сказала мать то же самое, что говорила в Земуне.

— Плохо смотрели, хозяйка, — смеялся Гажо, как и тогда. — Неси его сюда, Марек!

Вместе с Марексом вышел дедушка. Когда он узнал, какой ночной гость пожаловал, решил сразу же проверить замок на воротах. Дед постоял во дворе, на холоде все же легче думать о том, что чужие вот приходят, а Рудо никак домой не возвращается. Старик смотрел вверх, словно искал сына в голых ветках старой яблони. Давно ли было то время, когда Рудо карабкался по этим сучкам? Он подошел к яблоне и похлопал по стволу рукой. Рука почувяла холод. Тоскливо было старику, но тут он увидел, что Марек стоит рядом.

— Жду тебя, чтобы тебе не было страшно, — сказал он внуку.

И в комнату дед с Марексом вернулись вместе.

Гажо взял чемоданчик и показал тайничок под крышкой.

— Сюда надо было смотреть. Я же говорил, что здесь двойное дно. — Он извлек из тайничка исписанные бумаги и фотографию. — Это моя мама, смотрите!

— Какая молодая! — сказала мать.

— Была, — загляделся на фотографию Гажо. — Теперь она намного старше. Я только карточку заберу, а бумаги оставлю. Сейчас они не нужны, а после войны пригодятся. Вдруг объявится Яно Тотт? — Он сунул бумаги в чемоданчик и подал его Марексу: — Присматривай за ним, Марек! Сразу после войны я все заберу. Хорошо, что хоть карточка у меня есть! — Он еще раз взглянул на фотографию и спрятал ее.

Когда встречаются речники, они непременно вспоминают Дунай.

— Чего только с нами не случилось... Правда, Марек? — начал Гажо. — Помнишь, как мы с острова попа Василе принесли огромного петуха? Всех петухов победил! Когда нам на барже нечего было делать, — повернулся он к остальным, — мы устраивали петушиные бои. Выискивали на базаре самых сильных петухов. Только перья летели, так они дрались. Потом его и ощипывать не надо было, весь обдерется. Но чаще всего вспоминаю, хозяйка, как мы покупали латунную трубку. Вы им об этом рассказывали?

— О трубке, кажется, нет.

— Хотели мы сделать палинку, а подходящей трубки нигде не найдем. У всех все в порядке, а мы никак. Да, к тому же мы инжир везли. Трюмы открыты, чтобы воздух к ним доходил. Полна баржа инжиру, да такого, что прямо для палинки черти вырастили, а мы, по их чертовой вине, трубку найти не можем. Найдем, говорю, дядя Янко! В ад влезу, а трубку достану. Да мы еще как-то наменяли себе сахару за молотый перец. Был у нас мешок перцу. Куда его? Ну, мы мешок — в лодку да еще кое-что прихватили и давай на берег. Ты еще с нами был, Марек, помнишь? Маленький ты был, — Гажо показал рукой пониже стола. — Где это было, хозяйка, в Джурджу или в Руцуке?

— В Джурджу, — сказала мать.

— Ну да все равно. Идем в один магазин, показываем товар. Все у нас купили. Идем в скобяной магазин. Чего там только не было! Вот латунных трубок и не было. В другом магазине, смотрим, тоже нет. Весь город обошли, а трубки нет. Но мы не сдались. «Я на баржу без трубки не вернусь, дядя Янко, — говорю. — Без меня уйдешь, но достану».

— И мы купили люстру, — вмешался Марек.

— Не спеши! — сказал Гажо. — Купили мы люстру, но какую! Подходим к антикварному магазину. На витрине — картины, статуэтки, вазы, тарелки, а под потолком висит прекрасная хрустальная люстра с подвесками. Смотрю на нее и говорю:

«Видите, дядя Янко!»

«Есть тут трубки, — отвечает, — даже две».

«Вот видите, — говорю, — на такие глупости, как эта люстра, трубок не жалеют, а на полезное дело не найдешь. Зачем речнику хрустальная люстра? Повесишь ее в каюте, самому будет спать негде. Или матрос, или люстра!» И тут меня словно черт под руку толкнул. «Пошли!» — говорю.

Входим в магазин, спрашиваю, продается ли люстра.

Был там старик продавец, поперек себя шире. Сначала и говорить с нами не хотел, какие, мол, из нас покупатели, но, когда мы ему показали горсть денег, сразу сказал цену. Мы заплатили, и он люстру снял.

«Потащишь ее на баржу?» — сказал дядя Янко.

Только тогда до нас дошло, что мы, собственно, купили.

«Зачем нам люстра?» — говорю и спрашиваю у продавца пилку. А он никак понять не может. Показываю ему, а он только башкой крутит. Да, это в Румынии было, вы правы, хозяйка. Болгары головой крутят не так.

Вернулся я в скобяной магазин и тащу оттуда пилку.

Когда мы стали спиливать с люстры трубки, продавец вытаращился на нас, как баран на новые ворота. Я как сейчас его вижу. Отпилили мы одну трубку, потом вторую, а погребушки оставили в магазине. С тех пор как вспомню про Дунай, тут же вспоминаю про люстру и этого ошалевшего продавца. Но трубку мы достали! Мы тут же на берегу набили в нее песок, чтобы легче было придать ей нужную форму. Пришли мы на баржу и сразу же заквасили инжир. Интересно, делает палинку дядя Янко теперь или нет? А мог бы! Скоро праздновать окончание войны, палинка понадобится.

Вы говорите, хозяйка, что не вернетесь больше на Дунай? — продолжал Гажо. — А я вернусь. Сразу же после войны. Помнишь, Марек, как мы выхаживали диких утят? Это было во время первого нашего плаванья. Нигде такого не встретишь, как на Дунае. Я туда должен вернуться. Меня от реки не оторвать. Вот с этим чемоданчиком и вернусь. После войны приду за ним, Марек.

— А когда я вспоминаю Дунай, — сказала мать, — то так и встают перед глазами ледяные могилы в Оршове.

Начинаю думать о чем другом, а потом снова о них вспоминаю.

— Вода унесла, хозяйка. Все, что унесла вода, никто уже не увидит. Мы свой Дунай знаем. После войны он к нам будет добрей.

— Я не понимаю, — сказала мать, словно не слышала слова Гажо, — как эта сербка знала все наперед. Все предсказала. Помнишь? Война, и кровь, и смерть.

— Очень просто, хозяйюшка, — сказал Гажо. — Если человек видит немного дальше собственного носа, просто быть пророком. Я вам сейчас напророчу, что к весне тут будут русские. Вот увидите! А потом удивляйтесь, откуда я знал о том наперед. Ну, мне пора идти, днем проверки построже, чем ночью. — Он встал и всем по очереди подал руку. — Привет передайте отцу, если он раньше меня явится.

— А ты Рудо привет передай, если увидите.

— Конечно, увидимся. Или с кем-нибудь передам, поспрашиваю о нем. Береги чемоданчик, Марек! До свидания после войны!

В военное время одно примечательно: как только приблизится линия фронта и сверкнет от нее искра или свистнет в воздухе щепка, обыватели зарываются в землю и видеть ничего не хотят, слышать ничего не желают. Но вот перевалилась волна фронта, пошла греметь дальше, и поднимает голову разный народ: все они, оказывается, видели, все слышали. Да вдобавок обыватель все знает. Днем с огнем не сыскать на улице дурака. Все твердят одно и то же:

— Русские пришли. Свободу принесли! Я еще с начала войны знал, что русские нам помогут.

И можно было бы сказать обывателю: почему же вы молчали в тот грозный час, когда надеждой звучали бы эти слова? Кому теперь нужен ваш запоздалый ум?

Ладно, руку на сердце и уста на замок! Только собственную отвагу и страх мы способны познать целиком, но стоит ли искать меру страха и меру отваги?

Господин Слёзачек вчера вечером провожал немцев с плачем, с бутылкой в руке, а сегодня вышел навстречу русским, и те же слезы в глазах, та же бутылка в руках. И он крепок задним умом. Скажете, та же шкура, только навыворот? А что, если нет? Давайте не шкуру иметь в виду, а руки!

А что, если и в жизни, как на уроке: трясется ученик, замирает, вдруг вызовут? Вдруг укажет на него грозный учительский перст?! И тьма в голове у него, и мрак. Но вот звонком обозначится перемена, выходит из класса «страшный» учитель, и такое вспомнится вдруг ученику, чего никогда и знать он не знал, и ведать не ведал. Может быть, незнание — дело страха? Давайте уберем страх, и светом сменится темнота!

Когда Марек насмотрелся на русских, он прибежал в сад и стал помогать матери, Габе и Юдите выносить из убежища припасы, потому что отчаянный страх сменился теперь естественным чувством, которому название — голод. Наконец Марек вынес свой корабельный фонарь. Он хотел долить в него керосина, но не стал. Нескоро теперь понадобится фонарь. Марек повесил его в сарае на гвоздь и вернулся в сад.

— Вот мы и на свободе! — кричал из соседнего сада Лойзо Крнач.

Марек его еле узнал. Лойзо был закутан в лисий воротник, и руки у него были заняты: вместе со старшим братом он таскал из опустевшего дома лесничего разные вещи. Все добро лесничий забрать с собой не сумел, когда уходил с немцами.

Все люди представляли себе войну одинаково, потому что опыт был один и тот же у всех. И интерес был тоже у всех один: всем хотелось дожить до свободы. Но вот она пришла. Опыта свободной жизни у людей давно уже не было, поэтому по-разному они представляли ее себе, и в разные стороны разошлись их интересы. Лойзо Крнач чувствовал себя свободным в лисьем воротнике.

— Ты видел взорванный мост? — спросил его Марек.

— Нет, — ответил Лойзо. — Что? Только опоры торчат?

— И арки.

— А пройти по нему можно?

— Конечно, нет.

— А как же я к бабушке в Шйнтаву поеду? Скоро черешня поспеет, — жаловался Лойзо. — В корыте переберусь. Тоже буду матрос.

В другом саду, через три забора, мальчишки Голчеки искали в яме осколки бомбы.

— Ясик-мясик! Много нашли?

— Целую шапку.

Дежо Хорват помогал отцу заколачивать досками окна. От взрыва у них вылетели все стекла. Говорят, при взрыве такой бомбы нужно лицом лечь на землю. Но если бы перед этим сказали: «Внимание, внимание! Сейчас мы сбросим на вас бомбу, лягте, пожалуйста! Раз, два, три — летит!»

Взрывной волной убило осла у старухи Урбанковой. На площади бомбы уничтожили три немецкие грузовые машины вместе с солдатами. Разве солдаты не знали, что нужно лечь на землю? Всё знали, только не успели. Судьба заглушила моторы. Подкралась, как дух. Знаешь или не знаешь — войне все едино.

— Принеси-ка водички, — попросил Марек дедушка и оперся о лопату.

Перед ним чернела вскопанная земля. Вот так себе представлял свободу дедушка.

Марек представил себе свободу так: нет теперь линии фронта между ними и отцом, все теперь на одном берегу. Ему стало казаться, что отец уже дома. Свобода вернула отца.

Гажо, видимо, представлял себе свободу так, что не должен выполнять обещания. Вернулся Рудо и сказал, что Гажо не передавал ему привет от родных. И за чемоданчиком Гажо не явился. И до сих пор ничего о нем не известно. Все сходится на том, что погиб он, наверное, в последние дни войны.

Маленький Милко в день освобождения нес домой драгоценную находку. Он обнаружил ее в кустах у забора, мимо которого ночью уходила длинная колонна немецких солдат.

— У меня есть мячик, мячик у меня! — кричал он маме, когда она выходила из убежища.

— Что, что?

— Мячик. Держи! Бросаю!

— Боже мой! У него граната! — воскликнул дедушка. — Милко, не бросай!

— Бросаю, лови!

— Не бросай! Папка вернется и не увидит тебя! Не бросай!

— Лови, лови, — смеялся Милко.

— Дай сюда! — направился к нему дедушка, но Милко весело побежал от него.

— Милко!

— Все в убежище! Оставьте меня с ним одного! — крикнул дедушка.

Но никто его не послушался. С испугу его и не слышали.

— Милко, слушай меня хорошо, — говорил дедушка тихо и рассудительно. — Это не мячик. Дай мне! Это страшное! — протягивал он к мальчику руку. — Если ты мне его не отдашь, ты уже не увидишь папу. Послушайся меня! Это не мячик!

— Мячик, мячик, мячик... — стучал Милко пальчиком по гранате. — Лови!

Тут подоспел Марек:

— Милко, птичка летит! Вон, наверху, — показал он на небо. — Летит, летит!

Милко на мгновение поднял глаза, и тогда Марек взял из его рук гранату и подал дедушке.

Все перевели дух.

— Как будто сами мало зла натворили, — говорил дедушка, глядя на вытопанную тропинку, по которой ушли немцы. — Еще и это оставили...

Да, только маленький Милко не радовался свободе, потому что ничего еще не понимал.

— Отдайте мне мой мячик, — плакал он. — Отдайте мне мой мячик! Я папке скажу...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ПОВОРОТЫ. <i>Перевод Н. Васильевой</i>	3
Часть II. ВОЛКИ. <i>Перевод Н. Васильевой</i>	56
Часть III. МОСТЫ. <i>Перевод М. Письменного</i>	105
Часть IV. БЕРЕГА. <i>Перевод М. Письменного</i>	165

Для среднего возраста

Ян Навратил

ФОНАРЬ МАЛЕНЬКОГО ЮНГИ

Повесть

ИБ №6274

Ответственный редактор *Т.П. Владимирская*. Художественный редактор *В.А. Горячева*. Технические редакторы *В.К. Егорова* и *Г.Г. Рыжкова*. Корректоры *В.В. Борисова* и *Л.И. Дмитрюк*

Сдано в набор 12.01.83. Подписано к печати 14.09.83. Формат 70х90 ^{1/16} Бум. офс. №1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 33,94. Уч.-изд.л. 12,32. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2010. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

